

В ОУТ И К

и роническая коллекция

В ОУТ И К

Светлана
Богданова
капкан для
шоколадного зайца

Светлана БОГДАНОВА

капкан для шоколадного зайца

Тайные
делишки,
темные
страстишки,
женское
любопытство

«крылов»

Светлана Богданова

закончила институт по профессии
«инженер-системотехник ЭВМ».

С 1998 года публиковалась
в журналах «Русский мир»
и «Молодой Петербург».

«Зачем что-то выдумывать,
когда и так все смешно?» —
повторяет вслед за поэтом

Светлана Богданова.

Ситуации, описанные в ее книгах,
абсолютно реальны
и притом фантастически смешны!

Иронический детектив

«Капкан для шоколадного зайца» — новая книга сериала,
посвященного невероятным приключениям
Ангелины Громовой — экстравагантной сотрудницы
агентства по недвижимости.

Светлана БОГДАНОВА

капкан для шоколадного зайца

**Знойный красавец Виктор Каррерас
покушается на имущество Ильи Голубева —
доброе знакомого Ангелины Громовой.
Разве эта экстравагантная дама может
смириться с такой вопиющей несправедливостью?
Но попадет ли в поставленный Ангелиной капкан
тот, кому он предназначался?**

«крылов»

КЛАССИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

СВЕТЛАНА БОГДАНОВА
ЗАКОНЧИЛА ИНСТИТУТ
ПО ПРОФЕССИИ
«ИНЖЕНЕР-СИСТЕМОТЕХНИК ЭВМ».

С 1998 года публиковалась
в журналах «РУССКИЙ МИР»
и «МОЛОДОЙ ПЕТЕРБУРГ».

«ЗАЧЕМ ЧТО-ТО ВЫДУМЫВАТЬ,
КОГДА И ТАК ВСЕ СМЕШНО?» —
ПОВТОРЯЕТ ВСЛЕД ЗА ПОЭТОМ
СВЕТЛАНА БОГДАНОВА.

СИТУАЦИИ.
ОПИСАННЫЕ В ЕЕ КНИГАХ.
АБСОЛЮТНО РЕАЛЬНЫ
И ПРИТОМ
ФАНТАСТИЧЕСКИ СМЕШНЫ!

▷ РЫБА ФУГУ ПО-РУССКИ

▷ КАРАОКЕ НА ОСТРОВЕ БАЛИ

▶ КАПКАН ДЛЯ ШОКОЛАДНОГО ЗАЙЦА

СВЕТЛАНА
БОГДАНОВА

КАПКАН
ДЛЯ
ШОКОЛАДНОГО
ЗАЙЦА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРЫЛОВ»
2004

ББК 84.(2Рос—Рус)6
УДК 882-3
Б 72

Богданова С.

Б 72 Капкан для шоколадного зайца. — СПб.: Издательство
«Крылов», 2004. — 320 с.
ISBN 5-94371-659-9

Знойный красавец Виктор Каррерас покушается на имущество Ильи Голубева — доброго знакомого Ангелины Громовой. Разве эта экстравагантная дама может смириться с такой вопиющей несправедливостью? Но попадет ли в поставленный Ангелиной капкан тот, кому он предназначался?

ISBN 5-94371-659-9

© Богданова С., 2004
© Издательство «Крылов», 2004

*Сколько в тебе терпения, можно понять,
лишь попав в нестерпимые обстоятельства.*

Авессалом Подводный

Глава 1

Стоило измученной длительным перелетом Ангелине, спустившись с трапа самолета, включить мобильник, как тут же полонез Огинского возвестил о том, что праздное времяпрепровождение закончилось и начались трудовые будни. Анатолий усмехнулся и покачал головой, дескать, ничего другого он и не ожидал. Обиженная Ангелина собралась было немедленно «вырубить» зловерный приборчик, как-никак день прилета еще считался днем отпуска, и страждущие общения могли подождать до завтра, но абонент был настойчив. Не определившийся номер тревожно мигал, отчаянно семафоря — SOS. Ангелина сдалась и поднесла трубку к уху.

— Слава Богу, вы вернулись! — прокричал взволнованный женский голос. — Это Виолетта Павловна, жена Платона Платоновича.

— Здравствуйте, — вежливо ответила Ангелина, заподозрив что-то ужасное. — Что стряслось, Виолетта Павловна?

— Платоша в больнице, — всхлипнула женщина. — В тяжелом состоянии...

— Не может быть! — выдохнула Ангелина. — Три недели назад он был абсолютно здоров, и мы так весело погуляли на вашей свадьбе...

— Он умирает, — зарыдала Виолетта Павловна.

— Не плачьте, — у Ангелины от сострадания на глаза навернулись слезы. — В какой больнице находится Платон Платонович? Мы немедленно поедem к нему... Мой жених очень хороший врач, он обязательно поможет... Если нужно, соберет консилиум из медицинских светил.

— Да?! — обрадовалась Виолетта Павловна, цепляясь за ее слова, как утопающий за соломинку. — Платон Платонович в районной больнице, в реанимационном отделении. Я дежурю у его постели... Приезжайте, Ангелина Станиславовна, умоляю вас!

— Мы скоро подъедем, — пообещала Ангелина.

— Дай мне трубку, — Анатолий взял ее мобильник. — Виолетта Павловна, что говорят врачи? Какой диагноз они поставили вашему мужу?

— Гипертонический криз, — прорыдала несчастная новобрачная.

— И давно это случилось? — Анатолий пытался воспроизвести картину случившегося.

— Позавчера вечером, — голос Виолетты Павловны срывался, — Платоше стало плохо в электричке, когда он возвращался из Елкино...

— Позавчера в электричке... — машинально повторил Анатолий.

— Позавчера?! — спохватилась Ангелина, вспомнив о том, что Платон Платонович должен был посмотреть дом, который по ее просьбе подобрали девчонки из агентства. — Дай потом мне трубку, — она нетерпеливо теребила рукав куртки Анатолия, ощутив лич-

ную причастность и ответственность за благополучие этой пожилой пары.

— Его увезли на скорой прямо с вокзала, — продолжила Виолетта Павловна. — Я его ждала, ждала, а его все нет и нет... Мне-то он сказал, что у него собрание общества фикусоводов, а сам, как мальчишка, улизнул в какое-то Елкино. Хотел, видите ли, мне сюрприз сделать! Сделал, нечего сказать! Уж я бы его одного ни за что не отпустила, тем более что машина под боком — незачем на электричке трястись.

— Виолетта Павловна, милая, не беспокойтесь, — утешала ее Ангелина, отняв у Анатолия трубку. — У нас тоже машина под боком. Мы сразу из аэропорта, не заезжая домой, заскочим в больницу. Только багаж получим...

— Ой! — осеклась Ангелинина собеседница. — Простите, я-то думала, что вы уже у себя дома... Как-то неловко получилось...

— Что вы, что вы, — затараторила Ангелина. — Вы с Платоном Платоновичем для меня как родные! Какие могут быть церемонии...

— Ты, как всегда, в своем репертуаре, — констатировал Анатолий после того, как его невеста убрала трубку в сумочку. — Между прочим, Илья и Катя приглашали нас на праздничный ужин в честь благополучно завершившейся авантюры с похищением Ильи.

— Ах! Не напоминай мне о своем друге-экстремале, — Ангелина состроила гримаску, забавно наморщив нос. — Илья Голубев уже ассоциируется у меня с вселенской катастрофой, мировым потопом и гибелью цивилизации. Это ж надо умудриться испортить долгожданный отпуск: свалиться как снег на голову на другом конце света, да еще втравить нас в очередную историю! Бр-р-р, — она поежилась от пробравшего ее морозца, перебираясь из самолета в автобус для пассажиров. — Они

с Катей на Бали надоели мне хуже горькой редьки, вот уж воистину парочка неудачников. Не помнишь, у кого впервые промелькнула мысль, что минус, помноженный на минус, в итоге дает плюс?

— Это правило из учебника математики, наверное, за пятый или шестой класс, — Анатолий до верха застегнул молнию на куртке. — А что?

— А то, — разворчалась Ангелина, — правы скептики, утверждающие, что правил без исключения не бывает. Я-то надеялась, что все Катины разговоры о том, что ее невезучесть заразна, не более чем девичья мнительность. Но нет, блажен, кто верует... Приумноженные неудачами Ильи, проблемы выросли прямо как бешеный огурец. И горе тому, кто окажется рядом, когда его кто-нибудь тронет...

— Только не пытайся меня убедить, что тебе чужие проблемы сильно досаждают, — огрызнулся выведенный из равновесия Анатолий. — Ты с таким энтузиазмом кидаешься грудью на любую мало-мальски опасную амбразуру, что порой кажется, будто тебя хлебом не корми, лишь дай поковыряться в каком-нибудь осином гнезде...

— Ну, если я такая плохая, чего ж ты со мной возишься, — ерничала Ангелина. — Вокруг столько одиноких женщин, а ты у нас писанный красавец, рыцарь без страха и упрека... Вот и найди себе достойную невесту... Зачем тебе нужна такая вздорная, да еще и порочная подруга?

— Я не говорил, что ты плохая, — усмехнулся Анатолий. — Не передергивай, пожалуйста! А что касается вздорности и пороков, так это я даже приветствую! — он хохотнул и притиснул к атлетической груди надувшую губки невесту. — Иначе бы жизнь стала совершенно серой и скучной. Я лишь сказал, что незачем самой искать приключения на свою хорошенькую рыжеволосую головку. И давай не будем ссориться по пустякам.

— Нет уж, нет уж, — Ангелина высвободилась из его объятий. — Для меня это не пустяки! Ты пол-отпуска развлекался с Голубевым: катался на досках по океанским волнам, пел в барах под караоке, глазел на прелести знойных аборигенок, а когда твой дружок попал в беду, заваренную вами кашу расхлебывала я. Знаешь, милый, я давно тебе хотела сообщить пренеприятное известие: там, на Бали, я решила, что нам лучше расстаться. Ты меня совсем не ценишь, не признаешь моих исключительных талантов...

— Ты это серьезно?! — прервал ее излияния Анатолий.

— А сам-то ты как думаешь?.. — Ангелина пытливо всматривалась в его потухшие глаза.

— Разыграла, чертовка! — догадался он, разглядев на ее лице лукавую, расплывающуюся, еле сдерживаемую улыбку. — Ух ты, а я и вправду поверил!

— Поверил, поверил, — дразнясь, смеялась Ангелина. — Да разве ж я могу тебя покинуть... Я же не самоубийца.

Автобус с пассажирами Сингапурского рейса подкинул их к зданию аэропорта. Анатолий подал руку возлюбленной, и они бегом рванули в теплое помещение, стремясь укрыться от пронизывающего студеного ветра. По летному полю мела змеящаяся поземка, а колкие снежинки больно секли загорелые лица. До Нового года осталось чуть больше половины месяца, и за те две недели, пока Анатолий и Ангелина жарились на пляжах под тропическим солнцем, в Петербурге наступила настоящая зима.

Лента багажного транспортера вздрогнула и, скрипя жалующимися на тяжелый труд колесиками, закрутилась, вынося из темного чрева чемоданы пассажиров.

— Дай мне ключи от машины, — Анатолий посмотрел на сумеречное небо за окном. — Где ты паркова-

лась? И что мне искать: твою старушку-«девятку» или подаренную Голубевым «ауди»?

— Обижаешь, начальник, — Ангелина выразительно вздернула подбородок, поигрывая брелком с ключами от обеих машин.

— Ты же грозила вернуть подарок обратно?! — недоумевал Анатолий по поводу свершившихся перемен. — Где же твоя хваленая громовская принципиальность?!

— Там же, где и мой испорченный отпуск, — парировала жаждущая справедливости Ангелина Громова. — Под хвостом у самого паршивого пса. Если бы твой дружок не вторгся в мою личную жизнь, я бы, несомненно, возвратила его дорогостоящий подарок. Но теперь я считаю, что он мне еще больше должен.

— Ого-го, — Анатолий снял ключи с ее пальца. — Услуги Шерлока Холмса заметно подорожали! Скоро ты станешь недосыгаема для простых смертных.

— Ой, иди, иди, — Ангелина шутливо подтолкнула его в спину. — Хватит нравоучений, я не люблю критику из низов. Будешь много говорить, лишу тебя почетного звания доктора Ватсона.

— Только не это! — взмолился ассистент великого сыщика.

— Шлепай за машиной, болтун, а то мы задубеем, пока отыщем ее на стоянке...

— Ты что, не помнишь, где парковалась? — возмущился Анатолий. — Похоже, у тебя начались провалы в памяти.

— Какие такие провалы? — Ангелина вздернула бровь. — Это у тебя, дорогой, что-то с памятью стало. Я же рассказывала, что в аэропорт приехала на такси. А машину обещал подогнать Голубев. Он настаивал на личной встрече, но я его «родное» лицо уже видеть не могу!

— Бедный Илюха! — посочувствовал другу Анатолий. — А ведь ты не права, делая из него козла отпущения. Корень зла кроется не в Голубеве...

— Да ну?! Может, подскажешь, кого ты имеешь в виду?

— С удовольствием, — Анатолий обворожительно улыбнулся. — Шерше ля фам...

— То есть, — уточнила Ангелина. — На кого из женщин ты намекаешь?

— Я даже не намекаю. Я прямо, как честный человек, заявляю, во всех смертных грехах изначально виновата женщина, а конкретно в этой ситуации — твоя протеже Катя Смирнова.

— Катя моя протеже?! Ну, это уж слишком! — фыркнула распалившаяся Ангелина.

— Мой ангел, у твоей превосходной памяти есть одна маленькая особенность, — продолжил линчевание Анатолий. — Из нее почему-то выпадают все неприятные эпизоды. Но ведь это ты пригрела Катю на своей божественной груди, когда псевдоцелитель Константин и богачка Стелла намеревались воспользоваться девичьей глупостью и наивностью и свалить на нее чужое преступление. Ты обелила Катю и познакомила ее с Ильей, превратив двух одиноких горемык во взрывоопасный альянс. Это тебя судьба свела с моим развеселым другом детства Голубевым, с которым я не виделся много лет. И отметь, особой тоски по товарищу-экстремалу не испытывал. Ты восстановила наши отношения, скрепив их походами в Илюхин ресторан, и тебя, а не меня, благодарный клиент агентства недвижимости осыпал дорогостоящими благами.

Ангелине нечем было крыть. Как ни прискорбно, слова Анатолия попали в яблочко. Все правда! Когда-то Ангелина впустила в свой дом незнакомую девушку, вокруг которой вертелась карусель непредсказуемых про-

исшествий. Затем она — Ангелина — поверив в фантастическую любовную историю, активно взялась устраивать Катину жизнь и в результате распутала хитроумное преступление. Она даже жизнью рисковала и несколько раз, сама того не ведая, ходила по краю пропасти. Подчас легкомыслие брало верх над логикой и здравым смыслом. Но разве это противоестественно — протянуть руку помощи нуждающемуся? Или милосердие нынче бесполезный атавизм? Нет! Ангелинина натура отказывалась принимать подобное современное мировоззрение. Только добро способно породить ответное добро, а зло приносит ядовитые плоды.

Упрямая маленькая женщина встряхнула рыжими кудряшками, отгоняя прочь досадные мысли, и сморщила загорелый носик:

— Ну почему ты всегда так убийственно прав?

— Я хирург, любимая, — слово «хирург» прозвучало из уст Анатолия как «палач». — А в медицине, ради спасения больного, часто приходится резать по живому. Но ты не переживай, — ободрил он Ангелину. — Тебя я спасу в любом случае. А если понадобится — отдам собственную жизнь!

— Иди за машиной, хохмач, — она приподнялась на цыпочки и чмокнула его в уголок губ.

Набитые экзотическими сувенирами чемоданы и сумки катались по ленте багажного транспортера, однако вещей Ангелины и Анатолия среди них не было. Но вот новая порция сгруженных баулов и рюкзаков выплыла из темноты. Ангелина заметила свою красную дорожную сумку.

Дернув за ручки, она услышала звон керамических осколков. Неужели в полете побили все балийские сувениры, купленные для друзей и коллег в городе мастеров Убуде... Они с Анатолием чуть не перессорились, когда Ангелина нагрозила полную сумку глиняных горшков

всевозможных расцветок, размеров и форм, а вдобавок прикупила семейство керамических черепашек для ароматических масел и благовоний.

Расстроенная путешественница расстегнула молнию и вынула завернутый в газету горшок. Так и есть! Глазированный край откололся, словно отгрызенный зубами гигантской крысы. Второй горшок лопнул на две половинки, а третий и вовсе рассыпался на мелкие черепки. У следующего, показавшегося Ангелине целым, на дне образовалась глубокая трещина. Уцелел, как ни странно, самый большой горшок, вероятно, из-за того, что у него были самые толстые стенки. Но больше всего пострадали керамические красавицы-черепашки. Их круглые лапки и лихо загнутые хвостики, которые можно было зацепить один за другой и построить семейство в караван, отвалились.

Туристы разобрали багаж и разбрелись к стойкам таможенного контроля. Огорченная Ангелина сиротливо оплакивала безнадежно испорченные подарки.

— Поторапливайтесь, дамочка, — потребовал высокомерный молодой человек в форме. — И уберите за собой это безобразие! Здесь не положено мусорить!

— Я за этот, как вы выразились, мусор, сто пятьдесят долларов заплатила, — вспыхнула Ангелина. — И тащила его с другого конца света.

У таможенника желваки на скулах заходили, но он сдержался и повторил ледяным тоном:

— Соберите черепки, иначе я буду вынужден применить к вам превентивные меры.

— Вы мне угрожаете?! — Ангелина выпрямилась, подбоченилась и вызывающе усмехнулась ему в лицо. — Неужели за подобную провинность карают расстрелом или пожизненным заключением в колонии строгого режима...

— Я вас в последний раз предупреждаю! — не уступал придиричивый молодой человек.

— Ах вы меня предупреждаете?! — Ангелина пнула разбитую черепашку к его ногам. — Нет! Это я вас предупреждаю, что со мной такой номер не пройдет. Вы мне ответите и за причиненный материальный ущерб, и за моральный ущерб, и за издевательство и унижения со стороны должностного лица, превысившего свои служебные полномочия...

— Позвольте! — таможенник взвился, как ужаленный.

— Не позволю! — кричала на весь зал оскорбленная женщина.

— Гражданка, — молодой человек выпучил глаза, словно испуганный рак из забавного детского мультфильма, — пройдемте со мной!

— И не подумаю, — дерзко ответила Ангелина. — Кто вы такой, чтобы разговаривать со мной в таком тоне?! Немедленно вызовите старшего по званию, если, конечно, не желаете лишиться места за несоответствующее поведение.

Прибывшие пассажиры нового рейса с любопытством поглядывали на бледного от бешенства таможенника и раскрасневшуюся от праведного гнева изящную рыжеволосую женщину, в ажиотаже пинающую по мраморному полу керамические осколки. Иностранцы цокали языками и качали головами, а русские многозначительно хмыкали. Родина по-прежнему встречала и соплеменников, и гостей ненавязчивым сервисом.

— Будьте добры, — вежливо произнес кто-то приятным баритоном, — извините моего неопытного коллегу.

К конфликтующим с радушной улыбкой приблизился весьма обаятельный и атлетически сложенный мужчина — начальник пучеглазого молодого человека. Форма сидела на нем безукоризненно, словно влитая, и Ангелине подумалось, что с такими внешними данными нужно работать в Голливуде, а не в аэропорту.

Но, видимо, таможеннику и здесь было совсем неплохо. Мягко, словно большой кот, подошел он к воинственно настроенной путешественнице.

— Мой коллега всего три дня как работает на таможне, и его бдительность порой превышает допустимые пределы. В каждом пассажире он склонен видеть потенциального контрабандиста и нарушителя границы.

— А как же презумпция невиновности? — удивилась Ангелина. — Мало того, что пострадал мой багаж, так еще и меня обвинили черт знает в чем!

— Откуда вы прилетели? — поинтересовался обаятельный таможенник.

— С Бали, — вздохнула Ангелина, грустно рассматривая разбитые глиняные горшки и керамических черепашек.

— У вас была пересадка в Сингапуре?

Ангелина решительно кивнула.

— Тогда почему вы решили, что мы виноваты в порче вашего имущества? — он пристально посмотрел на сникшую путешественницу. — В любом случае, в стоимость вашего билета заложена страховка багажа. Пойдемте со мной, вам нужно написать заявление с претензиями к авиакомпаниям-перевозчикам.

— Но у меня еще три сумки не получено, — заколебалась Ангелина.

— Давайте ваши багажные талоны, мой коллега поухаживает за вами, — по праву старшего по званию собеседник Ангелины переложил ответственность за недоразумение на менее опытного коллегу.

— У вас одной столько вещей? — бдительный молодой человек снимал с остановившейся ленты транспортера неподъемные сумки.

— Нет, конечно, — в пылу борьбы с бюрократическим засильем Ангелина забыла про ушедшего на поиски машины Анатолия. — Две сумки мои, а другие

две — моего жениха. Понимаете, мы очень торопимся, наш родственник, — приврала она, — попал в больницу. Он в тяжелом состоянии, врачи диагностировали гипертонический криз. Поэтому, чтобы поскорее оказаться рядом с близкими, я отправила жениха за машиной... Мы не могли бы побыстрее закончить со всеми формальностями?

— Я не задержу вас, — сверкнув голливудской улыбкой, пообещал обаятельный таможенник. — Идемте.

Ангелина поспешила за ним, а следом, толкая тележку с сумками, шествовал насупленный страж границы. Едва за их спинами закрылась дверь служебного помещения, в зал прилета вбежал растрепанный Анатолий. В его спутанных черных волосах таяли сверкающие снежинки, а разругавшиеся от мороза щеки полыхали, будто кумачовые флажки с первомайской демонстрации. Среди суетящихся пассажиров он высматривал свою невесту.

Уже дважды объявили о прилете новых рейсов, а припозднившаяся Ангелина так и не показалась. Анатолий забеспокоился. Он начал расспрашивать таможенников о пропавшей пассажирке рейса Сингапур — Санкт-Петербург. Но никто ничего не знал о его исчезнувшей возлюбленной. Терпение Анатолия лопнуло, и он ринулся обратно, перепрыгивая через сумки и чемоданы, сталкиваясь с торопящимися людьми и прорывая пограничный кордон.

Шум поднялся неимоверный. В погоню за нарушителем бросились два таможенника. Только куда им угнаться за бывалым туристом, для которого бег с препятствиями через баулы и рюкзаки и в сравнение не шел с кроссом по пересеченной гористой местности европейского Севера. Анатолий преодолел почти половину зала, по наитию приближаясь к той двери, за которой в плену казенных бумаг томилась его невеста.

Но тут он заметил стоящую возле служебной комнаты тележку со знакомыми вещами.

— Где она? — громогласно возопил Анатолий, имея в виду пропавшую Ангелину.

— Кто она? — подоспевшие таможенники врезались ему в спину. — Гражданин, вернитесь назад...

— Что у вас тут за бардак! — бушевал Анатолий. — Чем вы тут занимаетесь?! Куда подевали мою невесту? Мы вместе прилетели час назад, уже вышли все пассажиры с нашего самолета, а она пропала! И, главное, кого ни спроси, никто ничего не знает! Все такие важные и надутые, как министры. Забыли, наверное, для кого вы работаете! Вот попадете ко мне на операционный стол, тогда я с вами за все поквитаюсь!

— Гражданин, не скандальте! — таможенники попытались урезонить темпераментного мужчину. — На нас иностранцы смотрят...

— Ага! — торжествовал Анатолий. — Перед иностранцами застеснялись! А перед своими не стыдно?! Своих вы за людей не считаете! Где ваше начальство? Небось, чаи гоняет в рабочее время? Пригласите старшего, иначе я весь аэропорт разнесу! — внушительная мускулатура и широкие плечи врача недвусмысленно сообщали, что вывести его наружу без боя не удастся.

Таможенники связались по рации с начальником, который как раз в это время анализировал и протоколировал претензии Ангелины. Анатолию пообещали, что ровно через пять минут его делом займутся персонально. Анатолий засекал время по часам. Через пять минут дверь открылась, и на пороге показалась пропавшая невеста.

— Дорогая! — Анатолий распахнул свои объятия. — Что с тобой приключилось?! Я весь извелся, места себе не находил, обшарил все закоулки, даже в дамский туалет заглядывал...

— Мои черепашки... — грустно ответила Ангелина. — Что я теперь подарю девчонкам из агентства... За столько километров тащили эту экзотику, так нет — все перебили вдребезги!

— Да Бог с ними, с горшками и черепашками, — отмахнулся Анатолий. — Ты-то как здесь очутилась?

— Писала заявление с претензиями на предмет порчи имущества, — пояснила она. — А то некоторые, — Ангелина кивнула на молодого высокомерного таможенника, — считают, что сто пятьдесят баксов — не деньги...

— Эх, не там мы с тобой работаем, милая, — сокрушался Анатолий.

— Не прибедняйтесь, Анатолий Дмитриевич, не прибедняйтесь, — начальник таможенной службы, отложив в сторону написанное Ангелиной заявление и протокол, вышел навстречу прорвавшемуся жениху. — С вашими талантами вам нет равных в искусстве врачевания. — Он поздоровался с Анатолием и крепко пожал ему руку.

— Приветствую вас, Валерий Александрович, — врач тоже узнал бывшего пациента. — Как здоровье? Как успехи?

— О, спасибо! У меня все замечательно, — порозовел Валерий Александрович и сразу же сменил тему разговора. — Чем я могу вам помочь?

— Да, собственно говоря, уже ничем, — Анатолий обнял за плечи расстроенную Ангелину. — Вот, познакомьтесь, моя невеста — Ангелина Станиславовна Громова.

— Познакомились уже, — усмехнулся таможенник. — Рад за вас! Ваша невеста — чрезвычайно привлекательная и темпераментная особа. Не теряйте ее, такие женщины нынче редкость.

— Абсолютно с вами согласен, Валерий Александрович, — энергично поддакнул Анатолий. — Но не все из здесь присутствующих разделяют наше с вами мнение.

— Что делать? — развел руками Валерий Александрович. — Профессия обязывает нас быть сдержанными, бесстрастными и педантичными. Ведь вам же, когда вы оперируете больного, тоже не до шуток.

— Да мне, честно говоря, и сейчас не до шуток! — посуровел Анатолий. — У нас, похоже, машину со стоянки угнали...

— Как?! — хором выкрикнули Ангелина и Валерий Александрович.

— А я откуда знаю! — воскликнул он в ответ.

— Ты все машины внимательно посмотрел? — не верилось Ангелине. — Может, ее снегом занесло?

— А какая машина? — спросил таможенник.

— «Ауди»...

— Какого цвета? — уточнил он.

— Черная, — пробормотала Ангелина. — Номер С 380 УХ.

Валерий Александрович отдал по рации команду прочесать автомобильную стоянку.

— Господи! Ну что за день?! — сетовала Ангелина. — Не успели прилететь, как тут же на нашу голову посыпались несчастье за несчастьем. Сперва неприятные новости о Платоне Платоновиче, затем — разбитый багаж, теперь вот — машина... Даже не знаю, что и думать!

От возбуждения Ангелину пробрал озноб, она подняла плечи и съежилась, как нахохлившийся зяблик.

— У меня есть отличная идея, — Валерий Александрович заговорщицки подмигнул расстроенным путешественникам, препровождая их обратно в кабинет и плотно закрывая дверь. — Пока отыскивают вашу машину, позвольте мне угостить вас рюмочкой французского коньяка. Так сказать, за встречу и за новое знакомство... А то ваша прелестная невеста, Анатолий Дмитриевич, совсем продрогла.

— Я с удовольствием, — у Ангелины зуб на зуб не попадал, а в голове, как ни странно, проклюнулся нескромный вопрос о семейном статусе таможенника с голливудской внешностью.

Хотя сама она на его красоту не запала, но произведенное им впечатление воспитанного импозантного мужчины оставило в ее душе неизгладимый след. Обручального кольца Валерий Александрович не носил, в его пронзительных голубых глазах светился холостяцкий блеск, поэтому Ангелина сделала вывод, что этот джентльмен свободен от брачных уз. Подобную ошибку природы следовало устранить как можно быстрее и пристроить незанятое сокровище под крылышко к какой-нибудь из своих незамужних коллег по агентству недвижимости. Достойную пару могли составить секретарь Машенька или диспетчер Наталья. Интересно, какие женщины ему больше нравились: блондинки, как светловолосая зеленоглазая Маша, или брюнетки, как черноголовая черноглазая Наталья...

— Дорогая, ты о чем замечталась? — Анатолий подал ей рюмку с налитым коньяком. — Валерий Александрович предложил замечательный тост: за присутствующих здесь дам, то есть за тебя. А ты витаешь где-то в облаках...

— Нет-нет, — спешно отозвалась Ангелина. — Мои мысли как раз самые что ни есть земные, напрямую касающиеся предложенного тоста. Только мне хотелось бы несколько его расширить и выпить также за отсутствующих, но любимых женщин, — ловко спровоцировала она Валерия Александровича. — А ты бы, милый, поставил свою рюмку, — прошептала Ангелина Анатолию. — Тебе еще машину вести... если, конечно, ее отыщут.

— Во-первых, — обиженно засопел Анатолий, — двадцать капель коньяка не выбьют руль из моих крепких рук. Во-вторых, я, как опытный турист, владеющий навыками ориентирования на местности, не мог просмотр-

реть почти что собственный автомобиль. А в-третьих, чует моя печенка, топать нам сегодня домой пешком...

— Думаешь, что машину угнали? — Ангелина все-таки отобрала у него рюмку.

— Не это терзает мое обливающееся кровью сердце, — Анатолий, похоже, намекал на неподобающее поведение невесты, но Ангелина не обратила на это внимания. — А вас, Валерий Александрович, также держат в ежовых рукавицах жестокие властительницы наших сердец? — обратился он за помощью к мужчине.

— Увы, — на лице обаятельного джентльмена появилась трогательная детская улыбка. — Меня воспитывать некому. Я холостяк.

— Не может быть?! — всплеснула руками обрадованная Ангелина. — Как жаль, что мы с вами не встретились чуть-чуть пораньше.

— Боюсь, что для вас, дражайшая, я перезрел как минимум лет на пятнадцать, — Валерий Александрович галантно поцеловал даме ручку.

— Но я же не единственная невеста на свете, — хихикнула Ангелина. — Вам какие женщины больше нравятся: блондинки или брюнетки? — она рискнула задать свербивший вопрос.

— Джентльмены предпочитают блондинок, — отшутился он. — Помните такой фильм с Мэрилин Монро в главной роли?

— Вам несказанно повезло, — Ангелина продолжила атаковать холостяка. — Со мной в агентстве как раз работает женщина, похожая на Мэрилин Монро. У нее даже имя созвучное — Мария.

— И как это я пропустил свободное сокровище? — иронизировал Анатолий.

— А я не прочь познакомиться, — не противился Валерий Александрович. — Вот вам моя визитная карточка, ради такого дела звоните в любое время дня и ночи.

Я же в долгу не останусь, ваше заявление по поводу причиненного ущерба рассмотрят незамедлительно.

— Что я теперь девчонкам подарю, — погрузилась в раздумья Ангелина. — Обещала сувениров с Бали привезти.

— Да купим что-нибудь в магазине, — нашелся Анатолий. — Они и не догадаются — с Бали эти фигурки или из сувенирной лавки.

— Идея богатая, — одобрила Ангелина. — Но по ночам сувенирные лавки не работают. Неизвестно, когда еще мы до города доберемся... Ой, со всеми этими хлопотами я совсем забыла про Платона Платоновича и Виолетту Павловну. Она нас уже заждалась!

— Давай вызовем такси, — Анатолий тоже беспокоился о здоровье Платона Платоновича.

— Зачем такси?! Моя машина к вашим услугам, — широким жестом предложил Валерий Александрович. — И с сувенирами я вам помогу! Мне сослуживцы столько всяких статуэток надарили — весь шкаф забит. Я поделюсь с вами с превеликим удовольствием.

— Неудобно как-то, — засомневалась Ангелина.

— Что вы, что вы... Вы меня даже обяжете, а то в моем шкафу скоро полки обвалятся. Выбирайте на свой вкус, — Валерий Александрович распахнул перед дорогими гостями створки дубового шкафа.

Вот это Лувр! У Ангелины глаза разбежались. Чего здесь только не было: фигурки обнаженных греческих богинь из розового мрамора и черные статуэтки, вырезанные из африканского эбенового дерева, костяные нэцке и кубки из рога, инкрустированные серебром, керамические горшки и горшочки разных размеров, вложенные один в другой, словно матрешки. Отдельную полку занимали подсвечники и лампы для ароматических масел. Ангелина откопала даже пару черепашек, вроде тех, что изуродовали при транспортировке, отбив им лапки и хвостики.

— Что же вы такое чудо в запертом шкафу держите? — недоумевала Ангелина. — Лучше бы украсили свою квартиру.

— Вы надо мной издеваетесь? — у Валерия Александровича от ужаса перекосило лицо. — У меня хоть и просторная квартира, но захламлять ее излишними финтифлюшками не в моих правилах. Я люблю простор, чтобы воздуха было много и никакой пыли. По утрам я делаю зарядку, у меня два тренажера: велосипед и беговая дорожка. А таким вещам место в музее или на комод у сентиментальных дамочек. Так что набивайте полную сумку, не стесняйтесь, не жалко!

— Ах, ах! — доносились из шкафа восторженные возгласы Ангелины. — Нет, ну вы только посмотрите, что за сказка, — она высовывала наружу руку, откладывая в освобожденную от черепков сумку двух танцующих керамических лягушек. — Этот сувенир я подарю Марии, которая похожа на Мэрилин Монро. Ой, ой, апчхи! — хохотала Ангелина, чихая от слежавшейся на полках пыли. — Какой замечательный поросенок-копилка. Как раз для моего начальника. Ну прямо его точная копия, такой же мордастенький и пузатенький. Пусть свои капиталы прячет в чреве брата-близнеца.

— Да, да, — поддакивали Ангелине мужчины, втихую разливая по рюмкам французский коньяк. — Отличный подарок для начальника.

— А это?.. Ну разве может что-нибудь с этим сравниться?.. — на свет появлялся перламутровый морской конек, выточенный из гигантской морской раковины. — Какая изящная вещица, будто светится изнутри.

— Еще как светится, — не глядя, соглашались спевшиеся мужчины.

— А черную кошку, с вашего позволения, я оставляю себе, — Ангелина гладила вырезанную из камня фигушку абиссинской кошки с раскосыми глазами из

искусственных изумрудов. — Живую кошку я не могу завести, хлопот много, так буду на эту любоваться и вас добрым словом вспоминать.

— Да хоть всех кошек забирайте, — разрешил Валерий Александрович. — Лично я предпочитаю собак. Вот выйду на пенсию, заведу себе бордосского дога. Анатолий Дмитриевич, вы когда-нибудь видели настоящего бордосского дога?

— Нет, — искренне признался Анатолий. — Я так далек от всех этих модных названий! Для меня все собаки делятся на две породы: маленькие и большие. А кто они — терьеры, болонки или дворняги, — это тонкости для специалистов.

— Вот, милый, — Ангелина высунула из шкафа взлохмаченную головку. — Я раскопала сувенир для тебя. Посмотри, какой щенок, словно настоящий. Поставь его на стол в своем кабинете, он будет скрашивать твои трудовые будни.

Отлитый из желтоватого металла лохматый щенок застыл, присев на задние лапы. У него была умильная бровастая морда и лукавые глаза. Он словно ждал, что ему кинут косточку или игрушку, или добрый хозяин потреплет его за ухом.

— Угу, — Анатолий едва не поперхнулся коньяком. — Кхе-кхе, — откашлялся он. — Классная статуэтка.

— Валерий Александрович! — пророкотала потрескивающая рация, лежавшая на столе.

Ангелина подпрыгнула так, что сувениры на полках чуть не попадали вниз.

— Мы нашли машину...

Ангелина узнала голос высокомерного таможенника.

— На стоянке? — справился у коллеги Валерий Александрович.

— Нет, — последовал лаконичный ответ.

— А где, если не на стоянке? — словно клещами вытягивал из подчиненного старший по званию.

— Я с ног сбился, все осмотрел, но «ауди» на стоянке не обнаружил, — докладывал тот. — Я уже возвращался назад, и вдруг напротив меня припарковывается черная «ауди» под номером С 380 УХ. Я остолбенел, а из машины выскочила растрепанная девица и проскочила прямо в зал прилета. Пока я думал, что предпринять и кого позвать для задержания угонщицы, девица пулей вылетела обратно и шасть за руль! Но я не дал ей скрыться и арестовал преступницу.

— Молодец! — похвалил его Валерий Александрович. — Веди ее сюда.

— Вот это оперативность! Как в кино, — восхитился Анатолий. — Правда, девица какая-то странная. Сначала угнала машину, потом на ней же вернулась на место преступления... Может, kleптоманка? К несчастью, сейчас многие молодые люди страдают от расстройства психики.

— Чует мое сердце, что наши злоключения только начинаются, — вещала Ангелина, упаковывая в сумку подаренные сувениры. — Как же я устала, будто и не отдыхала вовсе!

— Ну, милая, — поцеловал ее Анатолий. — Не сгущай краски. Твою машину вернули, а ты паникуешь...

— Ох, неспроста все, неспроста, — причитала Ангелина. — Налейте-ка мне коньячку для поднятия тонуса.

— Вот это по-нашему, по-бразильски, — мгновенно отреагировал Валерий Александрович, наполняя рюмку для дамы. — В небольших дозах алкоголь полезен, сосуды расширяет и стресс снимает.

В дверь постучали.

— Войдите! — громко крикнул начальник, убирая со стола коньяк и рюмки.

Молодой таможенник втолкнул плачущую девицу, с защелкнутыми на запястьях наручниками.

— За что?! — сквозь слезы пробормотала девица и подняла зареванное лицо.

В задержанной таможенником угонщице Ангелина и Анатолий опознали прибывшую на два дня раньше Катю.

Глава 2

— Ангелина! — бряцая наручниками, Катя метнулась к опешившей путешественнице. — Наконец-то вы с Анатолием вернулись! Как хорошо, что я с вами встретилась...

— Благодаря тому, что я задержал вас за угон их же машины, — констатировал молодой таможенник.

— Никакой машины я не угоняла! — фыркнула Катя. — И снимите с меня эти дурацкие наручники! Ангелина Станиславовна, объясните им, что Илья обещал поставить «ауди» на стоянку перед вашим прилетом. Вот я вместо него и приехала... По дороге в пробку попала, полтора часа проторчала на одном месте, опоздала, кинулась в зал прилета, а с вашего рейса уже все пассажиры давным-давно разбежались. Я — обратно в машину, а меня этот Шварценеггер скрутил в бараний рог и в наручники заковал.

— Да, молодой человек, — усмехнулся Анатолий, — вы явно переусердствовали при поимке злоумышленницы.

— Я?! — взбунтовался таможенник. — А как вам это нравится? — он продемонстрировал окровавленный указательный палец левой руки, замотанный чистым носовым платком. — Она вырывалась, будто дикая кошка, исцарапала меня и укусила!

— Срочно продезинфицируйте рану, — посоветовал Анатолий. — Рекомендую как врач. Мало ли какую заразу можно подцепить. Вам когда-нибудь делали прививку от бешенства?

— Вы это серьезно говорите? — помрачнел таможенник. — Или разыгрываете меня как ребенка?

— Про бешенство — шучу. Про дезинфекцию — нет, — Анатолий размотал платок и осмотрел рану. — Могу вас утешить: рана неглубокая, проникновение в мышечную ткань поверхностное, сухожилие не повреждено, а кость тем паче. Мой диагноз: ваша жизнь вне опасности, ампутация органа не требуется. Но больше не пихайте пальцы в рот темпераментным девушкам.

Валерий Александрович и Анатолий дружно захотали, глядя на вытянувшееся и побелевшее лицо молодого таможенника. После такого легкомысленного медосмотра Ангелина догадалась, что мужчины изрядно повеселели от выпитого коньяка, пока она добросовестно отбирала подарки для родственников и сослуживцев.

— Э-э-эх, — шлепнула она своего жениха по макушке. — Взрослый дядька, а все не наиграешься... А вы, молодой человек, настолько серьезны, что готовы поверить в любой вздор. А между тем, еще барон Мюнхгаузен повторял, что самые большие глупости совершаются с серьезным выражением лица. Неужели вы не поняли, что вас разыгрывают? И снимите же с Кати наручники! Что за неуместная пародия на американский боевик...

Таможенник подчинился Ангелине, вынул из кармана ключ и освободил пленницу. Его начальник отвернулся к стене, чтобы унять пробивающийся хохот, но по его трясущимся плечам можно было догадаться, что с этой задачей ему никак не справиться. Коротко подстриженный затылок Валерия Александровича побагровел, на шее выступили капельки пота. Он махнул рукой, отпуская подчиненного, а когда тот вышел за дверь, опустил в кресло и рассмеялся в полный голос.

— Ну, Анатолий Дмитриевич, ну развеселил, аж слезу прошибло, — Валерий Александрович промокнул салфеткой влажные глаза. — Давно я так не развлекался. Должность, видите ли, не располагает к подобным мероприятиям. А вы не только прекрасный врач, но и отменный шутник. Вам бы на эстраде выступать, прославились бы не меньше Петросяна.

— Не вижу ничего смешного, — разобиделась на них Катя, вызвав тем самым новый приступ хохота.

На этот раз даже Ангелина не устояла, ее губы помимо воли расплывались в предательской улыбке.

— Ох, не к добру мы смеемся, — проговорила она.

В ответ из сумочки раздался полонез Огинского. Ангелина вытащила мобильник. Звонила Виолетта Павловна.

— Да, — отозвалась Ангелина, прикрывая трубку ладонью. — Боюсь отвечать. А вдруг Платону Платоновичу стало хуже, — паниковала она.

— Дай, я поговорю, — Анатолий забрал у нее телефон. — Я вас слушаю, Виолетта Павловна... Мы, к сожалению, застряли в аэропорту, у нас машина сломалась, поэтому подъедем попозже. Как самочувствие Платона Платоновича? Ему стало лучше?! Отличная новость! Врачи сказали, что кризис миновал?! Очень рад! Что, что?.. Платон Платонович заснул? До утра нельзя беспокоить? Да, да! Я все понял! Мы навестим его завтра после двенадцати. До встречи! Ангелина передает вам и Платону Платоновичу большой привет. — Анатолий нажал кнопку отбоя. — Эх ты, трусиха! — обнял он свою невесту. — Все ждешь чего-то плохого. Ну ты и паникерша! А все обошлось и без нашего участия. Теперь можно отпраздновать прилет и это хорошее известие в ресторане вместе с Илюхой. Он, наверное, нас уже заждался? Да, Катя?

Побледневшая Катя молча отступила назад, покачнулась и медленно сползла на пол.

— Воды, воды! — закричал Валерий Александрович, сам же набрал полный рот кипятка из графина и сам же обрызгал лицо девушки.

— Катенька! — Ангелина плюхнулась перед ней на колени. — Что с тобой, моя девочка?! — она подняла ее голову и разгладила прилипшие ко лбу волосы.

— Катюша! — Анатолий сориентировался, заглянул в висящую на стене аптечку и сунул под нос девушке пузырек с нашатырным спиртом.

Длинные ресницы затрепетали, Катя открыла глаза.

— У нас нет больше ресторана. Все имущество Ильи арестовано. Мы — нищие. Ладно хоть успели машину переоформить, а то бы и у вас подарок отобрали.

— Кто же так ему удружил? — возмутился Анатолий.

— Налоговая или конкуренты? — поинтересовался Валерий Александрович.

— Происки Шурика Боровиковского? — догадалась Ангелина, припомнив о старом враге Голубева.

— Нет! — Катя приподнялась и села, отодвигая от носа нашатырь. — Уберите эту гадость, а то меня стошнит. — Зазевавшийся Анатолий закрутил крышку пузырька. — Илья проиграл и ресторан, и квартиру в карты...

— Не может быть?! — остоленел Анатолий.

— Кому?! — обмерла Ангелина.

— Попал мужик! — посочувствовал Валерий Александрович.

— Нет! На Илюху это не похоже! — категорично опротестовал Катинo заявление Анатолий. — Он хоть и горячий парень с экстремальными наклонностями, но не игрок. Что-то здесь не чисто! Катюша, расскажи все, что тебе известно и как можно подробнее.

— Мы приехали два дня назад, — докладывала Катя. — А так как мы теперь официальные супруги, Илья

решил прописать меня на свою жилплощадь. Не теряя времени, на следующее утро, мы обратились в жилищное управление, а там-то и выяснилось, что на квартиру Ильи наложен арест, и без разрешения суда любые сделки с его недвижимостью запрещены. В тот же вечер в его ресторан явился адвокат нового владельца и ознакомил нас с документами купли-продажи, которые якобы подписал Голубев...

— Так якобы или действительно подписал? — уточнила Ангелина.

— Я же не разбираюсь во всех этих тонкостях, — захныкала Катя.

— А Илья?! — кипятился Анатолий. — Он же сам юрист по образованию. Как его могли облапошить? И кто?!

— Виктор Каррерас, — потупив взгляд, призналась девушка.

— Виктор?! Да когда же он успел?! — вслух рассуждала Ангелина. — Вот негодяй! Надо было еще на Бали упрятать его за решетку лет на двадцать за киднепинг.

— Благими намерениями вымощена дорога в ад, — сокрушался Анатолий. — А все из-за вас, все из-за женщин! Если бы вы его тогда не пожалели, сидеть бы ему в тюрьме за похищение Голубева.

— Кто кого похитил и зачем? — Валерий Александрович тормозил Анатолия за плечо. — Ничего не понимаю!

— Когда мы отдыхали на Бали, — Анатолий отцепил руку таможенника, — моего друга Илью Голубева похитил кубинский авантюрист, чернокожий красавец Виктор Каррерас. Он хотел выдать Илью за русского карточного кидалу по кличке Червовый Валет, на которого «везунчик» Голубев был похож как две капли воды. Виктору были нужны деньги. Чтобы спасти жизнь Ильи, Катя заплатила выкуп, вернула Виктору

украденный им же у миллионерши Ванессы Дрим платиновый браслет с цветными бриллиантами.

— Погоди, погоди, не части, а то я сбился, кто, что и у кого украл, — Валерий Александрович вынул из-под стола спрятанный от глаз бдительного молодого коллеги бутылку коньяка. — Кому налить?

— Мне, — хором ответили Анатолий, Ангелина и Катя.

— Редкостное единение, — таможенник приготовил четыре рюмки. — В таком деле без допинга не разобратся.

— Ну вот, — продолжила за Анатолия Катя, выпив коньяк. — Виктор Каррерас был нашим гидом на Бали. А его родная сестра Сандра, которая самым бесстыжим образом клеилась к моему жениху, была замужем за Антоном, тем самым русским карточным кидалой по кличке Червовый Валет. А мы с Ильей собирались сыграть свадьбу по местным обычаям, это сейчас очень модно. Но перед свадьбой Илья пропал, его похитил Виктор. Антона же разыскивала дочь короля русской мафии по кличке Черная Вдова, назначив за него щедрый выкуп.

— Стоп, стоп, — Валерий Александрович оборвал Катю. — Кто за кого заплатил выкуп? Вы меня совсем запутали...

— Конечно же Катя за Ильей! — вмешалась Ангелина. — Дайте, я объясню, а то они так бестолково рассказывают. — Мы вчетвером отдыхали на Бали. Катя и Илья должны были пожениться, согласно последней экзотической моде. Накануне свадьбы жениха похитили. Виктор Каррерас воспользовался невероятным сходством Голубева и мужа его родной сестры Сандры, чтобы выдать нашего друга дочери короля русской мафии Черной Вдове, разыскивающей Червового Валета многие годы. Попутно Виктор знакомился

с престарелыми миллионершами и воровал у них драгоценности. Платиновый браслет Ванессы Дрим случайно оказался в наших руках, и Катя вернула его Виктору в обмен на свободу своего жениха, посчитав, что этого будет достаточно и на неприятностях поставлена точка.

— Как же вы весело живете, ребята! — с тоскою в голосе позавидовал Валерий Александрович. — Словно герои детектива...

— Если бы это было возможно, я бы махнулась с вами местами, — заверила его Ангелина, — причем, не глядя! Мне лично этот бесконечный детектив надоел хуже горькой редьки.

— Я доставляю всем одни только неприятности, — снова захныкала Катя. — И все беды произошли из-за меня. У меня неудачная карма, — прошептала девушка. — Зря вы мне не верите. Я притягиваю проблемы, словно магнит металлические предметы. Вот Ангелина Станиславовна сперва мне тоже не верила, и что из этого получилось!

— Бабские бредни! — отмахнулся таможенник. — Детские страшилки! Неужели находятся глупцы, которые верят в подобную чушь? — его вопрос остался без ответа. — Ага! — Валерий Александрович шлепнул себя по коленям. — Я догадался! Вы опять меня разыгрываете? Что ж, должен признать, на этот раз шутка не удалась! Нисколько не смешно.

— Я говорю серьезно, — из Катиных глаз слезы капали градом. — Мне не до шуток! Я и к целителю обращалась, но напрасно...

— Кстати, целитель, который колдовал над ней, погиб. Сгорел заживо, — пояснил Анатолий.

— И на Бали меня тамошний священник перед свадьбой благословлял, обещал, что исправит мою карму, — размазывала слезы Катя. — Снова без толку. Вернулись

в Питер, новая беда свалилась на мою горемычную голову: муж лишился всего имущества.

— А почему Илюха не приехал? Его что, в заложниках держат? — спохватился Анатолий, встревоженный извилистым поворотом судьбы друга. — Где Голубев? Катя, говори, горькая правда лучше, чем сладкая ложь.

— Он пьет, — выдавила сквозь рыдания Катя. — В своем бывшем ресторане. А адвокат — подлюга глаз с него не спускает, чтобы не сбежал до приезда богатенького клиента. Я этого ловкача Виктора удавить готова! Нет, я лучше найму парочку головорезов, чтобы они ему харакири сделали без наркоза! — распалилась обделенная собственница. — Или заманю его на мясокомбинат и запру в холодильнике, пусть превратится в шоколадное эскимо на палочке. Виктор сам признавался, что ненавидит русские морозы, попытаю его в холодильнике, глядишь, он передумает и отдаст нам наш ресторан и квартиру.

— Судя по вашему рассказу, — вставил свое веское слово Валерий Александрович, — ваш ловелас, вор и картежник Виктор — чрезвычайно хитер. Его на мякине не проведешь. Имущество вашего мужа, Катенька, для него подарок фортуны, щедрый куш, за который он будет бороться, не жалея собственной жизни. Наверняка он заранее просчитал, что вы готовы на все, чтобы застрашать его и отобрать свое кровное. Он будет осторожничать, возможно, наймет телохранителей, ведь с особенностями русского бизнеса он знаком не понаслышке. Вряд ли вы застанете его врасплох и нахрапом тоже не одолеете. Тут нужна стратегия! — таможенник многозначительно замолчал и налил коньяк по второму кругу. — За стратегию и победу над коварным врагом!

Союзники сомкнули рюмки, знаменуя хрустальным звоном серьезность и готовность к схватке, и выпили, поддержав замечательный тост.

— А ведь вы абсолютно правы, Валерий Александрович, — заметила Ангелина. — Виктор на Бали закрутил такую интригу, что только случайное стечение обстоятельств разрушило его блестящий замысел.

— Ты поешь дифирамбы мудрости и прозорливости нашего противника? — ершился Анатолий. — Может, еще и фейерверк устроим в его честь?

— Если это поможет твоему другу Голубеву, я первая отсалютую даже в честь папы римского. Знаешь лучший способ дезориентировать врага? Ну, напряги извилины, ты же в армии служил, — подначивала ее Ангелина.

— Замаскироваться, — робко предположил Анатолий.

— Замаскироваться, — передразнила его Ангелина, — и шлангом прикинуться.

— У тебя есть другая идея? — обиженно насупился Анатолий.

— Есть, — загадочно блеснула лукавыми глазами невеста.

— Какая, скажите! — взмолилась Катя.

— Все гениальное просто: нужно сделать вид, что нам этот ресторан до лампочки! — сообщила Ангелина.

— А квартира?! — пискнула Катя.

— И квартира! — добила ее Ангелина.

— Ой! Налейте-ка мне еще рюмочку, а то я что-то не догоняю, — попросила Валерия Александровича Катя.

— И я с вами за компанию! — с готовностью откликнулся гостеприимный хозяин служебного кабинета.

— Не слишком ли мудреный ход, милая? — язвительно осведомился Анатолий.

— Да нет же! — Ангелина разозлилась на непроходимую тупость слушателей. — Я такой трюк неоднократно на капризных клиентах опробовала. Действует

безотказно. Пока ты перед ними на задних лапках прыгаешь, они изгаляются над тобой, как умеют, гоняют по новостройкам и подворотням. Но стоит только изобразить полнейшее равнодушие, как они сами начинают бегать за тобой.

— Конечно, тебе как дипломированному психологу виднее, — Анатолий озабоченно посмотрел на часы, — но такие серьезные вопросы с кондачка не решают. В медицине, прежде чем оперировать, пациента тщательно обследуют, проверяют его анализы, назначают консилиумы, советуются с родственниками. Естественно, бывают и экстренные случаи, когда жизнь человека висит на волоске. Но при малейшей возможности риск необходимо сводить к минимуму.

— Так ведь именно об этом я и говорил, — Валерий Александрович пожал руку Анатолия. — Вы, Ангелина Станиславовна, оставьте все свои дамские штучки для капризных клиентов. Здесь кокетством и жеманством не обойдешься. Здесь требуется четкая стратегия и грамотная тактика под железным, желательно мужским, руководством.

— Уж не вашим ли? — сорвалось с языка у Кати. — Вы так отдрессировали своих подчиненных, что они на безвинных людей с наручниками кидаются! Нет, что касается меня, я принимаю сторону Ангелины Станиславовны. Как гласит русская поговорка: «Где мягко стелят, там жестко спать». Виктор изображает неотразимого мачо и думает, что против его чар не устоит ни одна, даже самая суровая амазонка, поэтому его нужно ловить на женское обаяние.

— Правильно, Катюша, — воодушевилась поддержкой Ангелина. — Какая тактика, какая стратегия, если мы еще не знаем, как поведет себя наш противник, когда придет? Кстати, Катя, адвокат сообщил о дате прилета Виктора?

— Увы, сия тайна покрыта мраком. Молчит сволочь, как пленный партизан, — ругнулась Катя.

— Вот поэтому, — Валерий Александрович извлек из бара вторую бутылку французского коньяка, — я призываю вас разработать единый стратегический план нейтрализации противника. И первым пунктом в вашем плане должно значиться выяснение даты прилета, как там его обзывают, басурмана этого...

— Виктор Каррерас, — хором подсказали гости.

— Виктора Каррераса, — записал в ежедневник на столе Валерий Александрович. — Я прямо сейчас дам задание моему прыткому коллеге проверить списки прилетевших и подлетающих пассажиров. Питер — город маленький, у нас пока всего один международный аэропорт, поэтому я легко поставлю на контроль первый пункт стратегического плана. — Умудренный опытом таможенник связался по рации с подчиненным и продиктовал по слогам заковыристую фамилию. — А теперь сверим по буквам: Катерина, Ангелина, Роман, Роман, Елена, Роман, Ангелина, Сергей. Да, да, Роман — повторяется два раза подряд, потом Елена и еще раз Роман. Дерзай, Пинкертон, ты должен реабилитировать себя перед дамами.

— Ну, Валерий Александрович, спасибо! — Анатолий похлопал таможенника по плечу. — Видать, сам Бог свел нас вместе, иначе бы мы торкались как слепые котята, а тут такая ценная информация на блюдечке с голубой каемочкой.

— За это и выпить не грех, — таможенник откупорил бутылку.

— Я — пас, — отказалась Ангелина. — Я уже согрелась и порядком захмелела без закуски.

— Намек принят! — мгновенно отреагировал Валерий Александрович. — Пинкертон, — снова третирует он своего подчиненного, — не в службу, а в дружбу, за-

кинь на обратном пути меню из ресторана. Мои друзья проголодались после долгого перелета.

— Я бы лучше дома поела... Зря вы так беспокоитесь, — тактично отнекивалась Ангелина, сомлевшая в теплом помещении.

— У меня к вам, дорогая Ангелина Станиславовна, особый — корыстный интерес, — расплылся в голливудской улыбке Валерий Александрович.

— Напоминаю для забывчивых, — Анатолий слишком реалистично изобразил вскипевшую ревность и перешел на кавказский акцент, — эта мая жэнщина!

— Вам повезло, Анатолий Дмитриевич, ваша невеста — сокровище... Но я не хочу с вами соперничать. Ангелина Станиславовна обещала познакомить меня с Марией, двойником Мэрилин Монро. Я только это имел в виду, говоря о корыстном интересе. Так што, дарагой, — так же с кавказским акцентом ответил Валерий Александрович, — я Марыю хачу! Выпьем за мое будущее знакомство! — таможенник начал разливать вторую бутылку.

— Нет, нет, нет! — Ангелина закрыла рюмку ладонью. — А то мы так до утра не разойдемся!

— А куда торопиться-то, — Валерий Александрович поцеловал ее руку и снял с рюмки. — Я чуть-чуть налью, для поддержания компании. Ведь хорошо сидим, а?! Кстати, моя смена недавно началась, я всю ночь буду на боевом посту. А что помогает скоротать время с пользой для здоровья и для души? Сердечная компания! Вот за друзей я и предлагаю следующий тост.

— За друзей! — Ангелина, Анатолий, Катя и Валерий Александрович чокнулись и выпили.

— Поужинаем, поговорим за жизнь, — ворковал таможенник. — Только не подумайте, что я пьяница! Ни-ни! Я человек обстоятельный и степенный, но иногда так хочется расслабиться... Вы же меня понимаете?

— Безусловно! — отозвалась Катя. — Я лично выпиваю исключительно ради расслабления. Я вообще никогда не пьянею, и наркотики на меня не действуют.

— Ха-ха, — Валерий Александрович смеялся раскатисто и заразительно. — Вы, девушка, опять меня разыгрываете?

— Зря не верите, — оскорбилась Катя. — Предлагаю пари: кто кого перепьет. Но учтите, ваших запасов алкоголя может не хватить.

— А на какой интерес пить будем? — завелся с полоборота Валерий Александрович.

— Вы — хозяин, ваше право выбирать, — пошла на уступку Катя.

— Але, народ, — попыталась урезонить спорщиков Ангелина. — Сейчас не время! Нужно что-то с Голубевым решать.

— Ангел мой, — уговаривал невесту Анатолий, — ну не будь ты такой серьезной. Вспомни, что сама вещала про барона Мюнхгаузена.

— Идея! — воскликнул Валерий Александрович. — Ангелина Станиславовна, вы подали мне блестящую идею. Мы совместим приятное с полезным. Посвятим этот питейный поединок благому делу — помощи Катиному жениху, а заодно и выясним, кто будет командовать парадом. Если выстоит молодость — командуют женщины, если выстоит зрелость — командуют мужчины. Интуиция против тактики и стратегии.

— Валерий Александрович, брось! — Анатолий делал страшные глаза и подмигивал, как нервноболевой. — Спорь на что-нибудь другое!

— Не дрейфь, хирург! — хорохорился таможенник. — Пехота без боя не сдастся! Посмотри на меня и на эту пигалицу. С моей весовой категорией я ее в два счета перепью.

— Ну, Катерина, пришивай погоны, быть тебе генералом, — подначивала мужчин Ангелина.

— Эй, Валерий Александрович, погорячился ты, однако. Пил бы без спора! Катьку даже Голубев перепить не мог, а уж Илюхе опыта не занимать, он по этому делу не любитель, а профессионал. Девчонки же нам на шею сядут, если ты проиграешь, — сокрушался Анатолий.

— У вас еще есть шанс отказаться, — коварно промурлыкала Катя.

— У вас тоже, — Валерий Александрович отодвинул лишние рюмки.

— Ну тогда готовьте посуду побольше, — Катя буравила его хищным взглядом. — Я не пью из мелкой посуды. А то рука занемееет рюмку поднимать туда-сюда, туда-сюда.

Таможенник уважительно посмотрел на смелую девушку, встал из-за стола, опрометью кинулся из кабинета и вернулся с двумя гранеными стаканами. Даже Анатолий как-то вжался в стул при виде таких рюмочек. А Валерий Александрович, как провокатор, наслаждался реакцией опешивших гостей. Только Катя, спокойно взирая на торжествующего таможенника, сполоснула принесенные стаканы в раковине, насухо вытерла полотенцем и поставила рядом с откупоренной бутылкой.

— Валерий Александрович, гм, гм, — мялся Анатолий. — Может, не надо... Вы хоть и атлетического телосложения, но с Катериниными талантами я на деле ознакомился. Да и как бы сердчишко с давлением не подкачало...

— А вы меня реанимируете, — развеселившийся таможенник рвался в бой. — Вы, Анатолий Дмитриевич, сделаете мне массаж сердца, а Катюша — искусственное дыхание рот в рот.

Валерий Александрович до краев наполнил стаканы коньяком. По комнате растеклась волна благородного французского духа. Темно-коричневый выдержанный

напиток мерцал, словно потускневшая от времени бронза. Четыре пары сумасшедших блестящих глаз гипнотизировали два стакана — предстоящее зрелище для всех присутствующих было в новинку. Как хлещут водку и коньяк в таких дозах, каждый видел лишь по телевизору. Участие же в подобном шоу роднилось с авантюрой. И хотя Анатолий и Ангелина занимали зрительские места, азарт также будоражил их кровь и заставлял сердца учащенно биться. Анатолий сглотнул слюну, от волнения пересохло в горле, а в груди, в районе солнечного сплетения, разрастался огненный ком. Ангелина лихорадочно теребила волосы, наматывая на палец золотистый локон. Вот что значит пари! Азарт почти материализовался в ощутимые нервными клетками электрические разряды, витающие над головами, как крохотные шаровые молнии.

— Ну что, поехали! — скомандовал Валерий Александрович. — Раньше начнем, раньше кончим...

Катя послушно подняла стакан, аккуратно поставила его донышком на ладонь, поднесла к губам и первая выпила свой коньяк, не отрываясь и не морщась, словно это был остывший крепкий чай. Промокнув рот тыльной стороной руки, она продемонстрировала таможеннику и зрителям опустошенный стакан.

— Мать моя женщина! — восторгался очумевший Валерий Александрович. — Жаль, я не догадался снять такое зрелище на видеокамеру. Кому скажи, не поверят! И как в тебя все это вместилось, пичужка ты ненасытная! Ладно, теперь моя очередь, — таможенник крепко сжал стакан. — Не посраим наше мужское братство! — рывкнул он, как на параде, набрал в легкие побольше воздуха и приложился губами к стакану.

Анатолий и Ангелина, как зачарованные, следили за его острым кадыком, судорожно вздымающимся то вверх, то вниз.

— Уф! — выдохнул Валерий Александрович. — Не тем оружием французы-супостаты воевали с нами в тысяча восемьсот двенадцатом году. Бедный Наполеон, тебе все обозы таким вот коньяком загрузить, глядишь, дело бы дошло и до мирных переговоров, и дружили бы мы теперь с Францией...

— Как Белоруссия с Россией, — сострил Анатолий.

— А че, ребята, за политику мы еще не беседовали? — голос таможенника немножко сел, а язык ворочался чуточку медлительнее.

— Какая политика, — усмехнулась Катя, всматриваясь в его затуманенные глаза. — У нас с вами поединок века, или вы сдаетесь на милость победителя после первого раунда?

— Кто? Я??? Не дождетесь! Дайте мне минутку, сигаретку выкурить, — Валерий Александрович похлопал себя по карманам. — Ну память! Дуршлаг дырявый! Ищу вчерашний день. Я же бросил курить пять лет назад... Ха-ха, а бутылка-то почти кончилась!

— Жаль, что она не резиновая, — подначила Ангелина. — Вам, Валерий Александрович, и этого будет предостаточно. Остатки, как говорится, сладки...

— Да коньяк — не проблема! Была б душевная компания, — голова таможенника падала, будто Валерий Александрович непрерывно кивал. — Щас это допьем и вдарим разведкой по буфету и ресторану!

Дрожащей рукой таможенник разлил остатки коньяка. Горлышко бутылки отстукивало чечетку по краю стаканов, и Ангелина всерьез опасалась, как бы кусочки стекла не отбились и не оказались на дне.

Разрумянившаяся Катя проглотила коньяк залпом. Валерий Александрович тянул медленно, словно в его стакане было сгущенное молоко.

— Вуаля! — он с грохотом, по-гусарски, хлопнул посуду о стол.

Осколки разлетелись по полированной поверхности. Острая заноза впиалась в Катин локоть, из ранки потекла кровь.

— А-а-а! — завопила Катя. — Как больно-о-о! Я же говорила, что я невезучая... — длинными наманикюренными ноготками девушка извлекла занозу, кровь хлынула сильнее. — Похоже, суждено мне умереть в этом аэропорту. Сначала буйный молодой человек чуть руки мне не выдернул и кожу с запястий наручниками поободрал, а теперь его начальник принял эстафету. Инквизитор! А главное, вы заметили, что никто больше не поранился, только я!

— Я спасу тебя, маленькая стойкая женщина! — Валерий Александрович ринулся к висящей на стене аптечке, но во хмелю не рассчитал амплитуду поворота и вырвал полочку с корнем, рассыпав по полу весь фармацевтический запас.

Порошки взорвались, повиснув на брюках и ботинках белым налетом, таблетки захрустели под подошвой, пузырьки разбились, содержимое растеклось и перемешалось. Валерий Александрович неуклюже топтался как слон в посудной лавке, грозя разнести весь кабинет. Пытаясь поднять с пола пластиковую бутылочку с перекисью водорода, он наступил на леккер с зеленой, продолговатый толстый цилиндр прокатился под ногой, и героический спасатель, сменив направление движения, завалился на шкаф, в котором хранились подаренные коллегами сувениры. От столкновения шкаф качнулся, полки обрушились, дверцы сорвались с петель, сам Валерий Александрович провалился вовнутрь, и его засыпало грудой сувениров, привезенных из экзотических стран.

— Он жив? — первой от шока очнулась Ангелина. — Там были весьма увесистые предметы.

— Пойду на раскопки, — позеленевший Анатолий пробрался через развалины и склонился над торчащими из шкафа ногами Валерия Александровича. — А если с ним что-то серьезное, нас же засудят за покушение на должностное лицо...

— Ой! — взвизгнула Катя. — А кто же тогда поможет Илье?!

— Спокуха, ребята! — донесся из глубины хриплый голос. — Пехоту минами не запугаешь! Я тут полежу чуток, отдохну перед ужином... Здесь прохладно, как в спальне... Хр-р-р! Хр-р-р... — и вибрирующий храп сотряс хрусталики на люстре.

— Ну, и какой у тебя план, стратег хренов! — разозлилась Ангелина.

— Может, сбежим, пока нас не застукали? — прошептала Катя.

— Правильно! — согласился с ней Анатолий. — Вы обе бегите, незачем всем троим пропадать, а я останусь, если что — весь удар приму на себя.

— Я тебя не брошу! — хлюпнула носом Ангелина, рисуя в воображении картину позорного ареста. — Катя, беги одна. Тебе Илью спасать надо. А мы уж как-нибудь сами выпутаемся.

— Нет! Или бежим все вместе, или я остаюсь, — категорично отрезала Катя. — Я его споила, мне и отвечать!

— Хр-р-р! Хр-р-р! — беззаботно храпел и причмокивал губами отдыхающий от тяжелой смены Валерий Александрович.

Стук в дверь застопорил пререкания о добровольном самопожертвовании попавших в переделку гостей. Не дождавшись ответа, в кабинет просунулась голова вернувшегося с задания Пинкертон.

— Мать честная! Вот бабка-поганка, обманула все-таки! — выругался он.

— Какая такая бабка?! — ошалел Анатолий.

— Бабка-знахарка, которая божилась, что дядя Валера глотка спиртного в рот не возьмет, — пояснил молодой таможенник.

— Дядя? — переспросила Ангелина. — Валерий Александрович ваш дядя?

— Ну да. Моя мать — его родная сестра, — племянник подставил поближе мусорное ведро, чтобы убрать весь этот бедлам.

— Ваш дядя алкоголик? — сочувственно осведомилась Катя.

— Почему алкоголик? — племянник обиделся за оскорбленного нелицеприятным подозрением дядю.

— Но вы же его у бабки какой-то лечили... Вы же сами только что сказали, — повторила его слова Катя.

— Вы меня неправильно поняли. Дяде Валере пить категорически запрещено, у него как у чукчи что-то неправильно в организме вырабатывается, и алкоголь абсолютно не расщепляется. Поэтому он пьянеет на счет три, а при его должности репутация должна быть безукоризненной. Желающих занять его кресло пруд пруди, — мусорное ведро переполнилось.

— Я помогу, — вызвалась Катя.

— Да сиди уж. Я помогу, — Ангелина шагнула к шкафу. — Толя, проверь ее руку и перевяжи чем-нибудь. А у вас, молодой человек, есть мусорные мешки? Тут одним ведром не обойдешься.

— Сейчас к уборщицам сбегая, — племянник выскочил за дверь.

— И прихвати еще швабру и половую тряпку, — выкрикнула вслед Ангелина.

Кровь на Катиной ране подсохла. Анатолий вытер кожу смоченным в воде носовым платком и залепил руку пластырем, который благодаря прочной стерильной упаковке уцелел под напором Валерия Александровича. Затем Анатолий откопал заваленную сувени-

рами жертву питейного поединка века, оттащил его к столу, отряхнул одежду и усадил в кресло. Крепко спящий Валерий Александрович опустился на стол, и доктору пришлось ощупывать больного, проверяя целостность его чресел в полусидячей позе. Но как говорится: «Бог бережет дураков и пьяных». На азартном таможеннике не было даже царапины, только во взъерошенных волосах застряли блески, осыпавшиеся с диковинного китайского веера.

Катя занялась вычесыванием блесков, мужчины вынесли в мусорных мешках расколотые сувениры и поломанные статуэтки. Ангелина вымела с пола раздавленные лекарства и, намочив в раковине тряпку, протерла пол, ликвидируя остатки пьяного разгула.

— Все! Репутация Валерия Александровича отмыта добела, — отчитался Анатолий. — Комар носа не подточит!

— Огромное вам спасибо! — племянник пожал ему руку и галантно поцеловал ручки дамам. — Даже не знаю, как вас отблагодарить.

— Как очухается и выходится, — Анатолий записал на листке телефон и адрес, — тащите его за шиворот к этому доктору. Он ему такую торпеду вставит — мама, не горюй.

— А нам пора, — Анатолий похлопал парня по плечу. — Вы на нас тоже зла не держите. Мы будем молчать, как немые.

Компания собралась к выходу.

— Доктор, доктор, — племянник Валерия Александровича окликнул Анатолия уже на пороге. — Я вам самое главное забыл сказать! Я же все выяснил про Виктора Каррераса... Он прилетает через три часа парижским рейсом.

— Почему парижским? Вы ничего не перепутали? — переполошилась Катя.

— Нет, — к таможеннику вернулась профессиональная гордость. — Я никогда ничего не путаю! Ваш Каррерас летел с острова Бали с тремя пересадками, будто пытался кого-то запутать или следы заметал.

— Что же нам делать?! — паниковала Катя. — У нас всего три часа!

— А вы поужинайте, — неожиданно предложил Пинкертон. — Вы здесь так долго сидели, что наверняка успели проголодаться. В нашем ресторане отменная кухня. Дядя Валера не простит мне, если я вас не угощу.

— Я — за, — кивнул ему Анатолий. — Дамы тоже, — постановил он за всех. — У меня лично урчание желудка заглушает голос мыслей.

— Я бы тоже чего-нибудь перекусила и кофейку бы выпила, — примкнула к жениху Ангелина.

— И я с вами! — присоединилась к ним Катя. — Я сегодня целый день не ела, некогда было, моталась по всяким юридическим конторам, да все без толку! А в вашем ресторане готовят блюда японской кухни?

— К сожалению, нет, — таможенник раскрыл перед дамами прихваченное по приказу дяди меню.

— Какое счастье! — обрадовалась Катя. — Я буду самую большую свиную отбивную с жареной картошкой и салат оливье, — заказала она, не читая меню. — Мне эта японская кухня снится по ночам в кошмарных снах.

— Ее муж — владелец японского ресторана, — разъяснил Анатолий.

— Бывший владелец, — грустно вздохнула Катя.

— Ничего, Катюша, не горюй, — обняла несчастную подругу Ангелина. — Ты же выиграла пари, значит, нам с тобой руководить парадом. А мы — женщины, натуры гибкие, с нами не пропадешь, мы найдем выход из любого тупика!

Глава 3

— У кого какие мысли созрели? — промычал с набитым ртом Анатолий, дожевывая пирожное корзиночку.

— Я сейчас усну от усталости, — жаловалась Ангелина, заказывая третью чашку кофе. — У меня до сих пор уши после перелета заложены и в голове звенит.

— Это все из-за меня, это все из-за меня, — твердила раскисшая Катя. — Я всем приношу только напасты. Пропали мы с Ильей... Пропало наше семейное счастье... А ведь как романтично все начиналось!

Глядя на озабоченную троицу, собравшуюся за круглым столом и выглядящую как на картине «Военный совет в ресторане аэропорта Пулково», невольно хотелось оправиться, подтянуться, застегнуть доверху пуговицы на рубашке и отдать честь грозно шевелящему бровями Анатолию.

Люди ужинали по одиночке и семьями. Кто-то забегал в ресторан перекусить наскоро, проголодавшись в ожидании задерживающегося рейса, кто-то прямо в аэропорту праздновал долгожданную встречу любимых или проводы загостившихся родственников. Лица вокруг Анатолия, Ангелины и Кати сменялись, как калейдоскопические картинки, но троица стратегов этого не замечала. Затянувшийся банкет длился третий час, Виктор Каррерас уже подлетал к Петербургу, нервное напряжение нарастало, грозя обернуться стихийным рукоприкладством.

— В крайнем случае, набью ему морду! — пообещал Анатолий. — Честно говоря, у меня еще на Бали руки чесались. Зря я его пожалел! Нужно было показать этому нахальному шоколадному зайцу, что на каждую силу имеется другая сила. Может, тогда он бы побоялся сюда сунуться? А так Виктор считает, что все его злодеяния и на этот раз останутся безнаказанными.

— Не петушись, милый, — осаждала жениха Ангелина. — Каррерас — серьезный противник, и в честном поединке его сложно одолеть. Ты, конечно, парень хоть куда, — она окинула оценивающим взглядом могучий торс Анатолия. — Но и Виктор — не лилипут, ни здоровьем, ни физической силой — ничем не обделила его кубинская матушка-природа. Так что, если вы схлестнетесь, это будет битва титанов.

— А знаешь, что сказал своей дружине молодой князь Александр Ярославович накануне Невской битвы? — многозначительно изрек Анатолий. — Двадцатилетний герой молвил: «...Не в силе Бог, а в правде». А в данной ситуации правда — на нашей стороне.

— Ты, оказывается, фаталист, — усмехнулась Ангелина, щедро поливая кофе взбитыми сливками. — Вспомни тогда еще слова: «Велика Россия, а отступать нам некуда: позади — Москва!»

— Слова-то я помню, не помню только, кто их сказал, — задумался Анатолий и по примеру Ангелины выжал в свою чашку с кофе взбитые сливки из баллончика. — Сладкое полезно для мозгов, — комментировал он, черпая ложкой пышную пену.

— Это политрук Клочков, — Катя взяла сливки и покрыла белой шапкой свой кофе. — Вкусно!

— Где политрук Клочков? — не поняла ее Ангелина, озираясь вокруг.

— В учебнике истории, — пояснила Катя. — Эти слова про Москву и Россию сказал геройский политрук В. Г. Клочков, который надолго задержал фашистов, рвущихся к столице в ноябре 1941 года.

— Надо же! — восхитился Анатолий. — Какие у тебя феноменальные познания! Ты в школе отличницей была?

— Нет! — Катя трясла шипящий баллончик, пытаясь выдавить еще одну порцию сливок. — Отличницей

я не была и историей никогда не интересовалась. Просто в нашей школе в старших классах был такой предмет — начальная военная подготовка, который преподавал молоденький учитель. По нему все девчонки сохли, в том числе и я. Звали его Петр Николаевич Клочков. Быть может, он и привирал нам ради красного словца, и тот легендарный Клочков всего лишь его однофамилец, но наш Петрик постоянно цитировал его и гордился им как родственником.

— Катюша, дорогая, — Ангелина склонилась к ушку девушки. — Позволь дать тебе один совет: не раскрывай ни перед кем своих козырей. В настоящей женщине всегда должна быть загадка, а ее прошлое — окутано ореолом таинственности.

— Но я же больше никому... — Катя покраснела как рак, то ли от стыдливости, то ли от напряжения, тряхнула баллончиком изо всех сил, сливки прыснули в разные стороны, обдавая липкими брызгами Ангелину и Анатолия. — Ой, простите! Я нечаянно!

— За нечаянно быют отчаянно! — Анатолий вскочил из-за стола.

Катя поняла его слова буквально, сжалась в комочек и прикрыла голову руками.

— Анатолий, не смей к ней прикасаться! — крикнула Ангелина, заслоняя несчастную своим телом.

— Да вы что, девчонки, совсем ополоумели? — возмутился Анатолий. — Я же не изверг! Да я хоть кого-нибудь пальцем тронул?

— А я подумала, что вы вскочили, чтобы меня огреть, — Катя с опаской отняла от лица ладони.

— Просто у меня реакция мгновенная, — растолковывал Анатолий. — У всех спортсменов такая реакция.

Пока Ангелина и Анатолий оттирали с одежды взбитые сливки, объявили о посадке самолета из Парижа.

— Ой! — от неожиданности Катя подпрыгнула на стуле, толкнула коленками стол и опрокинула чашки с недопитым кофе.

Коричневые брызги закрасили пятна от сливок, и кремовая рубашка Анатолия приобрела леопардовую расцветку. Ангелине на этот раз повезло больше: на черной блузке кофейные пятна терялись.

— Ой! — снова подскочила Катя. — Какая я растяпа! — по ее красному лицу поползли белые полосы.

Опрокинутые чашки покатались к краю стола.

— Замри! Не двигайся! — скомандовал Анатолий и, как жонглер, на лету поймал падающие чашки.

— А вы все развлекаетесь? — язвительно спросил вернувшийся за ними Пинкертон. — Вы слышали объявление? Самолет из Парижа уже приземлился.

— Как самочувствие дяди? — Анатолий посчитал своим долгом поинтересоваться здоровьем бывшего пациента, ставшего новоиспеченным другом. — Валерий Александрович уже очухался?

— С ним все нормально. Моя мама поделилась со мной рецептом простого, но действенного средства для быстреего отрезвления. Нужно в стакан с холодной водой капнуть три капли нашатырного спирта...

— Помогите нам! Я вас умоляю, — Катя посмотрела на него глазами преданной собаки и бухнулась на колени.

Молодой таможенник застыл, как бронзовый Дзержинский, обозревающий горизонты светлого будущего и не замечающий копошащуюся под ногами несознательную гражданку. Но упорная девушка подползла ближе и вцепилась испачканными во взбитых сливках руками в его брючину. Пинкертон отшатнулся, Катя растянулась на животе, однако брючину из рук не выпустила.

— Не смей обижать эту маленькую стойкую женщину! — сурово произнес неизвестно откуда взявшийся Валерий Александрович. — Немедленно подними ее с пола и извинись.

— Да за что?! Я ничего плохого не сделал! — молодой таможенник выдернул ногу и шарахнулся от Кати как черт от ладана.

Катя рыдала, распластавшись на полу. Конечно, она не ожидала, что Ангелина и Анатолий сотворят чудо и по мановению волшебной палочки вернут ее мужу Илье проигранный ресторан и квартиру. И все же в ее наивной детской душе теплилась надежда, что с прилетом друзей все переменится, ее кошмар рассеется как страшный сон. Ведь они уже дважды помогали Кате выпутаться из ловко сплетенной преступниками паутины. Первый раз, еще до знакомства с Ильей. Тогда Стелла Боровиковская, к которой девушка нанялась домработницей после приезда в Петербург, пыталась Катиными руками устранить надоевшего супруга и всучила ей под видом приворотного зелья сильнейший экзотический яд. А второй раз на Бали, когда Виктор Каррерас заманил Голубева в ловушку, упрятал его в затопляемой во время морского прилива пещере храма Змей и потребовал выкуп за его жизнь. И хоть Бог, который, по народной поговорке, любит троицу, выручил неудачницу из предыдущих передрыг, на этот раз Катино отчаяние заглушало робко попискивающую надежду и мешало ей расправить крылья и воспарить к небесам, чтобы донести до Господа чаяния страждущей справедливости души.

— Не плачь, Катюша, — Валерий Александрович поднял победительницу питейного поединка и вытер ей слезы своим носовым платком. — Пока я рядом, никто не посмеет тебя обидеть. А ты!.. — он укоризненно покачал головой, гневно взирая на отошедшего

на безопасное расстояние племянника. — Как ты мог довести женщину до такого состояния...

— Не ругайте его, — вступилась за напрасно обиженного парня Катя. — Я сама поскользнулась и упала, коленки на сливках разъехались. Да и чего уж теперь-то браниться. Все потеряло смысл: Виктор Каррерас уже прилетел, а мы так и не придумали, как его нейтрализовать.

— Думайте, сколько потребуется, — милостиво позволил Валерий Александрович. — Я вас никуда не гоню...

Анатолий и Ангелина переглянулись, решив, что таможенник еще не совсем протрезвел и туго соображает.

— Спасибо за приглашение, Валерий Александрович, и за ужин, но, сколько ни сиди, проблемы не исчезнут. Мы к вам зайдем на минуточку за сумками, переоденемся и по домам... — Анатолий счел, что более не стоит злоупотреблять гостеприимством.

— У вас вагон времени, ребята, — улыбался таможенник.

Катя посмотрела на недоумевающих Анатолия и Ангелину, часто-часто заморгала пушистыми ресницами и беззвучно заплакала; слезы из ее глаз полились, как дождик из толстобрюхой тучи.

— Малышка, что же ты плачешь? — изумился не ожидавший такой реакции таможенник. — Я же обещал тебе, что все будет хорошо! Я выполнил свое обещание как истинный джентльмен.

Ангелина не сдержалась и выразительно хмыкнула. С одним «истинным джентльменом» она уже была знакома. У Ильи Голубева имелся даже джентльменский кодекс собственной разработки. Но игры в благородство нередко заканчиваются тем, что великодушные отступает перед коварством, и джентльмены выставляют на продажу последние штаны. Нельзя за-

бывать народную мудрость: против лома нет приема, если нет другого лома. Голубеву не повезло, его благородство оказалось бессильным перед подлостью и бульдожьей хваткой сильного противника. И Катя, любимая молодая жена, одна за двоих расхлебывала прелести недельной семейной жизни, а облапошенный джентльмен топил в вине свое горе.

— Катя, не реви! — строго приказала Ангелина. — Еще не вечер! Будет и на нашей улице праздник...

— Конечно, еще не вечер, — бойко откликнулся Валерий Александрович. — Пока вашего злодея будут шмонать у меня на таможне, мы обязательно что-нибудь придумаем. Помните, как говаривал Верещагин в «Белом солнце пустыни»... Таможня дает добро, — он заговорщицки подмигнул Анатолию и Ангелине, а Кате галантно поцеловал ручку.

— Так вы его задержите?! — дошло до Анатолия.

— Ну, не я лично, — заскромничал таможенник.

— Вау! — обрадовалась Катя, запрыгала, как школьница, и захлопала в ладоши. — А вдруг у него обнаружат контрабанду?.. А?!.. — фантазировала она. — Тогда Виктора Каррераса засадят в тюрьму...

— Помечтай, — осадил ее Ангелина. — Виктор не будет рисковать, когда в его руках такой куш. Он готовил свою авантюру долго и тщательно. Твой Илья ему не случайно подвернулся, Виктор ждал и готовился к прыжку. Все его фокусы с драгоценностями престарелых миллионерш были разминкой. Представьте себе, — Ангелина составляла психологический портрет преступника. — Честолюбивый кубинский парень, получивший в России неплохое образование, вслед за своей красавицей-сестрой Сандрой и ее русским мужем Антоном перебирается на Бали. Вокруг бурлит роскошная жизнь. Богатые туристы за день тратят на развлечения столько денег, сколько они всей семьей

зарабатывают за месяц. К тому же Виктор несказанно хорош собой, и женщины сходят по нему с ума. Старушки Ева Козловски и Ванесса Дрим чуть глотки друг другу не перегрызли. Но Виктор не намерен связывать себя брачными узами. Свобода и деньги — вот его девиз! Он отделяется от Сандры и заводит собственный бизнес — катает на лимузине состоятельных туристов. Вот тут-то он понимает, что отдыхающие порой разбалтывают обаятельному шоферу самые сокровенные тайны, и Виктор использует полученную информацию для разработки своих хитроумных махинаций. Ради денег он предает свою семью и ради вознаграждения сообщает бывшей возлюбленной Антона, безуспешно разыскивающей его долгие годы, где скрывается от русской мафии карточный кидала. Одного только не учел шоколадный Иуда, что дамочка пошлет на разведку двух головорезов, которые когда-то были лучшими корешами Антона. Братки не продали друга, Иуда занервничал, его план оказался под угрозой срыва. И вот тогда на Бали в поисках приключений прилетел господин Голубев с невестой, чтобы сыграть незабываемую свадьбу не хуже, чем у голливудских звезд, а заодно и преподнести сюрприз нам с Анатолием. К несчастью, наш Илюша как две капли воды походил на шулера Антона, чем и не преминул воспользоваться Виктор. Он на ходу перестроил план и решил выдать Голубева вместо родственника. Заманить джентльмена в ловушку не стоило большого труда. Достаточно было произнести: «Катя в беде!», и Голубев ринулся навстречу опасности, как бык на шпагу тореадора. Я могу только предполагать, что пока Илья томился в плену, план Виктора переменялся в третий раз. Сумма выкупа была ничтожно мала в сравнении с оцененным имуществом Голубева. А зачем довольствоваться малым, когда можно отнять все! По

своей ли воле, или по принуждению, но Голубев согласился сыграть с Виктором в карты. Этот факт мы выясним при свидании с Ильей. Хотя он еще тот азартный Парамоша, сам на рожон лезет, и я не удивлюсь, что эта инициатива могла исходить от него лично. А в поединке повезло, конечно же, Виктору Каррерасу, знавшему от шурина трюки картежников-профессионалов. Обыграть такого лоха, как наш джентльмен, — плевое дело, проще, чем отнять конфетку у ребенка. Я помню, как Виктор, прощаясь с нами на лодочном причале, произнес: «До скорой встречи, милые дамы и господа». Тогда, на Бали, я не придавала этому значения, сейчас все встало на свои места.

— Ну, шоколадный заяц, ну, погоди! — пригрозил невидимому злодею Валерий Александрович и выразительно помахал кулаком. — Мы ему покажем кузькину мать! Поубавим пылу темпераментному кубинскому красавцу. Что у нас — своих Аленов Делонов мало... Так, так, так, — вслух размышлял таможенник. — Сначала мы досконально проверим его багаж, а вдруг, чего найдем? Вдруг вы, Ангелина Станиславовна, переоценили его умственные способности. Как говаривала моя бабушка: «У страха глаза велики». Но если там ничего любопытного не окажется, устроим ему тщательное медицинское обследование. А вы, ребятки, обдумывайте свой план контратаки, я вас не тороплю. Дамы, если притомились, могут вздремнуть в комнате отдыха. Да и вы, Анатолий Дмитриевич, не стесняйтесь, мой кожаный диван в вашем распоряжении.

— Вау! — Катя подпрыгнула до потолка и обрушилась на шею Валерию Александровичу. — Спаситель вы наш! — ликовала она, целуя таможенника в небритые щеки. — Как я вам благодарна! Вы не представляете! Я ваша должница навеки!

Валерий Александрович обнимал худенькие плечи Кати, а его ладони подрагивали, то ли от последствия алкогольной передозировки, то ли от удовольствия.

Компания заговорщиков вернулась в кабинет Валерия Александровича. Анатолий и Ангелина переоделась в чистую одежду.

— А можно нам посмотреть, как будут обыскивать Виктора? — Катя желала вкусить крови противника.

— Если вы обуздаете свой темперамент, — выставил условие таможенник.

— Я затаюсь, как мышка, — пообещала Катя. — Вы со мной? — осведомилась она у Ангелины и Анатолия.

— Да-а-а, — помедлила Ангелина, прислушиваясь к внутренней борьбе между порядочностью и любопытством. — А ты, милый? — Ангелина ждала ответа Анатолия.

— Я со всеми, — не колеблясь, согласился он. — Созерцание паники в рядах противника поднимает боевой дух воина.

— Тогда идите за мной, — Валерий Александрович, пригнувшись, словно партизан в разведке, повел своих гостей к наблюдательному пункту.

Высокорослый чернокожий красавец Виктор Каррерас выделялся из толпы пассажиров парижского рейса. Мужчины с завистью смотрели вслед мускулистому атлету, передвигающемуся по аэропорту с грацией опасного хищника. Женщины дарили ему улыбки и тайные воздушные поцелуи, с замиранием сердца ловя ответный взгляд.

— Это он, — прошептала Катя.

Виктор вошел под арку металлоискателя, и датчики заорали.

— Пожалуйста, выньте из карманов все металлические предметы, — вежливо попросил заступивший на пост племянник Валерия Александровича.

Виктор одарил его белозубой улыбкой и выложил на стойку ключи на брелке, монеты, золотую зажигалку и портсигар, инкрустированный россыпью бриллиантов.

— Вы задекларировали ввозимые в страну драгоценности? — дотошный Пинкертон покрутил в руках дорогой портсигар.

— Да, — Виктор снова встал под арку, датчики завили, будто сигнализация угоняемой машины.

— Вам придется снять с себя все металлическое. — Подозрительный таможенник сощурил глаза.

Подавляя вскипающий гнев, Виктор скрутил с пальца золотой перстень с крупным бриллиантом, снял с шеи толстую цепь с массивным крестом, вытащил из брюк ремень и демонстративно вывернул наизнанку карманы. Подлые датчики снова заорали.

— Пройдете в комнату досмотра. Не будем задерживать остальных пассажиров. — Пинкертон освободил место за таможенной стойкой своему коллеге и лично отконвоировал задержанного Виктора.

— Ага, — злорадно прошипела Катя. — Я же говорила, что он попадется на контрабанде.

Валерий Александрович посмотрел на нее с невыразимой нежностью, словно любящий муж на юную супругу, но раскрывать секретов ремесла не стал. Анатолий и Ангелина догадались, что все это было подстроено. Разведчики вернулись в кабинет Валерия Александровича и стали ждать дальнейших сводок с поля сражения.

Справедливость восторжествовала. Оскорбленные броской красотой Виктора мужчины бесцеремонно тыкали пальцами в его сторону и бурно обсуждали произошедший инцидент. Опечаленные женщины жалели окруженного ореолом таинственности плененного контрабандиста и возводили его в ранг великомученика.

В комнате досмотра таможенники прощупали одежду Виктора и заставили его вывалить на стол все вещи из вместительного пластикового чемодана на колесиках. Больше всего их поразило обилие нижнего белья, среди которого обнаружили даже кожаные мужские стринги. Похихикав, таможенники обследовали днище и ручки чемодана, просветили на специальных приборах баллончик с пеной для бритья, тюбик с зубной пастой, флаконы с одеколонами и лосьонами, баночки с кремами, запечатанные картонные упаковки с презервативами, паркер с золотым пером и ежедневник в тисненном переплете. Потом они дотошно изучили каждую букву в написанной Виктором декларации, каждую букву в визе паспорта, проверили билет, багажную квитанцию, даже чек об оплате за перевес.

Разрешив пассажиру уложить вещи обратно в чемодан, таможенники удалились на чаепитие, оставив Виктора под присмотром Пинкертона.

— Я готов! — сообщил Виктор, защелкивая замки чемодана.

— Очень хорошо, — Пинкертон протянул ему два листа бумаги. — Напишите заявление, что во время таможенного досмотра у вас не пропало ни одной вещи. А на отдельном листе составьте подробную опись имущества, драгоценностей и документов.

— Зачем?! Я могу в устной форме засвидетельствовать вам мое глубокое почтение и уважение к законам этой страны, — отчеканил Виктор, буравя таможенника колючим взглядом.

— Так положено! — не терпящим возражения тоном отрезал Пинкертон. — Во избежание недоразумений и претензий в адрес государственной службы.

— Понимаете, — тоном ниже пояснил Виктор, — я очень спешу. В зале прилета меня встречают. Я здесь по важному делу.

— Где вы так хорошо выучились русскому языку? — поинтересовался таможенник.

— В Кораблестроительном институте города Санкт-Петербурга с одна тысяча девятьсот девяносто четвертого года по две тысячи первый год, — отчеканил задержанный.

— А что, на корабелов семь лет учат? — в голосе Пинкертона послышалось недоверие.

— Можно я закурю? — попросил Виктор, чувствуя, что его еще долго будут пытаться с пристрастием.

— Здесь не курят, — таможенник развернул к Виктору табличку, запрещающую курение в этом помещении. — Так почему вы учились в ВУЗе семь лет вместо пяти?

— Я брал академический отпуск по семейным обстоятельствам, — отчитался Виктор, чтобы его не заподозрили в шпионаже.

— Вы женаты? — дотошно выводил неуемный Пинкертон.

— Это мое личное дело и вас не касается! — взвился задержанный, энергично жестикулируя. — И вообще, немедленно объясните, по какому праву вы надо мной издеваетесь. Я пожалуюсь в консульство и добьюсь, чтобы вас уволили. Где ваше начальство?! Я требую, чтобы ваш начальник безотлагательно разобрался в моем деле! Иначе...

— Вы нам угрожаете?! — распахнув дверь, в помещение ураганом ворвался Валерий Александрович. — Так и запишем в протокол, что задержанный для досмотра Виктор Каррерас отказался выполнить необходимые формальности, угрожал сотрудникам таможни, вел себя непристойно, шумел и дебоширил...

— Но я... — от такого натиска Виктор потерял дар речи. — Я же не... Чем я?..

— Садитесь, господин Каррерас! Над вами никто здесь не издевается, — Валерий Александрович налил

стакан минеральной воды, но выпил сам. — Хотите водички?

— Нет, — Виктор, как подкошенный, рухнул на стул.

— Мы периодически проводим детальную выборочную проверку пассажиров, — продолжил беседу Валерий Александрович. — Это абсолютно нормальная практика таможенных органов всех стран мира. Поэтому не надо создавать вокруг собственной персоны излишний ажиотаж. В отношении вас нет никакой предвзятости, и наши действия стопроцентно законны. Вы сами слышали, как реагировали датчики металлоискателя. И, заметьте, другие пассажиры прошли контроль беспрепятственно.

— Что ж, мне, по-вашему, нужно было оголиться перед всем аэропортом до полного неглиже, чтобы доказать, что я не пытаюсь тайком провезти контрабандный груз? — Виктор смотрел на таможенников, как на полных кретинов.

— Ну зачем же бросаться в такие крайности, — ответил за дядю Пинкертон. — Тогда бы мы вынуждены были задержать вас на пятнадцать суток за хулиганство.

— А чтобы окончательно разобраться в вашем деле, как вы сами просили, мы назначаем вам медицинский осмотр, — договорил Валерий Александрович.

— Но это же беспредел! — разъяренный Виктор вскочил, опрокинув стул.

Пинкертон отреагировал на его прыжок как профессионально выдрессированный пес, повалил задержанного лицом на пол, уселся сверху и защелкнул за его спиной наручники.

— Вызывать конвой? — племянник с гордостью обернулся к дяде.

— Не надо, — взмолился поверженный Виктор.

— Вас же предупреждали, — укоризненно покачал головой Валерий Александрович. — Теперь будем составлять протокол.

— Не надо, — канючил осознавший свою ошибку Виктор. — Простите меня. Я... Я... Я компенсирую вам моральный ущерб, только отпустите меня.

— А за дачу взятки должностному лицу при исполнении служебных обязанностей по нашему законодательству предусмотрено лишение свободы сроком до трех лет, — сообщил задержанному Валерий Александрович. — Но наказание вступит в силу после медицинского осмотра, которого вы, почему-то так испугались. А ведь мы не собирались делать вам трепанацию черепа или вскрывать брюшную полость. Все проблемы в нашем учреждении решаются при помощи обыкновенного рентгеновского обследования. Слышали про такие чудо-лучи? С их помощью наш доктор нашел в органах пациентов немало интересных штучек, включая всевозможные ювелирные изделия и капсулы с наркотиками. Вы даже представить себе не можете, что глотают люди ради того, чтобы скрыть от наших бдительных глаз контрабандный товар. Один чудик, который эмигрировал в Америку, умудрился съесть орден Андрея Первозванного первой степени. Мы ему потом долго объясняли, что такие вещи не выводятся из организма естественным путем. А он, знаете ли, ответил: „Что значат два часа наркоза на операционном столе в сравнении с той жизнью, которую бы мне обеспечил этот раритет...“ Какое кощунство! В современном обществе постепенно стираются консервативные понятия о приличии и морали. Чего только я не перевидал за годы службы на этом посту! Сколько правонарушителей и аферистов я задержал, и не сосчитать! Но люди, став заложниками собственной алчности, все равно идут на преступления и гибнут ради денег, которые на тот свет не унести. Ну да хватит об этом. Дело ведь не во мне. А то я до утра могу рассказывать вам о сложностях трудовых будней героических работников таможни. Гре-

шен я, всей душой за дело радею. — Валерий Александрович закончил свой патетический монолог над телом поверженного противника. — А теперь подними его и на медосмотр, — приказал он племяннику. — И передай доктору, чтобы он не снимал наручников с этого притягательного туриста. Если этот шоколадный заяц сбежит, я с эскулапа семь шкур спущу.

Под конвоем, с руками за спиной, Виктор вышел из кабинета Валерия Александровича. Он брел, свесив голову, как ведомый жестоким надсмотрщиком чернокожий раб с плантации сахарного тростника.

Племянник в дверях оглянулся и подмигнул дяде, дескать, «все получилось». Валерий Александрович показал поднятый вверх большой палец.

Заждавшиеся гости накинулись с расспросами. Как, что, почему?.. Их интересовали мельчайшие детали таможненного досмотра Виктора Каррераса. Валерий Александрович все подробно пересказал, втайне гордясь своей смекалкой.

Катя пожирала его глазами, ловя каждое слово престарелого Адониса. Ангелине не нравился ее фанатичный взгляд и блуждающая улыбка. Глупая, неискушенная в амурных интригах девчонка по-прежнему влюблялась в сказочных принцев, возникающих в стране мечты, чтобы спасти принцессу от злого чудовища.

Когда-то таким принцем был сын Шурика Боровиковского, затем его место занял бизнесмен Илья Голубев. Катя умудрилась влюбиться, правда кратковременно, даже в Виктора Каррераса, перед тем, как тот похитил ее жениха. А сейчас, когда корона Голубева держалась на честном слове, он уже не был столь притягателен для романтической дурочки, летящей за миражом, словно бабочка-однодневка за смертоносным огоньком горящей свечи.

— Какой вы молодец, Валерий Александрович, — похвалила таможенника Ангелина. — Машенька обожает доблестных мужчин.

Валерий Александрович порозовел от удовольствия, а Катя — от смущения, глазки погрузтели и обрели осмысленное выражение. Так тебе и надо, голубушка! Катя забыла, что она семейная женщина и флиртowała со взрослым дядей. Ангелина не могла допустить закручивающегося на виду у всех романа. Тоже достижение — охмурить мужика в возрасте. Как говорят: «Седина в голову, бес в ребро». А Марии вот-вот тридцатник стукнет, ей замуж пора, за достойного человека.

— Вы с Машенькой будете прекрасной парой, — продолжила тему Ангелина. — Она — красавица, вы — герой. Представляю, какие у вас получатся замечательные детишки! Вот расправимся с Виктором Каррерасом, и я сразу займусь устройством вашей личной жизни!

Валерий Александрович криво улыбнулся — видимо, идея связать свою жизнь с женщиной, похожей на Мэрилин Монро, его больше не радовала. Но Ангелина, уловив его неподходящее настроение, выдвинула новую идею.

— Пока вы мучили нашего врага на таможенном досмотре, у нас родился план дальнейших действий, — выпалила она. — Виктор, при всех его пороках и недостатках, чрезвычайно падок на женщин. И Катя, там, на Бали, была ему небезразлична. Мы сыграем на его мужском самолюбии, подошлем к нему лазутчицу, якобы разочаровавшуюся в своем браке и неудачнике муже, и заманим его в капкан. Как вы находите наш план, Валерий Александрович?

— А что, — ухмыльнулся Валерий Александрович. — По-моему, план великолепный! Четко просчитаны сла-

бые места неприятеля, легенда для внедрения в его тылы стара как мир и действует безотказно. Нужно только, как это у женщин называется, макияж позазывнее навести, чтобы поразить противника наверняка.

— Я плохо выгляжу, — согласилась с ним Катя. — Я так переживала, так переживала, нацепила впопыхах первое, что попало в руки. А накраситься мне и в голову не пришло, я в последние три дня реву как белуга, вон, как глаза провалились.

— Катенька, детка, ты такая непосредственная и милая, такая импульсивная и страстная, такая... — таможенник запутался в витиеватом комплименте. — Ты — как весенняя природа, рядом с тобой расцветает даже такой старый пенёк, как я!

— Какой же вы старый, — прочирикала ему Катенька. — Вы еще очень и очень ничего...

Ангелина ткнула локтем в бок Анатолия, разомлевшего рядом с ней на диванчике, и выразительно скосила глаза в сторону воркующей парочки.

— И как долго вы сможете продержаться здесь Виктора Каррераса? — Анатолий задал главный вопрос.

— Да хоть всю ночь, — бахвалился Валерий Александрович.

— Нет, нет, — энергично возразил Анатолий. — В гостях оно, конечно, хорошо, но хотелось бы до дома добраться.

— Катя, я дам тебе свою косметику, нарисуешь глазки, наведешь румяна, подкрасишь губки. В общем, полный боевой раскрас, как велел Валерий Александрович, — перехватила инициативу Ангелина. — Я пока переберу свой гардероб, постараюсь нарядить тебя во что-нибудь суперсексуальное. Договоримся действовать так: вы, Валерий Александрович, помучайте Виктора еще, — Ангелина взглянула на часы, — минут сорок. За это время Катя настроится на сольный выход.

Ты, Катюша, разыграешь перед ним несчастную женщину, разочаровавшуюся в скоропалительном браке и слабохарактерном женихе. Поплачь вволю, только макияж не размазывай по щекам, как ты обычно делаешь, когда рыдаешь. Напомни ему про томительную и сладкую ночь на балийском пляже, намекни, что не можешь его забыть, что он снится тебе по ночам в эротических снах. Словом, навешай ему лапши, чтобы он запомнил, для чего сюда приехал. Учти, благополучие твоей семьи зависит от тебя.

— Я все сделаю, Ангелина, — подчинилась Катя. — Только для чего это... Вряд ли Виктор размякнет и вернет Илье отобранное имущество. И до каких пределов должен распространяться мой флирт?

— До разумных пределов, дорогая. Не воображай себя гениальной Мата Хари. Пусть он проглотит наживку, а там сориентируемся по обстоятельствам. Главное, ввязаться в бой! — Ангелина кинулась к сумке и принялась воодушевленно перебирать одежду. — Вот то, что нужно. Наденешь мою гипюровую блузку с вырезом...

— До пупа, — подсказал Анатолий.

— ... и джинсовую юбку. Она обольстительно облегает бедра, а сзади шлица оголяет ноги до...

— До гланд, — Анатолий развлекался во всю. — Ты уж иди, Катерина, в костюме праматери Евы. Попадание будет в яблочко.

— Фи, — фыркнула Катя, взяла вещи, распахнула створку шкафа и переоделась будто за ширмой. — Ну как?

Лучший Ангелинин наряд висел на лазутчице, как на вешалке. Рукава блузы натянулись до локтя, из соблазнительного выреза выступали тощие девчоночьи ключицы, а длинные ноги с угловатыми коленями торчали из эротического разреза юбки, словно конечности сушеного кузнечика.

— Ну как? — повторила Катя, пытаясь соотнести молчание мужчин с произведенным ею фурором.

— Для сельской местности вполне сойдет, но для ловеласа Виктора Каррераса вряд ли... — вынес вердикт Анатолий. — Ну и худа же ты, Катька! А еще весь отпуск на диете просидела!

— Ну, на вкус и цвет товарища нет, — приободрил оскорбленную девушку Валерий Александрович. — По мне — Катюша — Венера Милосская.

— В мумифицированном виде, — хохотнул Анатолий.

— Дайте мне пятнадцать минут, и я сделаю из Катерины фам фаталь, то есть роковую женщину, — пообещал таможенник.

— Валерий Александрович, ты что, по совместительству работаешь волшебником? Тут как минимум месяц усиленного откорма требуется. Это я тебе как врач заявляю, — куражился Анатолий.

— Не каждому дано в мутном кристалле распознать драгоценный бриллиант, — парировал Валерий Александрович. — Катя, переоденься обратно в свитер и джинсы, чтобы народ не распугать, и пойдем со мной.

Катя обиженно хлюпнула носом, мгновенно скинула одежду с чужого плеча и вышла из-за шкафа.

— Я готова, Валерий Александрович, — произнесла она дрожащим голосом, точно агнец на заклании.

— Зачем ты ополчился на Катю! — ругала Анатолия Ангелина после того, как таможенник увел за собой лазутчицу.

— Ну и пироги с котятами! — возмущался в ответ Анатолий. — Не ты ли первая чуть в обморок не грохнулась при виде Катьки, примчавшейся нас встречать. Кто кудахтал как курица на насесте: «Они испортили нам весь отпуск... Они испортили нам весь отпуск...» А стоило мне слово поперек сказать, так я уже и не

прав! Тебе не кажется, что Илья и Катя попадают во все передраги только из-за того, что сами даже не пытаются противостоять судьбе...

— Ты что-то конкретное предлагаешь? — в глубине души Ангелина была с ним полностью согласна.

— В молодости, когда я учился в институте и увлекался восточной философией, мне попалась занятная книга про кармический долг. В ней автор выдвинул мысль о том, что каждый человек рождается на свет для того, чтобы бороться и преодолевать препятствия. Поддержка поддержкой, но трудности будут возвращаться к слабакам до тех пор, пока они не научатся самостоятельно с ними справляться. А нашим друзьям незачем шевелиться, ведь мы всегда приходим на помощь.

— Мировой аттракцион «Красавица и чудовище»! — объявила просунувшаяся в дверь голова Валерия Александровича. — В роли красавицы — Екатерина Голубева, в роли чудовища — ваш покорный слуга.

Катя в длинном вечернем платье вишневого цвета выглядела, как спелая, просящаяся в рот ягодка. Анатолий открыл рот от удивления, а Ангелина с ужасом поняла, что брак их друга Ильи Голубева трещит по всем швам и летит в тартарары со скоростью пикирующего сверхзвукового самолета!

Глава 4

В очередной раз Ангелина убедилась, что дорогая одежда поистине творит чудеса! В фирменном платье от кутюр Катя выглядела богиней. Валерий Александрович стопроцентно попал в десятку и с цветом, и с фасоном. Вишневый шифон струился по девичьим пле-

чам, мягкие ниспадающие складки скрывали угловатые формы, чуть заниженная линия талии и бант вокруг бедер придавали фигуре романтические очертания богемной барышни тридцатых годов прошлого века.

Катя заколола волосы эффектным гребнем, выступающим из собранного на затылке пучка, выпустила на висках вьющиеся прядки, отчего ее лицо стало взрослее и женственнее. Даже темные круги под глазами — следы страданий по непутевому мужу казались уместными и вполне могли сойти за модерновый макияж, который специально наводили звезды немого кино для придания облику роковой таинственности.

Тонкая шея девушки, окутанная полупрозрачным шарфиком, напоминала лебединую, а когда Катя взмахнула шарфиком и покружилась, ее руки взметнулись, словно два крыла летящей царь-птицы.

Однако не руки, и не шея, и не бант заставили Анатолия раскрыть рот, а Ангелину бросили в жар... Вырез платья на Катиной спине доходил до межъягодичной ложбинки, или, как бы выразился Анатолий, до того места, откуда ноги растут. А это самое место у нее было лучшим из всех прелестей, которыми не так щедро наделила молодую соблазнительницу праматерь Ева. Катина попа была упругой, идеально сердцевидной формы и немного вздернутой, как у Дженнифер Лопез после вшивания силиконовых имплантантов.

— Ваша попа как орех, так и просится на грех! — пошутил Анатолий, косясь на Ангелину.

— Ребята, для Лас-Вегаса или Рио-де-Жанейро это — замечательно. Но в аэропорту... По-моему, слишком эксцентрично даже для шпионки-лазутчицы? — Ангелина сомневалась в уместности выбора Катиного наряда.

— Мы же не преследуем цель — незаметно забросить шпиона в тыл врага, — вел разъяснительную про-

паганду Валерий Александрович. — У нас цель иная — ошеломить, обескуражить, обезоружить! Надо же! Все три слова начинаются на букву «о». Предлагаю назвать наш план «Операция „ООО“»...

Ангелина поморщилась, ей не нравился чрезмерный энтузиазм зрелого красавца-таможенника. Ей вообще не нравились люди, которые мгновенно загораются, бросаются в пекло, да еще и других за собой тащат! По опыту работы в агентстве недвижимости она знала, что такие клиенты непостоянны и переменчивы в своих желаниях, что их привлекает закрутившийся водоворот событий, а сама цель бывает подчас способом общения и развлечения. Но, видимо, эту точку зрения поддерживали не все, потому что Анатолий с воодушевлением подхватил идею Валерия Александровича и даже внес встречное предложение:

— Да, да, классное название! А Катерине дадим кодовое имя «Немезида»...

— А Виктору Каррерасу — «Шоколадный заяц», — подшутила над заигравшимися в шпионов мужчинами Ангелина.

— Нет, — Катя не поняла иронии. — Виктор не глупый человек, если что, он сразу догадается, что речь идет о нем.

— Ну ты же не догадалась, что я говорю несерьезно, — начала злиться на бестолковых компаньонов Ангелина. — Я в принципе не приемлю всей этой мышинной возни, которую вы затеяли. Ладно — Катя, дитя природы... С нее взятки гладки! Она еще недавно в куклы играла. Но вы-то — взрослые мужики, а все туда же: разведчики, лазутчики, операция, конспирация...

— А что в этом плохого! — Анатолий рассмеялся, глядя в сердитое лицо разбушевавшейся невесты. — Знаешь такое правило: чтобы хорошо сыграть роль, нужно вжиться в образ героя? Вот мы и вживаемся!

— А вы-то тут при чем?! — недоумевала Ангелина.

— Как это при чем?! — обиделся Анатолий. — Валерий Александрович разработал стратегический план действий, я — тактический...

— Нет, милый, — остановила его Ангелина. — Тактический план целиком и полностью моя заслуга. Но мне лавровый венок за это не нужен! Я о другом говорю!

— Поясни, пожалуйста, а то до нас, глупых, не доходит глубинный смысл твоих треволнений, — попросил ее Анатолий.

— Может, я, конечно, чересчур придирчива к вам, — Ангелина сменила гнев на милость, решив, что ссориться сейчас не время. — Но вы ведете себя как дети! Какое «ООО», какая «Немезида»... Если Виктор не поддается на Катины чары, вся ваша тактика и стратегия окажется филькиной грамотой...

— Вы мыслите как женщина, Ангелина Станиславовна, — взял на себя функцию третейского судьи Валерий Александрович. — И на Катю смотрите снисходительным взглядом старшей подруги. А мы оцениваем ее с точки зрения мужчин! Вот в этом и заключается колоссальная разница в нашем восприятии ее прелестей, а следовательно, и степени уверенности в успехе операции. Я видел, как у вашего жениха, который первоначально скептически отнесся к возможности преобразования Кати, рот раскрылся при ее появлении в этом платье. Поэтому я сделал единственный правильный вывод: если уж предвзято настроенный Анатолий так отреагировал на расцветшую девушку, то темпераментный и любвеобильный кубинец точно не пройдет мимо!

— Что ж, — призадумалась над его речью Ангелина. — Сдаюсь! Вы абсолютно правы! Если уж ты, милый, запал на чужую женщину, — обратилась она к Анатолию, — значит, женщина заслуживает внимания.

Однако один маленький нюанс вы все же не учли... Виктора Каррераса, наверняка, кто-то встречает... Так вот, этот «кто-то» не должен опередить Катю!

— Я поручу племяннику вычислить «темную лошадку». Он — сообразительный парень и найдет способ подстраховать нас, — сориентировался Валерий Александрович.

— Тогда вперед на борьбу с мошенничеством во имя дружбы и любви! — Анатолий обожал похохмить, особенно, когда на душе кошки скребли. — Но перед финальным выходом положено присесть.

Анатолий и Ангелина уже сидели на диване рядышком, Валерий Александрович возглавлял военные действия, восседая в хозяйском кресле за столом, а Катя, демонстрирующая шокирующий вечерний наряд, как манекен торчала посредине комнаты. Пометавшись, Катя присела на краешек стола, предоставив на обозрение Валерия Александровича вздернутую сердцевидную попку. Таможенник покраснел, заелозил в кресле и пулей вылетел из комнаты.

— Интересно, куда это он? — нарушил гробовое молчание Анатолий.

— Вам, мужикам, виднее, — подначила его Ангелина. — Катюша, а где Валерий Александрович раздобыл тебе платье?

— Взял напрокат в камере хранения забытого пассажирами багажа, — ответила девушка.

— Он сам тебе его выбрал? — продолжила расспросы Ангелина.

— Сам, — кивнула Катя.

— Но ты, конечно же, перед зеркалом еще что-нибудь примерила? — задала наводящий вопрос Ангелина.

— Нет, — простушка Катя не раскусила хитрости Ангелины. — В камере хранения не было ни одного зеркала. Но Валерий Александрович так мною восторгался,

так восторгался... Что я доверилась его безукоризненно-му вкусу.

— И как на тебя пассажиры реагировали? Небось, мужики шеи повыворачивали? Еще бы! Не каждый день по аэропорту разгуливают такие роскошные дамочки! — подхалимничала Ангелина.

— Валерий Александрович накинул мне на плечи свой пиджак, — поделилась Катя. — Он сказал, что не-зачем стрелять из пушки по воробьям, нужно дождаться дичи покрупнее.

— Ах Валерий Александрович! Ах стратег доморо-щенный! — восхищалась таможенником Ангелина. — Каков молодец!

После скрупулезного сопоставления фактов Ангелина поняла, что Катя даже не подозревает о том, что вырез на спине ее вишневого шифонового платья настолько откровенен. Валерий Александрович предпринял все меры предосторожности, чтобы не смутить юную разведчицу, а оголенная девичья попа и есть то самое секретное оружие, которое поразит наповал шоколадного зайца Виктора Каррераса.

Пока Ангелина размышляла, стоит ли раскрывать Кате глаза на сделанное открытие, Валерий Александрович вернулся запыхавшийся, но счастливый, со сверкающей улыбкой на голливудском лице.

— Вот, Катюша, это вам — талисман на удачу, — он вручил девушке какую-то пушистую игрушку, изображающую зверя неведомой породы.

— Кто это? — Катя вертела подарок в руках, пытается отыскать признаки морды или хвоста.

— Я назвал его говорящим Мистером Иксом.

Таможенник пощупал серого лохматика, который очнулся от спячки и запел голосом Валерия Александровича:

— Черноглазая казачка подковала мне коня. Серебро с меня спросила, труд не дорого ценя. «Как зовут

тебя молодка?» — а молодка говорит: «Имя ты мое услышишь из-под топота копыт». С той поры хоть шагом еду, хоть галопом поскачу: «Катя, Катя, Катерина...», — неотвязное шепчу. Что за бестолочь такая, у меня ж подруга есть. Только Катю, словно песню, из груди, брат, не извести.

— Здорово! — растроганная и скорая до слез Катя блеснула мокрыми глазами. — Спасибо вам, Валерий Александрович. Какая замечательная песня! А мой супруг, когда еще в женихах ходил, исполнил для меня на Бали «Владимирский централ» под караоке...

— Кстати тоже хорошая песня! — вступился за Голубева Анатолий. — Между прочим, в ней есть душевные слова: « Там под окном зэка, проталина тонка. И все ж ты не долга, моя весна. Я радуюсь, что здесь хоть это-то, но есть. Как мне твоя любовь нужна». А ведь это, Катерина, он про твою любовь пел... Твоя любовь ему нужна. А сейчас особенно...

— Добанковался, балбес, — пожаловалась на мужа Катя. — Он хотел, чтобы все было как в песне! Вот и накаркал себе «к одиннадцати туз». Проиграл, все проиграл!

— Народ, не паникуйте! И ты, Катюха, не разводи сырость, — Ангелина не дала сентиментальной девушке попенять на судьбу и незаслуженные горести. — Прячь в сумку своего поющего чебурашку и за дело!

— И пульт управления, — Валерий Александрович протянул Ангелине небольшой дисплей. — Мистера Икса можно запрограммировать, и он будет в любое заданное время исполнять песню или повторять записанные фразы. Пульт управления дистанционный. Вот здесь крестик из четырех стрелок: вращайте шарик в нужном направлении, и Мистер Икс покатится в том же направлении.

— Как компьютерная мышь, — смекнула Ангелина.

— Точно, — обрадовался Валерий Александрович. — Пусть этот смешной лохматик развеет печаль и напечалит обо мне, одиноком старом солдате, не знающем слов любви. Больше присаживаться не будем! — строго предупредил таможенник. — Мое сердце не выдержит такого потрясения. Вперед!

Но едва лишь Катя в полной боевой экипировке шагнула за порог кабинета, четко проработанный план чуть не сорвался по анекдотичной непредсказуемой случайности.

В зале прилета объявили о посадке самолета, прибывшего из Рима. Толпа шумных жестикулирующих итальянцев ввалилась в полуночный аэропорт, как стая грачей на засеянное поле. Пестрые, галдящие, загорелые мужчины и женщины гортанно перекрикивались друг с другом, громко хохотали и радовались так, будто каждый выиграл в национальную лотерею по миллиону лир. Их черноволосые кудрявые дети сновали под ногами с игрушечными машинками, чупа-чупсами, надувными шариками и куклами, словно зал прилета аэропорта «Пулково» был их родным Адриатическим побережьем.

На вышедшую Катю они отреагировали криками «Белиссимо!» и «Белла донна!». Только старушка в инвалидном кресле посмотрела на девушку, как тореадор на быка, и подозвала переводчицу.

Оказывается, вишневое платье с неприличным вырезом принадлежало путешествующей престарелой даме. Когда-то эта дама блистала на лучших оперных сценах мира, а вишневое платье ей подарил ее третий муж. В качестве доказательства она показала крохотную незаметную глазу дырочку от оброненного пепла сигареты. Пережив четырех супругов, овдовевшая оперная дива хранила подарки как напоминание о бурной молодости и любимых ею мужчинах. К сожалению, одна сумка ее вну-

шительного музейного багажа пропала два месяца назад, когда дама путешествовала по Греции. Каким ветром вещи занесло в Российский аэропорт? Может, воришка оплошал, а может, это был именно тот «его величество случай», который и должен был соединить незнакомых людей в нужное время и в нужном месте.

Международного скандала удалось избежать по причине того, что старушка, несмотря на преклонный возраст, оказалась настоящей синьорой. Она внимательно выслушала объяснения любезного Валерия Александровича, растаяла оттого, что он галантно поцеловал ее морщинистую руку, и благословила Катю на благое дело.

Валерий Александрович пообещал лично доставить в гостиницу утерянный багаж и возвратить взятое на прокат платье в целости и сохранности.

Катя махала вслед катящемуся к выходу инвалидному креслу, а разъяренный бюрократическими проводочками Виктор Каррерас приближался к нелепо торчащей посреди зала девушке в вечернем платье с оголенной спиной. Почувствовав взгляд мужчины-хищника, Катя обернулась. Виктор узнал в ней супругу господина Голубева, которого он намеревался обчистить и пустить по миру. Каррерас остановился, сверля глазами экстравагантную лазутчицу. Катя всплеснула руками и кинулась ему на грудь.

— Получилось! — радовался из-за угла Валерий Александрович.

— Удалось! — ликовали спрятавшиеся за другим углом Ангелина и Анатолий.

— Виктор! Как я рада, что ты приехал! — щебетала висящая на шее негра белая девушка. — Как я рада! Как я счастлива! — повторяла она, не давая ему опомниться.

— Катя?! — бормотал Виктор, пытаясь оторвать ее от себя. — Как ты здесь очутилась?

— Приехала специально, чтобы тебя встретить! В ту ночь на Бали мы разминулись, но я никак не могла забыть твоих сверкающих глаз на фоне звездного неба. Ты помнишь, Виктор, как мы с тобой танцевали...

— Конечно, помню, — он настойчиво расцеплял Катины руки, сомкнутые на его шее. — А где твой муж? Ты здесь одна? — Виктор недоверчиво крутил головой.

— Я здесь одна, — соблазнительно и многозначительно прошептала Катя.

— Но меня должен был встретить...

— Твой адвокат, — продолжила фразу Катя. — Когда я выезжала, он сторожил моего мужа, и они вместе попивали сакэ в нашем, пардон, бывшем, ресторане. Я здесь уже несколько часов перед иностранцами дефилирую, но твой адвокат так и не появился. Думаю, они с Илюшей уже в отключке.

— А как же я?! — возмутился вероломством адвоката Виктор.

— Но ты же не один! Я с тобой, — напомнила о себе Катя. — Не переживай, отвезу тебя, куда пожелаешь! Хочешь, в ресторан, хочешь, в гостиницу... — Катя взяла Виктора под руку и повела к выходу.

На ходу она покачивала бедрами, чтобы потеснее прижаться к темпераментному кубинцу. Но голова Виктора была занята совсем другим. Поход за состоянием Голубева не задался в самом начале пути. Сперва его терроризировал строгий таможенник, потом врач разглядывал в рентгеновский аппарат, теперь адвокат куда-то запропастился... А еще эта назойливая девица, вырядившаяся, как на бразильский карнавал, прилипла к нему, будто муха к повидлу. В иное время Виктор бы, конечно, не растерялся и воспользовался бы пикантной ситуацией. Почему бы не наставить рога зазевавшемуся мужу, если его жена сама на рожон лезет... Но чутье опытного ловеласа подсказывало ему, что нельзя поддаваться по-

рыву, что здесь что-то нечисто, и противник только прикидывается слабым, а в действительности готовится к решительному отпору.

Катя и Виктор приблизились к дверям. На улице бушевала метель. Катя повела оголенными плечами — ее куртка осталась висеть на вешалке в кабинете Валерия Александровича. Что делать?! Вернуться или, как говорила тетя Лиза: «Дрожать, но форс держать!» Выручил забывчивую разведчицу догнавший их Пинкертон.

— Девушка, вы забыли куртку в кафе! — сказал он таким строгим тоном, будто речь шла о запасе боекомплектов или минометной установке. — Будьте повнимательнее! Аэропорт — это вам не ночной клуб, здесь вещичками не разбрасываются. Это стратегический объект. Мало ли что вы припрятали в карманах вашей курточки... В мире нестабильная обстановка, то тут, то там террористические акты...

— Я могу идти? — уставшая от политинформации Катя забрала куртку и накинула ее на спину.

— Да. Но в следующий раз, — предупредил племянник Валерия Александровича, — я не буду таким лояльным. — Незаметно для Виктора он подмигнул Кате.

— Спасибо, — прошептала девушка.

— Ой! — спохватился Виктор, глядя на таможенника. — Как у меня из головы вылетело?!

— Что?! — напугалась Катя.

— Мой чемодан!

— Где? — переспросила она.

— Где, где! У ваших бдительных стражей границы, — опомнился Виктор. — Я как тебя в аэропорту увидел, так и про сумки забыл! Не мудрено. В России всегда все шиворот-навыворот! Ничего нельзя заранее планировать! Сколько лет здесь не был, ничего за это время не изменилось... — он захохотал, сотрясая воздух басистым смехом.

— Господин Каррерас, — таможенник посмотрел на Виктора как на умалишенного, — вы можете забрать свой чемодан. Вон его уже выкатили из комнаты досмотра багажа. И благодарите Бога, что мы вас отпустили и не составили акт о даче взятки должностному лицу, находящемуся при исполнении служебных обязанностей.

— Благодарю, — сквозь зубы процедил Виктор, подхватил огромный чемодан на колесиках за ручку и га-лопом понесся к выходу, пока таможенники не передумали.

— Подождите нас! Эй! Катя! — Анатолий догонял их, толкая впереди себя загроможденную сумками тележку.

— Катенька! — радостно взвизгнула Ангелина, артистично разыграв восторг. — А вот и мы!

— А они как здесь очутились?! — поразился остолбеневший Виктор.

— Тоже, наверное, прилетели, — догадалась Катя. — Видимо, рейс задержался... Я не рассчитывала встретить кого-нибудь кроме тебя. Теперь Анатолий заложит меня Илье... Что делать?.. Что делать?.. Эврика! Я скажу, что приехала встретить их, но случайно натолкнулась на тебя. Не выдавай меня, ладно? — Катя изображала смятение и выдумывала оправдательные причины своего, якобы нечаянного, появления в обществе Виктора.

— Неужели сам Виктор Каррерас собственной персоной?! — Анатолий сделал вид, что не сразу узнал колоритного негра.

— Здравствуйте, — сухо поздоровался Виктор, не подавая руки и памятуя о том, что на Бали они расстались врагами.

— По России соскучились? Или наша компания разбередила ностальгические воспоминания о Санкт-Петербурге? — допытывался Анатолий. — Но как же ты осмелился сюда сунуться?!

— У меня возникли срочные дела. Но я не намерен отчитываться перед вами! — высокомерный красавец справился с волнением. — Не советую вам затевать скандал! Ваш друг Голубев Илья сам во всем виноват. Я его ни к чему не принуждал!

— О чем это ты?! — Анатолий удивился, что Виктор так быстро раскололся. — Я говорил о смелости, имея в виду наши морозы... Ты сам признавался на Бали, что обожаешь русских женщин и ненавидишь русские морозы. А кстати, как здесь очутилась наша Катенька, и почему она в твоём обществе?

— Я вас встречала! — выпалила Катя. — Рейс задержали, я слонялась по аэропорту, как дурочка, и нате вам!.. Виктор! Мы и парой слов обмолвиться не успели, как вы нас догнали.

— И ради нас ты так принарядилась? — Анатолий, как следователь, допрашивал Катю, чтобы акцентировать на ней внимание Виктора. — Ах да, я совсем забыл, что у нас сегодня праздничный фуршет в честь нашего возвращения. А куда это Илюха запропастился?

Виктор занервничал. Сквозь черную кожу на скулах проступил пунцовый румянец, а на висках — капельки пота.

— Илья в ресторане, — сообщила Катя. — Где ж ему еще быть?! С утра отмечает красный день календаря...

— Ты что-то недоговариваешь, Катя? — Ангелина ждала, как Виктор отреагирует на Катин ответ.

— Нет у нас больше ресторана! И квартиры тоже нет! — разрыдалась Катя, припав к груди старшей подруги.

— Илья разорился?! Не может этого быть! — сомневался Анатолий. — Ха! Неужели Илюха нас разыгрывает?

— У-у-у, — всхлипывала Катя. — Какой розыгрыш! Шутки кончились. Илья проиграл ресторан и квартиру в карты!

— Кому? И когда это он успел! — размышлял Анатолий, все ближе подбираясь к Виктору.

— Мне! — с вызовом в голосе ответил Виктор. — Все абсолютно законно! Я его ни к чему не принуждал!

— Законно это или нет, судить не мне. Для этого есть компетентные органы. Вот пусть они и разбираются! К тому же Голубев сам по образованию юрист, все казуистические ходы и выходы знает лучше всех нас вместе взятых. Да и не мальчик он, взрослый мужик, что заработал, то и проиграл. Но у него всегда была склонность к авантюрам, поэтому я не слишком удивлен таким исходом. Хотя и жаль мне его искренне! Японский ресторан был его голубой мечтой. Он на воплощение мечты столько лет угрохал! — Анатолий никого не оправдывал и рассуждал будто бы сам с собой. — Что ты намерен делать с рестораном? Продашь? Или переедешь в Питер и сам будешь хозяйствовать? А с квартирой? Ангелина работает в агентстве недвижимости. Так что, если надумаешь меняться, обращайся... Или ты в Илюхиной квартире поселиться намерен? — Анатолий засыпал Виктора вопросами.

— Мой адвокат... — вымолвил Виктор, озираясь по сторонам в надежде, что высокооплачиваемый адвокат все же появится.

— Ну да... У богатых свои привычки: без адвокатов пописать не могут, — подначил Анатолий. — Но по нашим законам...

— Что по вашим законам? — насторожился Виктор.

— С тебя причитается! — рассмеялся Анатолий и похлопал обескураженного шоколадного зайца по плечу. — Чего ты так перепугался-то?! Я так понимаю, что мы все вместе в ресторан едем!

Виктор промокнул носовым платком капельки пота на висках и молча кивнул. Он хоть и прожил в России несколько лет, но так и не привык к националь-

ной русской традиции выпивать по любому мало-мальски подходящему поводу.

От Анатолия же он ожидал всего, чего угодно, но не такого быстрого примирения с ситуацией. Да, русская душа — загадочная и необъяснимая, и даже сами русские подчас не понимают друг друга, что уж тогда напрягаться рациональному иностранцу!

Настроенный на скандал, мордобой, угрозы, подкуп, любую пакость, Виктор смотрел в лицо заразительно хохочущего Анатолия, и его губы невольно расплывались в ответной улыбке. Откуда ему было знать, что непредсказуемые русские с улыбкой идут в атаку на врага, с улыбкой сражаются, с улыбкой гибнут и с улыбкой побеждают!

— Поехали, поехали! — торопил Анатолий, нетерпеливо потирая руки. — У меня от голода уже кишки слиплись. Я специально в самолете ничего не ел, — самозабвенно врал он, — место для голубевских деликатесов берег.

— Я тоже проголодалась и чертовски продрогла! — Ангелина поправила съезжающую с тележки сумку, нагруженную подарками Валерия Александровича. — Дорогой, вези вещи осторожнее, здесь керамика, не разбей!

— А мы ваш свадебный подарок в спальне возле кровати поставили, — вспомнила Катя о статуе полутораметровой русалки, которую Ангелина и Анатолий вручили им в день бракосочетания.

Несколько дней назад, рано утром Катя проснулась на далеком острове самой счастливой невестой. Ей казалось, что все тревобления кончились, что тучи над ее семейным будущим развеялись, а взошедшее солнце всегда будет благословлять ее брачный союз. Слезы и тревоги, связанные с похищением жениха, высохли, как капли ночного тропического дождя, душа омылась и радовалась новому дню.

Илья выполнил свое обещание — свадьба была роскошной и незабываемой. После омовения в бассейне, усыпанном лепестками роз и гибискуса, две девушки облачили Катю в национальный наряд балийской невесты. Шитые золотом узоры на розовой шелковой блузке и длинной зеленой юбке сверкали в лучах солнца, когда новобрачные поднимались по ступеням храма.

Разбередив еще свежие душевные раны, Катя зашлюпала носом, но Ангелина пресекла скорый поток слез горе-лазутчицы:

— Я все время переживала, как вы дотащите наш подарок?

— Администратор нашей гостиницы очень трепетно отнесся к этой статуе, — пояснила Катя. — Он сказал, что это — настоящее произведение искусства, и его нужно очень тщательно обернуть в несколько слоев бумаги, чтобы дерево не треснуло при транспортировке. Администратор сам позаботился о русалке, а мы уже в Пулково получили упакованный в картонную коробку багаж. Кстати, если никто не возражает, я на минутку заскочу домой и переоденусь...

— Мы не возражаем, все равно по пути, — согласились Ангелина и Анатолий.

Виктор лишь молча кивнул, предположив, что Катя не хочет показываться перед мужем в таком экстравагантном наряде, чтобы не вызвать у него ревность и ненужные вопросы.

Припаркованную «ауди» занесло снегом. Анатолий сначала загрузил в багажник чемодан Виктора, сверху разложил свои сумки, а баул с бьющимися сувенирами поставил в ноги у переднего сиденья. Ангелина и Виктор прыгнули на заднее сиденье, прячась от пробиравшего до костей мороза. Пока Катя прогревала двигатель, пока оттаивало лобовое стекло, Анатолий

топтался вокруг машины, якобы сметая снег, а сам, тайком от Виктора, дозванивался до Голубева.

— Сними трубку, сними, — как заклинатель твердил Анатолий, нажимая повтор номера замерзшими пальцами.

— Да, — наконец-то ответил Илья хриплым, но на удивление трезвым голосом. — Слушаю...

— Привет, бедолага, — поздоровался с другом Анатолий. — Чего так долго трубку не снимал?

— Привет, Толян! — обрадовался Голубев. — Чего так долго? Где вы застряли? Я уже вздремнуть успел... Намалялся, пока адвоката Виктора Каррераса доводил до нужной кондиции...

— А Катька сказала, что ты с горя хлещешь, — уточнил Анатолий.

— Слушай ее больше! Все бабы такие паникерши! Пусть думает, что хочет, а мне нужно было время выиграть, — докладывал Голубев сквозь потрескивание в трубке.

— Выиграл?! — поинтересовался Анатолий.

— А как же! — похвастался Илья. — Я все-таки юрист по образованию!

— Ты бы об этом раньше думал, когда бумаги на квартиру и ресторан подписывал, картежник хренов! — разозлился на бахвалящегося друга Анатолий.

— Да не играл я с Виктором! Не играл! — заорал взбешенный Голубев. — Я же не полный идиот, чтобы играть в карты с шурином знаменитого картежного шулера! Виктор вынудил меня подписать чистый лист бумаги, иначе бы он похитил Катьку! Я тогда думал, раз мы браслетом расплатились, претензий нет! Оказывается, Виктор затеял новую авантюру... Поганец черномазый! Он тоже должен сегодня прилететь.

— Илья, мы в аэропорту встретили Виктора. Поэтому и задержались. Мы хотели перехватить его, на всякий

случай, чтобы разведать его дальнейшие действия. — Анатолий докладывал о совместно выработанном стратегическом плане, но умолчал о том, какую роль они доверили жене Голубева.

— Молодцы! — похвалил их Голубев. — Я специально поил адвоката, чтобы он до аэропорта добраться не смог. Не нужно, чтобы эти акулы раньше времени начали атаку.

— Ты что-то придумал? — Анатолий чувствовал, что Илья не из тех, кто сдается без боя, а теперь его ощущения подтверждались.

Заговорщицким тоном Голубев зловеще прошипел:

— Я его без штанов оставлю, как Кутузов французов при Бородине.

— Бородино, — поправил его Анатолий.

— Без разницы! — Голубев вошел в раж. — Кто к нам с мечом пришел, тот от меча и погибнет! Приезжайте быстрее, я сейчас девчонкам прикажу, чтобы они бифштексы жарили, как ты любишь, с кровью...

— Не торопись, — Анатолий сглотнул слюну, представив румяное дымящееся мясо. — На дороге такие снежные заносы! Я боюсь, мы можем в пробку попасть... Катя на два часа опоздала, хорошо еще, что наш рейс задержался. — Анатолий не стал докладывать про эпопею с разбитой Ангелининой керамикой, не до этого было. — Минут за двадцать я тебе отзвонюсь... Тогда и бросайте бифштексы на сковородку!

— Приказ врача для больного закон, — отшутился Голубев.

— Для больного на голову, — намекнул на экстремальные выходы друга Анатолий. — Все пока. Мы едем.

— Кто-то заболел? — опустивший стекло Виктор расслышал только последнюю фразу.

— Пациенты ждут, — вздохнул Анатолий. — Я же врач, куда они без меня! Всех излечит, исцелит доб-

рый доктор Айболит, — процитировал он детские стихи, протискивая свои длинные ноги между сумкой и сиденьем.

— Тебе неудобно, давай я вперед сяду, — Ангелина заметила его мученья.

— Ну уж нет! — Анатолий боялся, что не совладает с эмоциями и придушит Каррераса, если окажется с ним в тесном соприкосновении. — Под моими ногами твои сувениры доедут в целости и сохранности, — открестился он от великодушного предложения своей невесты.

— Пристегните, пожалуйста, ремни, — попросила Катя. — Мы трогаемся, — она произнесла эти слова так торжественно, будто речь шла о запуске космического корабля.

— Катенька, а когда ты научилась машину водить? — в воцарившейся мертвой тишине поинтересовалась предусмотрительная Ангелина.

— Я, когда в Псковской области жила, научилась трактором управлять, — похвасталась Катя.

— Деточка, Ангелина не про трактор спрашивала, а про современное транспортное средство — автомобиль, — чуть переиначил вопрос Анатолий.

— Меня Илья натренировал, — обиделась на недоверие пассажиров Катя. — А как я сюда, по-вашему, добралась? Не на метле же прилетела... У меня и права есть...

— Давно? — снова прицепилась к ней Ангелина.

— Уже два дня, — Катя вынула из сумочки новенькие права и продемонстрировала Анатолию и Ангелине.

— Голубев купил? — вспомнил грузинский анекдот Анатолий. — Или на день рождения подарили?

Катя оскорбилась, хмыкнула, нервно повернула ключ в замке зажигания, выжала педаль сцепления, воткнула передачу, резко газанула. Нагруженная багажом и пассажирами машина скакнула, как беременная

лягушка, двигатель фыркнул и заглох. «Ауди» клюнула носом, в сумке под ногами Анатолия задребезжала встряхнувшаяся керамика.

— Катенька, — ласково проговорила Ангелина. — Давай поменяемся местами, я эту машину изучила как свои пять пальцев. К тому же мне не хотелось бы, чтобы ты нас ненароком угробила или изуродовала мою ласточку.

— Я просто вообще с техникой не дружу, — призналась Катя, вылезая из-за руля. — В моих руках всегда все перегорало и ломалось: утюги, чайники, кофеварки. Тетя Лиза как-то сказала, что меня к машинам и приборам на пушечный выстрел нельзя подпускать.

— Твоя тетя — мудрая женщина, — отозвался Анатолий, прислушиваясь к ровно гудящему мотору плавно тронувшейся «ауди». — Удивительно другое, как ты умудрилась сюда из города доехать.

— Потихоньку, ехала, ехала и доехала, — как ребенок откровенничала Катя. — Илья попросил, чтобы я не гнала, дорога подмерзла, а резина еще не поменена-а-а...

Вильнувшую на повороте «ауди» занесло на обочину, машина ткнулась носом в сугроб, протаранила его и застряла на пузе.

От толчка включился и пропел из багажника чуть приглушенным голосом подаренный Валерием Александровичем зверь неизвестной породы по кличке Мистер Икс:

— Черноглазая казачка подковала мне коня. Серебро с меня спросила, труд не дорого ценя. «Как зовут тебя молодка?» — а молодка говорит: «Имя ты мое услышишь из-под топота копыт». С той поры хоть шагом еду, хоть галопом поскачу: «Катя, Катя, Катерина...»

— Вы слышали это? — переполошился Виктор.

— Что?! — первым ответил Анатолий.

— Голос...

— Какой голос?! — Анатолий подмигнул Ангелине, чтобы она молчала, а Катю незаметно ущипнул за ногу.

— Разве вы не слышали? — Виктор недоуменно смотрел на Катю и Ангелину, еле сдерживающихся от рвущегося наружу смеха.

— Нет, мы ничего не слышали, — совершенно серьезно отрицала Ангелина. — А какой голос вам померещился: женский или мужской?

— Померещился... — повторил за Ангелиной Виктор. — Мне померещился... Да нет! Ничего мне не померещилось! Я явно слышал мужской голос, пропевший что-то про коня и про черноглазую девушку по имени Катерина. Он ее имя три раза называл: «Катя, Катя, Катерина». Быть не может, чтобы вы не слышали!.. Это, наверное, чей-нибудь приемник или радио! У меня раньше никогда не было галлюцинаций...

— Зато теперь будут! — подумал Анатолий, но вслух участливо и профессионально поинтересовался: — А музыке вы тоже слышали? Мелодию можете напеть?

— Нет, — наморщил лоб Виктор. — Музыки я не слышал, только слова. А что это так важно?

— Мы не везем ни приемника, ни радио, — отрезал Анатолий. — А важно это для вас или нет, сами решайте. Забота о здоровье — личное дело каждого члена общества. Но ваша галлюцинация вполне могла быть спровоцирована длительным перелетом и переутомлением. Так что паниковать рано. Давайте-ка лучше вытолкнем машину из сугроба.

Мужчины вылезли из прогретой машины на мороз. Анатолий склонился к Ангелине и громко произнес:

— Дорогая, сосредоточься. Включи задний ход, мы будем толкать спереди. Тихонечко, враскачку, выедем. — А тихо, шепотом добавил: — Умницы, девчонки! Не подвели! Вместе мы этого шоколадного зайца до белой горячки доведем!

Глава 5

Двое сильных, не обделенных здоровьем мужчин быстро вытолкали машину из сугроба. Они торопились, как-никак на улице мороз градусов двенадцать. А после тропической жары двенадцать градусов воспринимались разнежившимся на солнце организмом как все двадцать, а то и двадцать пять. Не очень-то приятно было прикасаться голыми ладонями к покрытому льдинками капоту машины, но про перчатки оба мужчины забыли. К тому же ноги Виктора, обутые в ботинки из крокодильей кожи на тонкой подошве, мгновенно промокли, и он чертыхался и проклинал своего адвоката, бросившего клиента на произвол судьбы.

Ангелина справилась с маневром, и после нескольких раскачек и толчков «ауди» вырулила на шоссе. Огни ночного города сверкали, как украшения снежной королевы, овладевшей миром за две недели отсутствия туристов. Виктор ежился и растирал руки, мокрые, согревшиеся в машине ноги неприятно пощипывало. Но все же и его не оставил равнодушным преобразившийся, укрытый снежным покрывалом город. Проезжая по Московскому проспекту, Виктор крутил головой по сторонам: вот и Московский проспект, набережная Обводного канала, станции метро и узкие центральные улочки, плотно застроенные низкорослыми домами.

Припарковав «ауди» напротив парадной, где жили Катя и Илья, Ангелина обернулась назад к притихшим пассажирам. Уставшая лазутчица свернулась калачиком на заднем сиденье и спала, поджав под себя ноги. Только сейчас Ангелина обратила внимание, что вместо изящных туфелек, полагающихся к экстравагантному вечернему платью, на Кате были ботинки с толстой рифленой подошвой. Переоблачившись из

джинсов и свитера в бальный наряд, золушка так и осталась в обыденной обуви. Длинный, ниспадающий на пол подол прикрыл все огрехи, допущенные разведгруппой при разработке и внедрении своего хитроумного, хитросплетенного стратегического плана.

Ангелина улыбнулась, во сне Катя была похожа на крольчонка: у нее уморительно подрагивала верхняя губа и шевелился кончик носа. Собранные в прическу волосы растрепались, распушились вокруг лица, придав ему выражение детскости и беззащитности. Крохотные бриллиантовые капельки сережек поблескивали в полумраке салона машины, словно девушка только что умылась, забыв промокнуть полотенцем воду.

Ангелина расчувствовалась, у нее даже защипало в носу. Мирно сопящая Катя воспринималась ею как младшая сестра. И хотя Ангелина часто злилась и ворчала из-за чрезмерной Катиной прилипчивости и беспомощности, от которой страдала их с Анатолием личная жизнь, она все же приросла к ней душой и сердцем, испытывая почти материнскую ответственность за ее будущее.

В Ангелининой голове за мгновение пронеслась череда воспоминаний о совместных приключениях, порой грустных, порой забавных, к горлу подкатила теплая волна, а на глаза навернулись непрошенные слезы.

Ба, ба, неужели стойкая и невозмутимая Ангелина Громова заплакала? Нет, нет, совсем чуть-чуть не считается! Ангелина собрала волю в кулак, слотнула застрявший в горле ком, проморгалась, чтобы стряхнуть слезинки с ресниц, и потянула Катю за подол вишневого платья:

— Просыпайся, спящая красавица. Мы приехали.

— Да-а-а, — Катя потянулась и сладко зевнула. — Где мы?

— Возле твоего дома. Быстрее переодевайся, а то Илья, наверное, заждался и беспокоится.

— Хорошо, — спросонья Катя была покладиста, но соображала туго. — А где Илья?

— Ждет нас всех в ресторане, — напомнил Анатолий.

— А-а-а, — дошло до Кати. — Точно-точно... Я на минутку поднимусь в квартиру... Я никого не задержу... Но мне одной не справиться с замком! Там какая-то мудреная система, у меня постоянно ключ заедает. Илья обещал замок поправить, но теперь ему не до этого...

— Пошли, — Анатолий распахнул дверь «ауди». — Я помогу, как-никак я хирург, а мы — хирурги — специалисты по проделыванию отверстий.

— Можно и мне с вами, — робко попросился Виктор. — А то я до ресторана не дотерплю...

— Давай, мы же не изверги, — разрешил Анатолий. — Катерина, я кину сумку с сувенирами к вам домой. Ангелине отсюда до агентства рукой подать. Чего таскать их туда-сюда, еще, чего доброго, переколотим подарки. — Анатолий явно что-то задумал и подмигнул Ангелине, чтобы та не вмешивалась.

— Конечно, конечно, — поспешно согласилась Катя, счастливая оттого, что может чем-то оказаться полезной для лучших друзей.

— Милая, мы быстро, — пообещал Анатолий. — Не скучай, — и он снова заговорщицки ей подмигнул.

Когда Катя в сопровождении мужчин поднялась в квартиру, и в ее окнах зажегся свет, Ангелина встревожилась. Мысли одна страшнее другой лезли в голову и будоражили воображение. Что замыслил Анатолий? Зачем ему понадобилась сумка с сувенирами после того, как Виктор попросился в туалет? Анатолий так многозначительно подмигивал, будто собирался расчленить Виктора в доме Голубева, а останки вынести в Ангелининой сумке. Нет, бред какой-то! Анатолий горячий, вспыльчивый, но отходчивый и рассудительный.

Он любит пошутить, разыграть, но на „мокрое дело“ не способен. Анатолий всегда говорил, что для того, чтобы кого-нибудь убить, не обязательно брать в руки оружие, можно воспользоваться и словом. Достаточно каждый день повторять человеку, что он безнадежно болен и, в конце концов, он поверит, начнет чахнуть и...

Тьфу ты, господи! Какие дурацкие мысли, да на ночь глядя... Кстати, а который час? Половина второго! В это время нормальные люди спят, а они только начали куролесить. Не мудрено, что в голове такая белиберда, мысли то о расчлененке, то о словесном уничтожении...

Ага! Осененная догадкой Ангелина подпрыгнула в водительском кресле и нечаянно нажала ладонью на сигнал. «Ауди» коротко, но пронзительно взвизгнула. Ангелина опасливо посмотрела в окна, не разбудила ли кого-нибудь ненароком... Но нет! В этом старом доме за толстыми стенами люди спали крепким сном праведников, и никакие шастающие по ночам профурсетки не могли потревожить их покой.

В сумку с сувенирами Катя положила подаренного Валерием Александровичем Мистера Икса. Когда «ауди» врезалась в сугроб, багажник встряхнулся, и Мистер Икс пропел голосом влюбившегося в Катю таможенника песню о черноглазой казачке. Анатолий воспользовался ситуацией и внушил Виктору, что только ему слышался мужской голос. Значит... Значит... Значит Анатолий решил продолжить розыгрыш! Вот что он имел в виду, обещая довести шоколадного зайца до белой горячки.

Вытащив из кармана мятный леденец, оставшийся после перелета, Ангелина сунула его за щеку, отодвинулась подальше от руля, откинулась в кресле и принялась выстраивать логическую цепочку.

Ну, что же, врага нужно бить его же оружием! Там, на Бали родная сестричка шоколадного зайца Сандра,

знойная соблазнительница и поклонница культа Вуду, нагнала на них страхов, подговорив свою кормилицу Изабеллу изобразить погружение в транс. Бедная Катя! Она чуть от ужаса не скончалась, когда Изабелла, пуская пену изо рта, провещала, что Голубеву грозит серьезная опасность.

А мы? Чем мы хуже? Да ничем! Мы этому Виктору такие глюки изобразим, что он на Бали пешком удерет! О трепещи, шоколадный заяц! Если русский хирург берется за колдовство, никакое Вуду против его скальпеля не устоит. Ангелина хихикнула, представив своего возлюбленного в балахоне чародея с колпаком на голове и скальпелем в руке.

— Это твоя машина сигналила? — Анатолий впрыгнул на переднее сиденье и поцеловал Ангелину так, словно они встретились после долгой разлуки.

— Случайно на сигнал нажала, — она взглянула в его сияющее лицо и поняла, что правильно разгадала хитроумный план сокрушения Каррераса. — А где Катя и Виктор?

— Она ему носки выбирает.

— Что выбирает? — переспросила Ангелина.

— Носки, — усмехнулся Анатолий. — Наш экзотический друг промочил ноги по твоей милости, когда вытаскивал машину из сугроба. А Катя, добрая душа, увидела, какие он следы по линолеуму выписывает, сразу заахала, заахала, будто и впрямь к нему всей душой прикипела!

— Ну и ну! — дивилась Ангелина.

— А как ты думаешь, она так в роль вошла или... — Анатолий, как ясновидящий, читал ее мысли.

— Ты же помнишь, какой у них с Илюхой скоропалительный роман завязался, — оправдывала Катю Ангелина. — Разве за несколько недель можно по-настоящему полюбить? Тем более, что до Голубева она стра-

дала из-за неразделенного чувства к младшему Боровиковскому...

— Да плевать мне на ее романы! Я давно понял, что Катька слаба на передок! То она по принцу богатенькому сохла, то Виктору на Бали глазки строила. А как она с Валерием Александровичем кокетничала... Бедный Илюха! Но я не позволю попирать честь моего друга! Мы, мужчины, как слабый пол, должны быть непоколебимы в выборе идеала и выбирать подругу жизни, точно солдат гранату: чтобы надежно и наверняка. Но это так, беллетристика. — Анатолий придвинулся к Ангелине и обнял за талию. — Лично я в тебя влюбился с первого взгляда! Ты тогда в супермаркете так растерялась, когда врезалась своей тележкой в мою и разбила бутылку водки. У тебя были такие огромные глаза, будто у дикой лани.

— Я не растерялась, а испугалась, — поправила его Ангелина, отодвигаясь на краешек сиденья. — Любая бы на моем месте струхнула, когда бы увидала на дне тележки вместе с разбитой бутылкой водки топор, лопату, пилу и моток веревки. Я же не располагала информацией, что это джентльменский набор обыкновенного туриста. А по телевизору чуть ли не в каждой криминальной сводке маньяками стращали, вот я и струсила.

— Стереотипное мышление, — констатировал бывший маньяк.

— Да? — огрызнулась Ангелина.

— Да-а-а, — передразнил Анатолий.

— Ну твои намерения я просчитала, — предупредила она. — Раскусила твою военную хитрость.

— Что ты имеешь в виду? — Анатолий заелозил как уж на сковородке.

— То, ради чего ты мне подмигивал и нагонял таинственность на свое зловерное лицо, — лукавила Ангелина, терзая жениха.

— Ты блефуешь? — не верил он.

— Спорим?! — Ангелина пошла ва-банк.

— На что? — великий спорщик Анатолий предвкушал легкую победу.

— Как всегда, — Ангелина сдерживала ликование, сохраняя внешнее безразличие.

— Значит, на американку? — уточнил он.

— Да, на желание, — подтвердила Ангелина.

— Идет, — Анатолий сжал ее ладошку в своей разгоряченной руке и галантно облобызал. — Ох! Что я загадаю! Трепещи, женщина!

— Фи! — Ангелина вырвала обмусоленную руку. — Как стереотипно! Мы уже полгода вместе, а ты только обещаешь и обещаешь... Но ведь, между нами, милый, ты проиграл мне все споры!

— Я чую, что на этот раз выиграю непременно! — разошелся Анатолий.

— Ладно, — сжалась над ним Ангелина. — Не буду больше тебя мучить!

— Говори! — Анатолий замер, превратившись в слух.

— Когда Мистер Икс сработал в первый раз, и тебе удалось обвести мнительного Виктора вокруг пальца, ты решил продолжить черное дело. А зачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня... Правда, милый? Ну как, тепло? — Ангелина неспешно распутывала паутину, сплетенную Анатолием для шоколадного зайца.

— Ну тепло, — буркнул расстроенный Анатолий.

— Когда Виктор попросился к Кате в квартиру, ты вместе с сувенирами пронес туда говорящего и управляемого пультом Мистера Икса... Еще теплее? — Анатолий совсем сник. — Тебе пришла в голову гениальная идея — известить Виктора галлюцинациями. И скорее всего, судя по твоему бодрому настроению, с которым ты возвратился обратно, первая часть нового плана осуществилась удачно.

— Змея, — прошипел Анатолий. — Мудрая и безжалостная змея, — он склонился над ее рукой и шутливо укусил за палец. — Хоть бы раз поддалась! Сделала бы любимому приятное...

— А хочешь, я сделаю тебе приятное прямо здесь и сейчас?! — заинтриговала его Ангелина.

— Ну попробуй, проказница, — кокетничал Анатолий.

— Я попробую с трех попыток угадать, какое послание для Виктора Каррераса ты вложил в уста Мистера Икса, — Ангелина давала возлюбленному возможность реабилитироваться.

— Опять на американку? — воспрял духом Анатолий.

— На что захочешь, дорогой, — изобразила покорность Ангелина.

— Попытка номер один, — торжественно провозгласил он.

— Не помню точных слов, но что-то вроде: «Ай-яй-яй-яй, убили негра! Убили негра, негра замочили! Ай-яй-яй-яй-яй!» — процитировала она глупую, но популярную песенку.

Сраженный ее пронизательностью Анатолий молча вытащил из-за пазухи лохматую игрушку, нажал кнопку на животе, и Мистер Икс зловещим хриплым голосом прочревовещал: «Убили негра! Убили негра! Ай-яй-яй-яй-яй! Убили негра! Ай-яй-яй-яй-яй!»

— Я тоже не помнил слов, пришлось импровизировать, — ворчал удрученный проигрышем Анатолий.

— Толька, дурачок! Ты так здорово придумал! — рассмеялась Ангелина, повторно нажимая на живот Мистера Икса.

— Убили негра! Убили негра! Ай-яй-яй-яй-яй! Убили негра! Ай-яй-яй-яй-яй! — хрипела игрушка под хохот двух великовозрастных шутников.

— Ну давай, рассказывай, как ты напугал этого подлеца! — теребила Анатолия Ангелина.

— Катька ушла в комнату переодеваться. Виктор разулся и прошаркал в мокрых носках в туалет, а я быстро озвучил арию возмездия для Мистера Икса. Потом Виктор, как интеллигентный человек, удалился в ванную руки помыть, а я ему лохматика под дверь запустил. Каррерас вышел, а на пороге такое чудо-юдо туда-сюда мечется и сипит: « Убили негра! Убили негра! Ай-яй-яй-яй-яй! Убили негра! Ай-яй-яй-яй-яй! » Пока Виктор глаза со страху протирал, я пультиком раз-раз; Мистера Икса как не бывало. Эта игрушка катается по полу, как Плющенко по льду! Виктор ко мне, а я на кухне телевизор включил, делаю вид, что ничего не видел, ничего не слышал, и вообще: моя хата с краю, ничего не знаю! Виктор к Катьке ломанулся, она полуголая — такой визг подняла, будто он на ее честь покусился. Я, как мог, успокоил и ее, и его, ему коньечку плеснул, ей слово заветное шепнул...

— Какое слово? — встрепенулась Ангелина.

— О! Моя малышка меня ревнует, — обрадовался Анатолий. — Я ей таких слов нашептал! Таких слов!

— Задущу! — пригрозила Ангелина.

— Понял, — кивнул Анатолий и затараторил, как прапорщик, докладывающий генералу: — Я попросил Катю, чтобы она наплела шоколадному зайцу о том, что Илья Голубев перед прилетом Виктора Каррераса посетил самого могущественного колдуна в нашем городе. И этот колдун наложил проклятье на того, кто посмеет покуситься на голубевское добро. К имуществу Ильи колдун приставил бдительное чудовище, которое денно и нощно охраняет стратегический объект, как кремлевские курсанты тело Ленина. По первости чудовище будет предупреждать злодея, но, если злодей окажется настырным и непонятливым, чудовище вступит с ним в схватку.

— И Виктор поверил?! — Ангелина хохотала до слез, представляя воочию рассказанное Анатолием.

— Куда ж он денется с подводной лодки, — снисходительным тоном пояснил Анатолий. — У него же вся семейка на колдовстве помешана. Помнишь, как он нам рассказывал, что его сестре еще в детстве напропорочили карьеру певицы. А в конце всей этой свистопляски с похищением нашего друга Сандрин муж признался, что он от имени жены заключил контракт с какой-то известной студией звукозаписи.

— Да, тайны мадридского двора, — Ангелина посмотрела в зеркальце и отерла выступившие от смеха слезы. — Но что-то наша разведчица долго Виктору носки выбирает... О, вот и они! Легки на помине.

— Кликнул дерьмо, вот и оно, — нелестно отозвался о Викторе Анатолий.

Вернувшийся Виктор держался напряженно и, ожидая подвоха, испуганно озирался по сторонам. Поверил он или нет в сочиненные Анатолием и пересказанные Катей страшилки о мифическом охраннике сокровищ Голубева, но уши держал остро, словно хищник, вставший на охотничью тропу.

Через несколько минут Ангелина, наконец-то, доставила всю компанию к ресторану. Заждавшийся Голубев выскочил к дверям. Анатолий и Илья крепко обнялись, будто сто лет не видели друг друга, хотя расстались всего-то два дня назад.

За спиной Голубева покачивался, как былинка на ветру, в стельку пьяный адвокат Виктора.

— К-к-как д-д-долетели, г-г-господин Каррерас-с-с? — осведомился он, присвистнув на последней букве.

Натренированный Голубев выражался членораздельно, но алкоголем от него разило, как из винного погреба:

— Мы тут попытались прийти к консенсусу, но без вас у нас ничего не получилось.

— Так точно-с-с, — по-лакейски рапортовал адвокат. — Не получилось-с-с.

— Можете больше не напрягаться, — жестко отрезал Виктор. — Вы уволены! Завтра я найму другого специалиста, более компетентного и не пьющего.

— Но ты, зулус воинствующий, — вступился за собутыльника Голубев, — не быкуй! Мы тебе не рабы на плантации. Мы свободные граждане демократической страны.

— Я — ик, я — ик, — с перепугу заикал адвокат.

— Не дрейфь, друг! — Голубев хлопнул его по хребтине. — Я тебя в обиду не дам! Если он тебя уволит, я — найму! Ты мне нравишься, и, к тому же, тебя не нужно вводить в курс дела.

От удара икание прекратилось.

— С-с-спасибо, — просвистел адвокат. — Т-т-тогда, ес-с-сли я с-с-свободен, я п-п-пойду, пос-с-сплю, ибо ус-с-стал...

— Вызовите мне такси, — Виктор боялся вступать на вражескую территорию.

— И не думай даже, — Голубев щелкнул пальцами швейцару, чтобы тот проводил адвоката и перенес хозяйское радушие на новый объект. — У нас так не принято! На Бали ты нас встречал, а здесь — мы. По русским обычаям гостя кормят, поят, лаской привечают...

— В печку сажают, — пробубнил себе под нос Анатолий.

— Виктор, вы как относитесь к японской кухне? — любезный хозяин затягивал негра в ресторан, будто спрут заплутавшую рыбку.

— Японскую? — Виктор растерялся, явно не ожидая такого хлебосольного приема. — Нет, мне не нравится японская кухня. Не люблю теплое сакэ и рыбу с рисом. Кажется, она называется суши.

— Ну и правильно, — одобрил Голубев. — Настоящие мужики должны есть мясо, как наши древние

предки. Для поднятия боевого духа. Ты водку пьешь? Или для тебя привычнее кубинский ром? — допытывался он у Виктора.

— Он ноги промочил, когда машину из сугроба выталкивал. Ему для согрева лучше водки выпить. А то еще простудится из-за нас, — переживала Катя.

— Заметано, — встрепенулся Голубев. — А вот и мои красавицы!

Из ресторана навстречу заморскому гостю выплыли две официантки в русских кокошниках с хлебом-солью и рюмкой водки на подносе.

Ангелина хмыкнула:

— Для твоего статуса гейши положены, а не барышни-крестьянки.

— А надоели мне эти кимоно и хакари, — отмахнулся Голубев, аплодируя девушкам. — Если отобью у Каррераса ресторан, поменяю японскую кухню на русскую. Виктор, а ты пельмени когда-нибудь ел?

— Когда жил в студенческом общежитии Кораблестроительного института, — Виктор принял от официантки рюмку, залпом выпил и закусил круто посоленным кусочком хлеба.

— А эти самураи, — Голубев покосился на японские картины с иероглифами, развешанные на стенах холла, — лопают пельмени с капустой! Извращенцы! В пельмени положено класть баранину, говядину, свинину, лучок, чесночок, перчик. А однажды я пробовал пельмени с медвежатиной... С них такой наваристый бульон остался! Мы его наутро по чашкам разлили и с опохмелочкой за милую душу приняли.

— Кончай нас баснями кормить! — аромат свежего хлеба щекотал ноздри, и у Анатолия засосало под ложечкой. — Где обещанные бифштексы с кровью?!

— Я мясо не буду! — отказалась Ангелина. — Мне как всегда...

— Салат с авокадо и кальмарами, суши с лососиной, тигровые креветки в бамбуковом соусе и сливовое вино, — перечислил за нее Голубев.

— Ну и память! — восхитилась Ангелина.

— Катенька, а что ты будешь кушать? — Илья поцеловал в щеку молодую жену, отшатнувшуюся от него как черт от лаdana.

— Небритый! Весь щетиной зарос! Я буду блины с икрой и заливную осетрину, — капризничала она, растирая покрасневшую щечку.

— Прошу к столу! — Голубев, словно полководец во главе победившей армии, преодолел холл и в дверях зала картинно склонился, раскинув в поклоне руки.

На двух сдвинутых вместе столиках в центре зала царило невиданное изобилие: мисочки с салатом оливье, без которого у Голубева не обходился ни один праздник, истекали майонезом, нарезанная буженина пахла чесноком и гвоздикой, маринованные огурчики, помидорчики, перчики пестрели вперемежку с пучками свежей зелени. Суши и креветки для Ангелины имели бледный вид в сравнении с пышными румяными блинами и поджаренными до корочки бифштексами. Официантки заканчивали сервировать стол, расставляя тарелки и раскладывая приборы. Батарея вспотевших водочных и пивных бутылок внушала опасение, что застолье будет долгим и обильным.

— С чего начнем?! — подначивал Голубев. — С водочки, по-большому, или с пивка, по-маленькому? К пиву сейчас раков подадут...

— Тогда с пивка! — подхватил Анатолий, понимая, что друг хочет вусмерть упоить Виктора.

Теплые отварные раки, посыпанные мелко порубленным укропчиком, благоухали так призывно, что Ангелина отступила от правил и примкнула к компании мужчин. Вчетвером они оккупировали круглое блюдо

и, стряхивая воду с рачьих хвостов, отрывали клешни, выгрызали из них нежнейшее мясо и запивали светлым чешским пивом.

— Штоб я так жил! — провозгласил тост Анатолий, и мужчины по-взрослому плеснули в бокалы водочки.

Захмелевший Виктор отнекивался, прикрывая бокал ладонью.

— Ты нас не уважаешь?! — взъелась на него Ангелина, подливая себе пивка.

— Уважаю! — кивнул ей Виктор. — Вас я очень уважаю!

Любвеобильному кубинцу русские женщины и по трезвому казались королевами. А после нескольких бутылок пива их красота затмила сияние бриллиантов на его дорогом портсигаре.

— Вот и выпей за мое здоровье! — Ангелина собственноручно подала Виктору бокал.

— С удовольствием! — давась водкой, шоколадный заяц выпил бокал до дна, улыбнулся сидящим за столом дамам и отошел в нирвану, припав головой к плечу Анатолия.

— Слабак! — Голубев пододвинул к себе вторую мисочку с салатом оливье. — Щас я закушу и поговорим серьезно, без свидетелей.

— А куда этого путешественника пристроим? — Анатолий опасался, что Виктора с непривычки может стошнить ему на одежду.

Голубев снова щелкнул пальцами, и громила швейцар оттащил господина Каррераса к его адвокату.

Анатолий проткнул ножом бифштекс, сок из мяса брызнул в тарелку.

— Самые лучшие бифштексы в городе — у тебя. Я предлагаю тост: за хозяина заведения и за то, чтобы это заведение у него не отняли! Ты у меня единственный друг, у которого можно пожрать на халяву в любое время суток.

— За тебя, Илья! И за тебя, Катюха! — Ангелина смягчила высказывание жениха. — За то, чтобы все нормализовалось, чтобы испытание, которое выпало на долю вашей молодой семьи, вы преодолели, чтобы ваши дети приумножили семейный бизнес, а мы с Анатолием погуляли бы в вашем ресторане и на серебряной, и на золотой свадьбе.

— Ты чего-то раздобыл, — Голубев заметил, что пиджак Анатолия подозрительно оттопырен. — Кто у тебя там: мальчик или девочка?

— Родила царица в ночь не то сына, не то дочь, не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку, — процитировал Анатолий, вынимая говорящего зверя неизвестной породы по кличке Мистер Икс.

— Убили негра! Убили негра! Ай-яй-яй-яй-яй! Убили негра! Ай-яй-яй-яй-яй! — зловеще прохрипела лохматая игрушка.

— Не убили, а только напоили! — давясь со смеху, заколыхался Голубев.

— А куда подевалась песня про черноглазую казачку? — расстроилась Катя из-за того, что Анатолий без ее ведома записал для лохматика новую речь.

— Казачка в памяти, — утешил ее Анатолий. — Как я мог стереть арию Валерия Александровича! Мистер Икс легко программируется и запоминает до ста текстов. Он может, как будильник, включаться в нужное время и выполнять концертную программу согласно заданной очередности.

— Ребята, колитесь, — у экстремала Голубева заблестели глаза. — Вы уже натравливали этого монстра на господина Каррераса? Уж больно песенка жуткая!

— Два раза! — похвастался Анатолий. — Первый раз случайно, когда Ангелина посадила «ауди» в сугроб. А второй, — Анатолий погладил себя по высокоумной голове.

— А я? — напомнила о себе обойденная Катя.

— Катюха тоже умница, — Анатолий и ее погладил по голове. — С полуслова въехала в тему. Мы с ней страшилку сочинили про великого колдуна, создавшего для охраны твоего имущества говорящего стража. Ну, а в роли стража, как ты и догадался — Мистер Икс.

— Где вы раздобыли такое чудо-юдо? — Голубев крутил пушистую игрушку, пытаясь отыскать признаки принадлежности к какому-либо виду животных. — Я на Бали ничего подобного не видел. Толян, где ты его купил?

— Это штука не моя. Это подарок Валерия Александровича, — объяснил Анатолий.

— Какого Валерия Александровича? — Голубев уже дважды слышал его имя.

Катя вытянула под столом ногу и наступила на носок Анатолия, чтобы он не выдавал ее секретов ревнивому мужу.

— Моего бывшего пациента. Он теперь в Пулково на таможне начальником работает. Мы с ним нос к носу столкнулись, и он по старой памяти подарил мне Мистера Икса. Кстати, Валерий Александрович помог нам разузнать о прилете Виктора. А какую встречу он ему организовал! — и Анатолий подробно, со вкусом, доложил Илье обо всех издевательствах, которые учинили над тропическим захватчиком подчиненные бывшего пациента.

— Так ему и надо! Меня на Бали тоже два часа в таможне мариновали по его милости, — Голубев радовался восторжествовавшей справедливости.

— Вы так резвитесь, будто программу выходного дня обсуждаете, — Ангелина полила кровати соусом и разорвала пакетик с палочками. — Но завтра Виктор проспит, а проблема останется нерешенной...

— Да, Илюха! — Анатолий быстро прожевал бифштекс. — Что ты мне по телефону рассказывал про свой

суперплан? Ты же грозился Каррераса без штанов оставить. Или это было спонтанное проявление гнева?

— Чего?! — у распалившегося Голубева аппетит разыгрался не на шутку, и он тоже выбрал себе бифштекс покрупнее. — Я, как истинный джентльмен, слов на ветер не бросаю! И даже будучи не в лучшей форме я контролирую ситуацию!

— И тут Остапа понесло, — прошелся Анатолий по поводу Илюхиной мании величия. — Если ты такой умный, тогда зачем мы тебе понадобились?

— Исключительно в качестве зрителей, — с набитым ртом пробормотал Илья.

— Дорогая, — Анатолий обнял Ангелину за талию, — если ты насытилась, поехали домой. Я полагаю, нам есть чем заняться наедине друг с другом. А то мне вдруг наскучила компания этого спесивого индюка.

— Как я устала от вашей ребячливости, — Ангелина шутливо ткнула его палочками. — Даю вам обоим полчаса на серьезный конструктивный диалог. Мне завтра на работу, а после двенадцати мы обещали в больницу к Платону Платоновичу заскочить. Это тебе, милый, еще два дня развлекаться можно, а у деловых женщин время расписано по минутам. У меня уже челюсти от зевоты разрываются, не хочу заснуть лицом в кальмаровом салате.

— Если будешь слишком деловая, функция ослабнет половая, — загоготали хором Анатолий и Илья.

— Время пошло! — Ангелина сняла часы с руки и положила перед собой на стол. — Катя заверни мне пару блинчиков на завтрак, а то у меня в холодильнике шаром покати.

Катя на правах жены хозяина распорядилась, и официантка собрала для Ангелины и Анатолия внушительный пакет со снедью.

— Видите ли, други мои! — словно профессор перед аудиторией начал вступительную речь Голубев. — Зако-

ны, — он поднял вверх указательный палец, — ловушка для незнающих их и спасательный круг для знающих. Так вот, — Голубев покосился на Катю. — Всем известно, что я уже был женат... — Катю передернуло: во сне Голубев до сих пор иногда повторял имя Татьяны. — Так вот... По нашим законам имущество, приобретенное в браке, принадлежит обоим супругам!

— А при чем тут твоя бывшая жена? — насторожилась Катя, чувствуя запах дышащей в затылок соперницы.

— При том, что квартира и ресторан покупались в то время, когда мы еще не были разведены, — пояснил Илья.

— Но ты же говорил, что приобрел ресторан после того, как Татьяна вышла замуж за шведа, — дотошная Катя ни с кем не собиралась делить ни мужа, ни имущество.

— Я утаил кое-какие нелицеприятные подробности своей биографии, — покаялся перед Катей Голубев. — Когда Танька после Франции свалила в Швецию, я все надеялся, что швед, как и француз, поматросит ее, да и бросит, и Танька вернется ко мне. Поэтому, когда Танька запросила развод, я сделал вид, что согласился, а сам выслал ей фальшивый документ. Но швед оказался честный и на Таньке женился. Через год у них ребенок родился, а меня обида заела, и я решил отомстить бывшей жене. Я стал ее шантажировать фальшивым разводом и потребовал с нее денег за молчание. Танька мужу во всем призналась, он заплатил мне за нее отступного, я купил японский ресторан, и мы развелись по-настоящему.

— Точно! — хлопнул по столу Анатолий. — Ну и везунчик же ты, Илюха! Ох и ломает себе зубы наш шоколадный заяц о незыблемый и твердый Российский закон.

— Вот только Таньки мне сейчас не хватает! — горестно подперла щеку кулачком Катя. — Всю жизнь мечтала о медовом месяце в дружной шведской семье.

— И когда вернется бывшая мадам Голубева? — осмотрительно справилась Ангелина.

— Я еще с ней не связывался, — Илья налил по рюмке себе и Анатолию.

— Мне тоже налей! — потребовала Катя.

— Зачем добро переводить, если ты не пьянеешь, — воспротивился Илья, но водки все же Кате налил.

— Чтоб тебе меньше досталось! — огрызнулась молодая супруга.

— Глупышка, — Голубев взял ее руки в свои и поцеловал. — Не ревнуй, все в прошлом. Теперь ты моя жена, и я люблю только тебя. Но перед Татьяной я виноват! Нельзя было пытаться подлостью вернуть разбитую любовь. Бог меня уже наказал, когда затмил мне разум, а теперь нужно спасать нашу с тобой жизнь, нашу семью и будущее наших детей!

— А вдруг Татьяна тебе откажет? Вдруг она не простила тебя? — ужаснулась подобной перспективе Катя.

— Есть один человек, который может выступить в роли парламентаря, — успокоил ее Илья. — Догадываешься, кого я имею в виду? — Голубев отпустил Катини руки и обернулся к другу.

— Меня, что ли? — удивился Анатолий. — Ну и миссию ты мне отвел! Вот спасибо!

— Танька всегда о тебе хорошо отзывалась. А когда развела, что ты поступил в медицинский институт, она сказала, что хотела бы, чтобы ее дети тоже стали врачами, — подмазывался к Анатолию Голубев.

— Правда, что ли? — поразился Анатолий. — А я и не знал, что Танька такая сентиментальная... Что ж, мне за ней в Швецию прикажешь ехать?

— Нет, — Голубев вынул из кармана мобильник. — Ты с ней по телефону поговоришь. — Илья стал пролистывать записную книжку в меню трубки.

— Вы с ума сошли! — одернула их Ангелина. — Уже глубокая ночь. Все нормальные люди давно спят. До утра дотерпите?

— До утра дотерпим, — Голубев убрал трубку и подмигнул загрузившей жене. — Эй, Катюха, нам ли быть в печали! Хочешь, я тебя развлеку по-королевски?

— Хочу! — надула губки Катя.

— Тогда спой для меня ту садистскую колыбельную, которую ты мне на Бали пела.

— Что-то настроение не подходящее, — ломалась Катя.

— Спой, светик, не стыдись! — попросил Анатолий, догадываясь о задумке Ильи.

— Ладно, — сдалась Катя и запищала тоненьким противным голосом:

Спит убитая лисичка,
Спит задушенная птичка.
Обезглавленный хомяк
Посмотрите, как обмяк.
Утонув в зловещей жиже,
Спят в аквариуме мыши,
И на высохшем полу
Рыбки кучкой спят в углу.
Спят в пробирке эмбрионы,
Спят в музее фараоны.
Сторож спит с ножом в спине,
Спят пожарники в огне,
И в уютном мавзолее
Ленин спит, блаженно млея.
И придавленный бревном
Спит строитель мертвым сном.
Ошибившись только раз,
Спят саперы в этот час.
Парашют с собой не взяв,
Спит десантник на камнях.

Газ забыв закрыть, соседи
Спят вповалку на паркете.
В паутине дремлют мушки.
Спи! А то прибью подушкой!

К концу Катиного соло Ангелина и Анатолий уже не смеялись. Они лишь беззвучно всхлипывали, бодая лбами друг друга. Голубев запрограммировал Мистера Икса и запустил его к Виктору Каррерасу, спящему рядом с разжалованным адвокатом.

Глава 6

Лохматая игрушка покатила по полу, остановилась перед диваном, на котором похрапывал шоколадный красавец, щелкнула, включая записанную песенку, и пропела писклявым детским голоском кровавую колыбельную.

— А-а-а! — словно резаный завопил на весь ресторан проснувшийся Виктор. — Помогите! Помогите!

Звон разбитого стекла заставил бесшабашную компанию выскочить из-за стола и наперегонки рвануть «на помощь» обезумевшему от ужаса Виктору, а заодно — убрать подальше от любопытных глаз главного виновника происшествия — весельчака Мистера Икса.

Возле дивана валялся стул, которым не справившийся с нервным потрясением Виктор высадил окно, чтобы удрать от прицепившегося к нему монстра. Ножка стула от удара раскололась, и обломок отрикошетил в поющую игрушку. Мистер Икс, как подбитый танк, крутился на месте и повторял, будто заезженная пластинка: «Спи! А то прибью подушкой!.. Спи! А то прибью подушкой!.. Спи! А то прибью подушкой!..» Адвокат Каррераса, несмотря на погром,

спал, словно подстреленный, выполняя приказ лохматого генерала.

Однако Виктору не удалось сбежать от страшного привидения. При падении он подвернул ногу, и его стоны за окном красноречиво говорили о том, что проклятие, о котором поведала Катя, все-таки настигло чернокожего захватчика.

— Надо вызвать скорую помощь! — переполошилась Ангелина, напрочь позабыв о том, что врач находится рядом.

— Пропустите эскулапа! — скомандовал Анатолий, оттеснив женщин от окна. — Не кудахтайте! Он живой! Не с небоскреба свалился, а с первого этажа.

Конечно, спьяну можно даже в чайной ложке захлебнуться. Во врачебной практике Анатолия и не такие казусы приключались. Особенно запомнился случай, когда один электрик чуть другого не покалечил. После трудового дня на стройплощадке мужики выпили и домой засобирались. Один отлучился до ветру, а его друг, прислонившись к столбу, снял с ноги ботинок, чтобы песок вытрясти. А со спины-то не видно, почему он дрожит, будто его током колотит. Вернувшийся друг не растерялся, схватил доску поувесистее и припечатал коллегу по хребтине, чтобы его от столба оторвать. Хорошо еще, что насмерть не зашиб.

Но, как ни странно, Бог пьяниц бережет. Электрик отделался легким сотрясением мозга, а Виктор просто подвернул лодыжку.

— Не прикасайтесь ко мне! — верещал Виктор. — Где этот монстр?! Он угрожал мне, что прибьет меня подушкой! Я знаю! Все вы здесь желаете моей гибели!

— Виктор! Виктор! — Анатолий тщетно взывал к бьющемуся в истерике господину Каррерасу. — Прекрати вопить, как истеричная барышня!

Используя единственно возможный способ вывода пациента из нервного шока, Анатолий с удовольствием отшлепал шоколадного зайца по побледневшим щекам.

— Ко мне... Ко мне... — всхлипывая, твердил утративший лоск Виктор, — ко мне опять являлось привидение...

— Расскажи, пожалуйста, поподробнее, — интересовался Анатолий, осматривая ногу потерпевшего.

— Этот монстр пропел мне детским голосом страшную песню про садистки замученных животных и людей. А в конце взялся мне угрожать! Катя говорила, что сначала привидение предупреждает, но потом!.. — спектакль, разыгранный Голубевым, явно получил бы высшую театральную награду за внедрение в массовое сознание принципа Станиславского «верю — не верю».

— Я думаю, что тебе все это приснилось. — Анатолий попытался засучить брючину повыше и ощупать колено Виктора. — Бывает: переутомился после долгого перелета, да еще нервишки пошаливают...

— Я что, по-вашему, шизофреник какой-то?! — ерепенился господин Каррерас. — Ладно, сейчас я спал... А в машине? А в Катиной ванной?

— Завтра. Все завтра, — пообещал больному доктор. — Завтра я договорюсь насчет тебя с хорошим психиатром.

— Я не псих! Мне не нужен психиатр. Моя сестра лучше любого психиатра, а кормилица снимет с меня самое страшное заклятье и переведет его на того, кто его заслал. Опасайтесь возмездия! Ваши чародеи — дети в сравнении с колдунами культа Вуду! — пророчествовал оскорбленный господин Каррерас.

— Тьфу ты! — плюнул на заиклившегося Виктора Анатолий. — Кто про что, а вшивый все про баню! Вуду, шмуду... Надоел ты мне, братец! Поднимайся. Не сиди в сугробе, а то хозяйство отморозишь. Обопрись на

меня и обратно через карниз переваливайся. Там тебя Илья подхватит, — распорядился доктор, подталкивая сопротивляющегося пациента.

Голубев и Катя втащили назад промокшего и продрогшего Каррераса. Ангелина расстелила на диване шерстяной плед. Так и не проснувшийся адвокат пробормотал во сне что-то о Северном полюсе и свернулся калачиком. Довольный Голубев гладил под пиджаком спрятанного Мистера Икса, и сердце его переполнялось радостью от зрелища поверженного врага.

Официантки завернули в салфетку лед из морозилки и приложили к распухшей ноге дрожащего от холода негра.

— Не терплю морозы, — отстукивая зубами дробь, сетовал на злодейку-судьбу Виктор.

— А не хрен было сюда соваться, — пожалел больного добрый доктор Айболит. — Сидел бы в своих тропиках, мозги старушкам пудрил: и тепло, и безопасно.

— Чего вы суетесь не в свое дело! — сердился Виктор, морщась от боли. — Вызовите мне другого врача, вам я не доверяю!

— Слово больного для доктора закон, — Анатолий бросил ощупывать лодыжку Каррераса. — Скорую-то мы вам вызовем, только вряд ли она быстро приедет. Ночь все-таки! А могут и вообще отказаться: ваша жизнь вне опасности, вы в состоянии до травмпункта добраться. А меня вы не бойтесь, я вам никаких пилюль прописывать не собираюсь и покушаться на ваше здоровье тоже. У нас в России и не травмированные все интервенты сами, словно мухи, вымирали при первых морозах.

— Я закаленный, — дрожал Каррерас от ледяного ветра, сифонящего из разбитого окна.

— Это ты-то закаленный?! — усмехнулся врач. — Вот кто закаленный! — показал он на притулившегося

в кресле адвоката. — Спит при любых погодных условиях! Наши люди морозоустойчивые, а у тебя завтра же утром простуда вылезет и температура поднимется. А через день крупозная пневмония поразит легкие, а через два дня... Мементо море... — Анатолий обрисовал больному «оптимистический» прогноз.

— Что же мне делать? — Виктор невольно задал философский вопрос, над решением которого с давних пор бились лучшие умы, и на который до сих пор не был найден универсальный ответ.

— Постельный режим, — зачитал приговор Анатолий под усиленное моргание Голубева. — Как минимум неделю. Во-первых, ноги нужно дня три, чтобы восстановиться. А во-вторых, простуду в северо-западном регионе лечат исключительно под одеялом.

— Я предлагаю остановить выбор на нашей квартире. У нас места на всех хватит, — Голубев следовал указанию народной мудрости, гласящей, что друзей нужно держать близко, а врагов — еще ближе.

— Нет! В вашу квартиру я больше ни ногой! — истерически заверещал ошалевший от гостеприимства Виктор. — Мой адвокат должен был заказать мне номер в гостинице...

— Какая гостиница! — отчитал легкомысленного больного доктор, внимая учащенному морганию Илюхи. — Я же сказал постельный режим и три дня на ногу не вставать!

— К Голубеву не поеду! Он меня угробит! Или... подушкой задушит, — вспомнил он слова страшной колыбельной.

— Господа! — околевающий адвокат протрезвел во сне и подскочил свеженький, словно покрытый пупырышками огурчик. — Господа! Ноу проблем. Для господина Каррераса я снял частные апартаменты в центре города, неподалеку от ресторана господина Голубева.

— А кто за ним ухаживать будет? — намекнул Голубев, кивая головой в сторону Кати.

Каррерас напрягся, набрал в грудь побольше воздуха, готовясь отразить очередную атаку русской лазутчицы.

— Я договорился с соседкой — пенсионеркой, — сообщил адвокат. — Баба Зина обслуживает всех приезжих, останавливающихся в этой квартире. Уберет в любое время, приготовит и стирает, вы ее даже не заметите.

Виктор с облегчением выдохнул и расслабился:

— Отвезите меня немедленно в ваши апартаменты. Нужно безотлагательно вызвать врача. Этим специалистам, — он недобро покосился на Анатолия и Илью, — я не доверяю. Ну, чего вы застыли?! Просыпайтесь уже! — прикрикнул он на заспанного адвоката.

— Так вы это... Того... — мямлил адвокат.

— Чего — того? — не понял Виктор. — Выражайтесь яснее.

— Вы же меня уволить изволили-с, — просвистел в своей обычной манере адвокат. — Или?..

— Я передумал и нанимаю вас обратно, — смильнулся господин Каррерас.

— Тогда это... Надо бы того...

— Да чего — того? — терпение Виктора истощалось. — Чего еще вам нужно?!

— Нужно бы гонорар увеличить, — нагло затребовал адвокат, исторгая стойкий запах алкогольного перегара.

— За что?! — взвился, как ужаленный пригретой на груди змеей, Виктор.

— За моральный ущерб, — адвокат смотрел на него невинными глазами и часто-часто моргал.

— Мать твою! — не сдержавшись, выругался господин Каррерас. — Это ж надо! Вы бросили меня в аэропорту, из-за вас я получил тяжелый стресс, встретив-

шись с каким-то лохматым монстром, у меня травма ноги, а у вас хватает наглости требовать компенсацию за моральный ущерб?! Вы здесь в тепле и сытости водку с коньяком трескали...

— Я работал! — выкрикнул адвокат, защищая ущемленный профессионализм. — У меня больная печень, молодая жена и грудной ребенок, а я, рискуя своим здоровьем, выпытывал у господина Голубева все тонкости данного дела.

— Молодец! — похвалил адвоката Голубев.

— Ловко вывернулся, шельмец! — восхитилась Ангелина.

— Дай кормильцу денег, жмот! — хихикнул Анатолий.

— Я жду-с! — настаивал адвокат, чувствуя горячую поддержку соотечественников.

— Черт с вами! — Виктор вытер полотенцем растаявший лед и растер посиневшую от холода лодыжку. — Только поехали отсюда!

— С-с-слушаюсь-с-с, бос-с-с, — присвистывая от удовольствия, адвокат помог господину Каррерасу подняться и подставил ему свое крепкое плечо.

Проводив до дверей такси черного босса и белого наемника, Голубев прямо у входа в ресторан выдал победную джигу, словно первобытный человек над вожаком добычей.

— Не рановато ли радуешься? — Анатолия всегда удивляла уникальная способность друга мгновенно реабилитироваться после физических и моральных травм и заново лезть на рожон или в пекло, не сделав никаких выводов на будущее.

— А мне его жалко! — хлюпнула носом Катя.

— Кого?! — хором переспросили Анатолий, Илья и Ангелина.

— Мистера Икса, — поникнув головой, ответила девушка.

— Милая! — растрогавшийся суровый экстремал нежно обнял хрупкие плечи молодой жены. — Дай мне разобраться с делами, и я тебе таких Мистеров Иксов десяток отыщу.

Катя грустно вздохнула и улыбнулась Илье. И только Ангелина женским чутьем поняла, что на самом деле Катя страдала не по сломанной игрушке, а по той песне про черноглазую казачку, которую ей посвятил галантный старший таможенник Валерий Александрович.

— Ну что? — повеселевший Голубев осматривал свою команду. — Выпьем за Родину, выпьем за Сталина...

— Ша! — отрезал Анатолий. — Мне завтра в ночь на дежурство... То есть, уже сегодня. Все, о чем я мечтаю, сосредоточилось в кровати, подушке, одеяле и... любимой женщине под боком.

— Да, — согласилась с ним Ангелина. — У меня глаза слипаются. Я бы, конечно, могла еще на денек из отпуска подзадержаться, в агентстве перетопчутся, но после обеда мы с Анатолием обещали навестить Платона Платоновича...

— Какой еще Платон Платонович? — подпрыгнул Голубев. — Толян, мы же с утра условились Таньке позвонить! Ты что, забыл? А еще другом называется... — обиженный Илья насупил брови.

— Слушай, Илюха, ты меня уже достал! Я не нанимался решать твои проблемы! У меня может быть своя личная жизнь: без тебя, без Таньки, без Виктора. На Ба-ли от тебя сбежал, так ты и туда за мной приперся. Ты всегда был безбашенным эгоистом, сперва куролесил, а потом все вокруг тебя на задних лапках прыгали. Все! Надоело! Сам расхлебывай свое сакз! Пошли, дорогая! — Анатолий схватил Ангелину за руку и потащил к выходу.

Упираясь, Ангелина шла за женихом. Это ж надо! Анатолия впервые со времени их знакомства так про-

брало. Ангелина и не подозревала, что у него могут быть такие вспышки гнева. Нет. По сути, он, конечно же, прав! Прав сто и тысячу раз. Голубева уже давно стоило наказать. Ишь, возомнил о себе, что он — пуп вселенной. За одну только гордыню полагалось Илюху проучить как следует! Но все же бросать друга в тяжелую для него минуту?! Это было как-то не по-джентльменски! И уж совсем не вписывалось в кодекс моральных принципов Ангелины. Она поднатужилась и вырвала свою покрасневшую руку.

— Ты чего? — недоумевал Анатолий. — Решила отстаться с этим лоботрясом?!

Ангелина молчала.

— Зачем вы так о друге? — набросилась с упреками Катя. — Он о вас никогда слова плохого не сказал... Лучшим другом вас называл... А вы?! За что вы его так унижаете?!

— Кать, — Голубев обнял и оттащил от Анатолия взъерепенившуюся жену. — Не надо! Не уговаривай его! Пусть идет! Он прав. Я, действительно, сел ему на шею и надоел хуже горькой редьки! Прости, Толян! Я попробую сам решить свои проблемы. А ты, красавица, добрая душа, — обратился он к Ангелине. — Иди с ним! Не нужно из-за меня ссориться. Не хватало еще, чтобы у вас отношения испортились!

— Никуда я не пойду! — противилась Ангелина. — Я вам не порабощенная женщина Востока! Я взрослый человек и имею право на собственное мнение...

— Вах! Вах! — передразнил их Анатолий. — Купились, да? Здорово я вас разыграл?! А то, нате вам! Они, дескать, благородные и бескорыстные, а я хладнокровный и бессердечный... А ты, Илюха! Ты-то как мог так опростоволоситься?! Совсем чувство юмора потерял. Ты же в молодости такой заводной был, такие розыгрыши отчебучивал. А сейчас... Куда все подевалось? Не мудрено, что Каррерас обвел тебя вокруг пальца!

— Толян, чертяка! — обнял его Голубев. — Ну и напугал же ты меня! Больше, чем Мистер Икс Виктора...

— А я бы никогда не подумала, что такой сильный и самоуверенный мужчина мог всерьез напугаться поющей игрушки, — философски отметила Катя.

— Это Каррерас, по-твоему, сильный и самоуверенный мужчина? — усмехнулась Ангелина. — Плохо же ты разбираешься в людях, деточка. Сильные мужчины занимаются благородными делами, а не грабят влюбленных престарелых дамочек и не плетут аферы.

— А как же разбойники и корсары? — Катя снова обнаружила глубокие исторические познания.

— Они экспроприировали экспроприированное, — мудро, но веско ответил за Ангелину Анатолий.

— Или попросту грабили награбленное, — пояснил без выпендрежа Голубев.

— Я же не о том говорила, — возразила Катя. — Я была стопроцентно убеждена в том, что Виктор разоблачит ваш трюк с Мистером Иксом. Ну кто бы из вас поверил в то, что можно вызвать дух, мстящий за отобранное богатство?

Все молчали, обдумывая Катин риторический вопрос.

— Но вся его семья помешана на колдовстве, ритуалах и гаданиях. Они к шаману ходят чаще, чем мы на горшок, — высказал свое мнение Голубев.

— А может, и нам нанять какого-нибудь чародея или мага, чтобы он чудесным образом рассеял Виктора на микрочастицы. Нет человека — нет проблемы. — Анатолий мыслил неординарно.

— Зачем для этого к магам обращаться? Денег за жульничество сдерут немеренно, а толку с гулькинос, — жадничала практичная Катя. — Проще купить в «Химреактиве» несколько баллонов концентрированной соляной кислоты и по русскому обычаю искупать гостя с дороги...

— Малышка, а у вас в школе не было кружка «Юный киллер»? — осторожно осведомился супруг у молодой жены.

— Между прочим, доподлинно известно, что многие бизнесмены, известные политики и даже апологи-ты науки серьезно верят в приметы, мистику и астрологию, — блеснула кругозором Ангелина. — Например, Генри Вайнгартен, астролог финансовой элиты США, консультирует магнатов: куда и когда им следует вкладывать деньги. Вайнгартен утверждает, что из четырехсот крупнейших биржевых компаний Уолл-Стрита, триста используют советы профессиональных астрологов, состоящих у них на службе. Знаменитое изречение Вайнгартена о том, что «Миллионеры не используют астрологию, а миллиардеры — используют», подтверждается фактами: Рокфеллер, Морган и Вандербильт имели личных астрологов. Более того, астрологом был Бенджамин Франклин, и с помощью астрологии он выбрал дату инаугурации Джорджа Вашингтона. Администрация Рейгана была столь успешной, потому что чета Рейган советовалась на каждом шагу со своим звездочетом Джоан Куэйгли. Когда я работала психологом, один мой клиент-предприниматель, кстати, весьма удачливый, настолько верил в приметы, что сам их придумывал. Плохие, типа перебежавшей дорогу черной кошки, он не замечал. Отправляясь на работу, он старался найти вокруг себя такие приметы, которые настраивали его на благостный лад и на возможность большого заработка.

— Чепуха, — Голубев отрицал влияние астрологов и звезд на большой бизнес. — Просто у одних людей от рождения заложен ген удачи и предприимчивости, а другие — рохли, всю жизнь ноют, плачутся и болтаются без дела, как дерьмо в проруби. Я тоже заглядывал в популярные нынче брошюрки, призывающие сделать

себя личностью, богачом или правителем своей судьбы. Но статистика — вещь неумолимая, а она гласит, что только десять процентов работников трудятся в полную силу, тридцать процентов — используют три четверти своих возможностей, еще тридцать процентов применяют потенциал наполовину, а оставшиеся тридцать процентов — выкладываются примерно на две пятых. Так что средний показатель использования своих возможностей в работе составляет всего шестьдесят процентов!

— Слушай, Илюха! Если ты такой умный, то почему ты все время влипаешь в сомнительные истории? Сидел бы себе тихонечко в своем ресторане, лопал бы от пуза, водку трескал, — подначил друга Анатолий.

— А романтика? — глаза Голубева подернулись туманной поволокой. — Разве настоящий русский может прожить без романтики... Без денег — может, без работы — может, без здоровья — живет вопреки твоему лечению, а без романтики — нет. Душа хиреет и чахнет.

— Ну-ну, — ерничал Анатолий. — Знал я одного такого романтика. Привалило мужику нежданное наследство от тетки в виде огромной квартиры в бывшем совминовском доме. Он продал ее за двести тысяч баксов, работу бросил — а на фига ему, дескать, с такими бабками за копейки ишачить. А свободным временем распорядился грамотно, по-нашему, романтично: стал от радости выпивать и девок на дачу таскать. Веселился, веселился, пока дача не сгорела, и он сам в огне не сгинул.

— И где, позвольте полюбопытствовать, мораль в вашей глупейшей истории о полном дебиле? — завелся было Илья.

— А на поверхности. Но некоторые упрямо не желают ее видеть. Нужно тебе, Илюха, еще и к окулисту показаться, — посоветовал другу доктор. — Люди, к ко-

торым деньги приходят легко, часто также легко их и теряют. А тот, кто заработал деньги и каждую копейку полил своим потом, цепко держится за них, потому что знает им цену.

— Спасибо, друг, за лестный комментарий и оптимистический прогноз, поблагодарил его Голубев.

— Ты стал слишком рисковым, Илюха, — продолжил Анатолий.

— Больше всех рискует тот, кто не рискует, — вступилась за мужа Катя.

— Это ты сама придумала? — поразились стройности и лаконичности фразы Ангелина.

— Нет, конечно, — призналась Катя. — Это Иван Бунин написал.

— Ребята, не обижайтесь. Я, в принципе, ничего не имею против больших денег, — пытался втолковать Анатолий. — Я знаю, что деньги — эквивалент свободы, но я никогда не приму того, что деньги не пахнут. Деньги — пахнут, а иногда даже смердят, пропитанные гнилой сущностью своего обладателя. Я где-то прочитал одну притчу о деньгах. В ней некий человек пришел к мудрецу и спросил: «Правда ли, что деньги меняют человека?» Мудрец подвел вопрошавшего к окну и показал на улицу. «Что ты видишь?» — спросил его мудрец. «Вижу людей», — ответил человек. «А теперь?» — мудрец подвел человека к зеркалу. «Вижу себя», — ответил человек. «А ведь окно и зеркало состоят из одного и того же стекла, — промолвил мудрец. — Стоит добавить немного серебра, и ты уже видишь только себя».

— Ну вот, — расстроился Голубев. — Начали с романтики, а закончили пессимизмом. Толян, чего это ты взялся учить меня уму-разуму?

— Хочу уберечь тебя от будущих проблем. Хочу, чтоб ты, наконец-то, повзрослел. Хочу, чтобы ты по-

чувствовал ответственность за близких. Хочу, чтобы ты серьезнее относился к бизнесу, — перечислял претензии Анатолий.

— Огласите, пожалуйста, весь список! — дурачился Илья, пытаясь побороть друга. — Ну как же я тебя люблю, мой беспощадный эскулап!

— Отстань от меня, истероид! — шутливо отбивался от него правильный Анатолий.

— Я так понимаю, что собрание стихийно продолжается, — Ангелина нетерпеливо топнула ногой. — По домам истероиды и шизоиды! — скомандовала она. — А заодно и гипертимы, epileптоиды и астеники!

Награжденные такими эпитетами мужчины прекратили борьбу и вытянулись перед Ангелиной по струнке. Ехать на окраину города в полусонном состоянии было сродни средневековой пытке, поэтому Ангелина приняла предложение Кати заночевать у них с Ильей.

— Как ты их назвала? — уже в машине переспросила Катя.

— Истероиды, шизоиды, гипертимы, epileптоиды и астеники, — повторила для нее Ангелина.

Катя легко запоминала новые названия, ее память была цепкой и долгой, поэтому она так свободно оперировала цитатами, именами и цифрами.

— А кто есть кто? — заинтересовалась Катя.

— Зачем тебе забивать голову, — хихикнул Илья, обвиняя ее на заднем сидении «ауди».

— Вот разбодаемся с твоими делами, поступлю в институт, выучусь на психолога...

— И будешь работать в агентстве недвижимости, — закончил за Катю Анатолий.

— Катюша, детка, — Ангелина в отместку больно ущипнула Анатолия за колено. — Я тебе тет-а-тет все расскажу, а то эти скалозубы всю обедню испортят.

— Без женщин жить нельзя на свете, нет, — запел Голубев арию Бони из оперетты Кальмана «Сильва».

— В них радость жизни, так сказал поэт, — басисто подхватил Анатолий.

— Ля, ля, ля, ля, ля, — нестройный дуэт совершенно позабывших строчки некогда популярной песенки кавалеров звучал не хуже радио.

— Я бы поаплодировала, да боюсь руль выпустить, — оценила их старания Ангелина.

— «Черноглазая казачка» лучше звучала, — пробубнила Катя.

— Концерт окончен. Приехали. — Ангелина заглушила мотор, поставила машину на ручной тормоз, руль заблокировала «кочергой» и нажала кнопки сигнализации.

Вещи путешественников оставили в багажнике. У Ангелины не было сил распаковывать сумки. Катя пообещала одолжить халат и ночную рубашку, да и спать оставалось всего несколько часов.

Но разрезвившиеся мужчины не желали укладываться на боковую. Илья предложил посмотреть видеозапись их экстремального серфинга на гигантских волнах у побережья острова Бали.

— Как дети, — укоризненно покачала головой Ангелина. — Пойдем, Катюша, я пока переоденусь.

Оставив кавалеров в гостинной, дамы удалились в спальню. Ангелина с вождением впиалась сомнамбулистическим взглядом в широкую и мягкую кровать четы Голубевых. Катя выделила старшей подруге теплую розовую ночную рубашку и длинный, до пола, розовый же шелковый халат.

Переодевшаяся Ангелина подпоясалась кушаком, подколола волосы и стала похожа на бутон закрывшегося на ночь цветка. Зевнув, она взяла чистое полотенце, сунула ноги в розовые пушистые тапки и направилась в душ.

— А как же истероиды? — напомнила любопытная Катя.

— О Боже! — взмолилась Ангелина, прислонившись к косяку двери. — Может, они до утра подождут? — но по молящим глазам Кати поняла, что та без ответа на свой вопрос будет мучиться без сна. — Ладно. Расскажу. — Смиловитившаяся Ангелина присела на краешек пружинящей постели. — Но начнем мы с гипертимов. Гипертимы — чрезвычайно работоспособны, любят комфорт и добротные вещи, умеют рисковать, лишены чувства страха, способны защитить свою собственность любым доступным способом.

— Как ваш Анатолий, — восхищенно отметила Катя.

— Да? — сделала открытие Ангелина. — Возможно. К психотипу epileptoидов относятся люди, которые во всем хотят быть первыми. Они всему знают цену, умеют обоснованно рисковать, внимательно следят за изменениями на рынке, умеют торговаться, никому не верят на слово, расчетливы и экономны в своих расходах.

— Как вы, — снова прокомментировала Катя.

— Спасибо, — заскромничала Ангелина. — Шизоиды — антиподы epileptoидов, они порой не знают, сколько стоит хлеб в магазине, а траты производят импульсивно и вообще, по всем признакам, придерживаются философии «дао» — живут как бы вне времени и пространства.

— Как моя бедная тетя Лиза, — загрустила Катя.

— Истероиды — виртуозны в добывании денег, нахальны, склонны к аферизму. Они способны заработать большие деньги в силу их неординарных способностей, но, как правило, не умеют их удерживать и приумножать. Им недостает внутренней стабильности, мешает склонность к интригам и излишнему риску. Они любят пустить пыль в глаза и могут купить себе красный «феррари» на заемные деньги.

— Ну точь-в-точь мой Илья, — в описанном психотипе Катя узнала портрет мужа.

— Тебе видней, — уклонилась от прямого ответа Ангелина. — Астеники — слишком зажаты, стеснительны, пассивны, не способны просить деньги за свою работу и часто работают даром как ломовые лошади.

— А это мой портрет, — безжалостная Катя рубила с плеча.

— Нет, ты себя недооцениваешь, детка, — успокоила ее Ангелина. — К тому же разделение на психотипы условно, границы нечетки, и человек в различных ситуациях может проявить качества разных психотипов. Все. Лекция закончена. Пусть мужчины глазают свое кино, а я лично умываю руки, — Ангелина перекинула через плечо полотенце и снова шагнула к двери. На сей раз ее остановил разразившийся мелодией из «Бумера» сотовый телефон в кармане у Кати.

— Кто бы это мог быть? — переполошилась Катя.

— Вынь телефон и посмотри номер, — порекомендовала Ангелина.

— Я боюсь, — дрожащей рукой Катя протянула мобильник старшей подруге.

— Да, — решительно ответила Ангелина. — Говорите, вас слушают.

— Здравствуйте, — с легким скандинавским акцентом ответил женский голос. — Это Татьяна, бывшая супруга Ильи Голубева. А вы, наверное, Катя, его нынешняя жена?

— Нет. Меня зовут Ангелина. Я Катина подруга и невеста Анатолия, — отрекомендовалась Ангелина и, зажав трубку ладонью, прошептала Кате, сделав удивленные глаза: — Это Татьяна.

— Неужели Анатолий еще не женат? — переспросила Татьяна, но тут же спохватилась: — Извините, это меня не касается. Я бы хотела поговорить с Катей.

— Тебя, — Ангелина попыталась передать трубку Кате, но напуганная до смерти девушка открещивалась от нее руками и ногами.

— Прошу прощения, но Катя неважно себя чувствует, — солгала Ангелина. — Но мне вы можете сказать все, я ей дословно повторю наш разговор.

— Пусть Катя меня не боится, — опытная женщина со Скандинавского полуострова словно обладала даром ясновидения. — Я не намеревалась вмешиваться в их с Ильей отношения. Наоборот. Я готова оказать любую помощь их молодой семье. Я так рада за Илью, наконец-то он нашел себе подругу жизни.

«И теперь оставит меня в покое», — уловила между слов Ангелина, но вслух спросила: — А почему вы решили, что Катя и Илья нуждаются в вашей помощи?

— Я хоть и далеко от России, но все же не на облаке живу, — пояснила Татьяна. — У меня в Питере остались друзья, они-то мне и сообщили о проблемах моего бывшего мужа. По старой памяти я готова ему помочь.

— Вы имеете в виду деньги? — догадалась Ангелина. — Нет. Денег Илья от вас больше не возьмет. Но в вашей помощи он, действительно, нуждается. Необходимо, чтобы вы приехали и как можно скорее!

— Да, — обрадовалась Татьяна и прошептала что-то по-шведски своему мужу. — Я уже взяла билет на утренний паром. К вечеру я приплыву в Финляндию и через несколько часов буду в Питере.

— Вас встретить? — проявила гостеприимство и вежливость Ангелина.

— Нет, не беспокойтесь. Я поеду на своей машине...

Между собеседницами повисла пауза. Татьяна явно собиралась с духом, чтобы еще что-то спросить, а Ангелина ждала и не торопила.

— Илье грозит серьезная опасность? — наконец-то вымолвила она.

— Да! Буквально два часа назад мы вас вспоминали, когда обсуждали, как ему выбраться из капкана. И вы,

Татьяна, — наша единственная и последняя надежда, — потрафила ей Ангелина. — Только захватите, пожалуйста, с собой ваше свидетельство о разводе.

— Полагаю, что меня не ожидает очередной неприятный сюрприз? — забеспокоилась Татьяна.

— Нет, нет, — поспешила успокоить ее Ангелина. — Свидетельство подлинное.

— О! Я смотрю, вы посвящены во все наши тайны.

Ангелина не поняла, одобряла ее Татьяна или порицала:

— Видит Бог, я невольный свидетель всех ваших жизненных перипетий. Я, как и вы, стараюсь помочь их молодой семье.

— А Катя красивая? — с ноткой ревности задала неожиданный вопрос Татьяна.

— Что-то в трубке трещит! — крикнула дипломатичная Ангелина. — Я вас совсем не слышу!

— До встречи, Ангелина, — попрощалась Татьяна. — И да хранят небеса вашу мудрость.

Вот это да! А Голубев все время называл бывшую жену дурочкой... Ну уж если она дурочка, то все остальные женщины в сравнении с ней — недоразвитые особи женского пола. Она мудра, аки змея. Она в два счета раскусила Ангелинин блеф. Ай да Татьяна! Ай да Одинова дочь!

— Что? Что она сказала? — теребила Ангелину Катя.

— Сказала, что едет спасать вашу молодую семью. Сказала, что беспокоится за ваше благополучие и готова помочь. Да не трясись ты как осиновый лист! Не нужен ей твой Голубев. Она, наоборот, рада-радешенька, что он, наконец-то, уgomонился и попал в твои заботливые руки. Она — наша союзница, и мое сердце подсказывает, что с ее помощью мы заманим в капкан нашего хищного шоколадного зайца.

— Как?! — глаза Кати загорелись от возбуждения.

— Пока не знаю, — рассуждала Ангелина. — Но ее внешность и статус бывшей супруги будут несомненным козырем в решающей партии против господина Каррераса.

— Нужно обрадовать наших мальчиков, — Катя побежала в гостиную. — Илья! Анатолий!

Под шум прибоя на экране телевизора убаюканные «мальчики» спали, тесно прижавшись друг к другу на просторном кожаном диване. Запись шла, в закручивающемся тубусе океанского вала скользили загорелые серфингисты, среди которых на широких устойчивых бодибордах плашмя на пузе катились бледнокожие российские парни. Изумрудная волна рассыпалась в сахарную пену, скидывая с гребня безрассудных смельчаков, прокатывала их по шершавому дну и выбрасывала на берег с разбитыми в кровь коленями. Но они, смеясь, подхватывали легкие доски и снова брали на abordаж непокорные тугие волны.

Апельсиновое солнце щедро проливало благодать на тропический рай. В разноцветных надувных бассейнах резвились упитанные голопопые дети. В шезлонгах у кромки воды лениво загорали их холеные мамы, увешанные драгоценностями, как новогодние елки. «Пиршество плоти и великолепия» — такое название придумала фильму Ангелина.

А на берегу, сверкая белозубой улыбкой и помахивая рукой плещущимся Илье и Анатолию, всматривался в даль роскошный красавец Виктор Каррерас.

— Вот, гад! — Катя раздраженно шелкнула пультом видеомагнитофона и телевизора.

Экран погас, Каррерас исчез.

— Нужно их разбудить! — двинулась к мужу заботливая жена.

— Не трогай их, — остановила ее Ангелина. — Тише! Пускай так спят. Посмотри, какие у них счастливые, безмятежные лица. Наверное, им снятся приятные сны.

— А Татьяна? Нужно же сообщить о ее приезде, — беспокоилась Катя.

— До утра все потерпит! — Ангелина придержала ее за руку. — Не буди их и не топай, как слон! Дай им выспаться, как следует. Чего ради их будить?! Новости-то хорошие! Их и до утра можно приберечь! Татьяна никуда не денется... А нам с тобой тоже не мешает последовать их примеру. Идем-ка и мы спать, непоседа неугомонная.

Дамы прикрыли дверь в гостиную. Ангелина, наконец-то, добралась до ванной, смыла с лица пыль дорожных странствий, почистила зубы и на ощупь, со слипающимися глазами, добралась до постели. Забравшись под одеяло, она моментально заснула, а перед ее глазамиплыли одна за другой изумрудные, покрытые сахарной пеной волны. Ангелина видела их так явственно, что даже на губах чувствовался соленый привкус океанских брызг.

Глава 7

Несколько часов сна пролетели, как один миг. Ангелине показалось, что она едва успела сомкнуть глаза, а из кухни уже призывно свистел чайник, пахло кофе, сваренным по уникальному Катиному рецепту, на сковородке шкворчали фирменные гренки с сыром, а стол ломился от недоеденных на ужин блинчиков с икрой, заливной осетрины, разогретых бифштексов и салатов. Мужчины в помятой одежде с закрытыми глазами прибрели в кухню на запах Катиной стряпни, будто зачарованные волшебными ароматами.

Розово-пушистая Ангелина умылась, быстренько подкрасила перед зеркалом в ванной комнате ресницы, сбрызнулась французскими духами, выбрав из кучи флаконов знакомые ей «Босс Интенс», и только после этого явилась на кухню. Анатолий и Илья уже с утра плотно заправлялись мясом, поливая бифштексы кетчупом и лимонным соком. Ангелина положила на тарелку немного салата и не смогла удержаться от Катиных гренек.

Казалось бы, что тут особенного — жареная булка с сыром. Однако у Кати гренки были золотистые, в меру пропитанные маслом, сыр плавился равномерно и растекался по булке тонким слоем с запеченной корочкой. Это блюдо привлекало Ангелину скоростью приготовления и простотой исполнения, но в ее интерпретации всегда случались изъяны: либо булка подгорала, либо сыр на сковороду стекал.

Да, Голубеву с женой повезло! Катя была отменной хозяйкой, но главным ее достоинством было то, что ей до безумия нравилось заниматься домашними делами: драить квартиру до блеска, стирать и гладить, раскладывать на полках в шкафу носочек к носочку и корпеть по несколько часов над сложными салатами или многоярусными кремовыми тортами.

За недолгое проживание в квартире Ильи Катя умудрилась вычистить холостяцкие авгиевы конюшни, в трех комнатах отциклевать и отполировать полы, в двух — собственноручно переклеить обои и побелить потолки. Краны в ванной и на кухне перестали дергаться и рычать, как голодные тигры, а струящаяся в унитазе вода иссякла, словно пущенная в Каракумы речка, и все благодаря тесному Катиному контакту с сантехниками и водопроводчиками из ЖЭКа. В молодую хозяйку повлюблялись не только сантехники и водопроводчики, но даже строгая дворничиха тетя

Оля и бдительная соседка Елена Сергеевна. Все перечисленные господа и дамы отныне при встрече с Голубевым вежливо раскланивались и передавали Катеньке поклоны и приветы.

Да, плюсы семейной жизни были налицо, и на примере Ильи Голубева можно было демонстрировать бесспорные преимущества окольцованного мужчины перед свободным. Гнездышко обихожено, перышки вычищены, мир, покой и благодать — рай земной, да и только. Душа в квартире Голубевых радовалась, тело отдыхало. Двери хлебосольного дома были распахнуты перед друзьями, а сердца гостеприимных супругов переполнялись гордостью за созданное образцово-показательное хозяйство.

Катя планировала поменять занавески, убрать чрезмерно вычурную лепнину на потолке в гостиной, отремонтировать камин, чтобы в скучные зимние вечера можно было разжигать настоящий огонь и наблюдать, как выстреливают искорками смолистые дрова, как язычки золотистого пламени облизывают вновь подброшенные поленья, и те вздыхают в их жарких объятиях и вспыхивают ответной страстью. Катя никогда не сидела у настоящего камина, а видела такую роскошь лишь в кинофильмах, но ей почему-то казалось, что без подобного очага не может быть семейного уюта. Она грезилась об этом в старом домике тети Лизы, грезилась об этом на службе у Стеллы Боровиковской, но как только ее мечты начали воплощаться в реальность, коварный враг возник на пороге ее выстраданного воздушного замка, грозя разрушить и отнять взлелеянное счастье.

Катя заботливо положила на тарелку Ильи еще один бифштекс, сняла со сковородки гренок, разлила по чашкам дымящийся кофе и села рядом с супругом — его правая рука, бессменный часовой, хранительница очага. Ангелина заметила, как изменилось

выражение Катиного лица: оно стало серьезным и одухотворенным, словно озаренным изнутри божественным светом. Ангелина никогда не видела изображение богини Весты, но если бы ей потребовалось воссоздать этот образ, лучшую натурщицу, чем Катя, вряд ли бы можно было сыскать.

— Ты уже рассказала Илье про звонок Татьяны? — поинтересовалась Ангелина, присаживаясь к столу.

— Ага, — кивнула Катя, еще теснее прижимаясь к мужу.

— Ну и... — Ангелина ждала ответа Голубева.

— А? Кхе-кхе, — закашлялся Голубев, поперхнувшись куском мяса.

— Ну, Илья! — восхитилась его самообладанием Ангелина. — У тебя не сегодня-завтра всю собственность отнимут, а ты как удав утробу набиваешь.

— Умные люди говорят, что нельзя откладывать на завтра то, что можно съесть сегодня, — парировал прокашлявшийся Голубев.

— Илюха, осторожнее, — предупредил друга Анатолий. — Неровен час заворот кишок случится, или пупок от обжорства развяжется.

— Как развяжется, так и завяжется, — отшутился Илья. — Я, когда был маленький, очень плохо ел, и моя мама постоянно переживала по этому поводу. Тогда мой хитрый папа придумал, чем меня напугать, чтобы я стал кушать, как все нормальные дети. А то меня уже во дворе скелетом задрознили, а родителей соседи затерроризировали за то, что они ребенка голодом морят. Папа тогда сказал, что мой пупок — это дырочка, которая образовалась, оттого что я плохо кушаю. Я же не знал об анатомическом строении человека и о том, что пупки есть у всех людей. Перепугался я до жути, приналег на еду и вот до сих пор лопаю, чтобы пупок не развязался.

— Помню, помню, — отозвался Анатолий. — Бегал этаким здоровяк по двору, а мы его подначивали: «Илюша, а почему это у тебя на животе дырочка?» А этот балбес двенадцатилетний на полном серьезе отвечал: «Потому что плохо кушаю». Вот что значит сила родительского авторитета...

— Я с ними по-товарищески делился самым сокровенным, а они, шельмецы, надо мной изгалялись! — запыхтел обиженный Голубев.

— Да ладно тебе сиротой казанской прикидываться! — улыбнулся Анатолий, вспомнив детство. — Все мальчишки нашего двора по Таньке сохли, а охмурил ее наш бедный недокормыш Голубев.

— Ты сам от Таньки отказался, — запротестовал Илья, восстанавливая справедливость. — После того, как она тебя в кино помадой обмусолила.

— Тебе и это известно, — засмеялся Анатолий. — Ну, девчонки, ну, трепушки! Нет! Нельзя женщинам доверять военные тайны.

— Попрошу не обобщать, — Ангелина подняла вверх вилку с наколотым на нее куском осетрины. — Илья, расскажи, пожалуйста, поподробнее об этом, неизвестном для меня, эпизоде жизни будущего супруга.

— Нет, нет. Я сам все тебе расскажу. Я не доверяю этому шутнику. А в Танькином пересказе эта история и вовсе могла превратиться черт знает во что. А дело было так. Я первым из нас двоих удостоился милости красавицы Таньки и свидания. В кино она потребовала мороженое, шоколадку и сок, на которые едва хватило моих карманных денег. Весь фильм эту шоколадку жевала и нашептывала мне на ухо сюжет. Оказывается, на фильм ее уже пять раз приглашали, но в нем такие красивые ковбои, что она никак не могла на них налюбоваться. А со мной пошла потому, что я, по мнению Таньки, больше других мальчишек походил на главно-

го героя. Растолковав по-своему ее признание, я стал целовать Таньку и так и не узнал, чем кончился тот фильм. Когда в зале зажгли свет, люди стали хихикать и показывать на нас пальцем. Танька тоже рассмеялась, глядя на меня. Она достала из сумки носовой платок и вытерла с подбородка размазанную помаду и шоколадные полосы. А потом поцеловала платок и старательно оттерла мою физиономию. Я покраснел, как отварная свекла, а хохотушка Танька смеялась надо мной вместе со всеми. Наверное, я сумел бы забыть пережитый в кинотеатре позор, но Танька растрепала об этом по всему двору, и слухи дошли до сохнущего по ней Илюхи. Вот тогда между нами впервые пробежала черная кошка. Илья даже в Крым со мной не поехал. Он воспользовался отсутствием соперника, а когда через месяц я вернулся, Танька уже всю гуляла с Голубевым. Вскоре мы с семьей переехали в другой район. Иногда созванивались, но потом наступили выпускные экзамены, и общение почти прекратилось. Через год после окончания школы я получил от Голубева приглашение на их с Танькой свадьбу, но жертвовать ради старых друзей очередным походом в Крымские горы не стал. Я поздравил Илью по телефону, и мне показалось, что бывший друг даже обрадовался, что меня на свадьбе не будет. Наверное, до сих пор ревновал ко мне Таньку и боялся, что я могу ее отбить.

— Ничего я не боялся, — признался Голубев. — Я думал, что ты меня, как всегда, разыгрывал. И про Крымские горы отмазку придумал специально — ради красного словца. Мы с Танькой ждали тебя до последней минуты, чуть в ЗАГС не опоздали, машину за тобой посылали. А ты все же нас бросил и умотал с рюкзаком, набитым консервами, к водопаду Джур-Джур.

— А еще говорят, что женщины дружить не умеют! Оказывается, и мужчинам ничто человеческое не чуж-

до, — Ангелина с наслаждением отпила горячего кофе. — Однако сегодня к ночи ваша прекрасная Елена прибудет в Питер. Постарайтесь, чтобы между вами снова не вспыхнула Троянская война. Вы уже большие мальчишки и научились контролировать свои эмоции.

— Интересно, как сейчас выглядит Танька? — Анатолий мечтательно закатил глаза.

— Как всегда лучше всех! — с гордостью заявил Голубев, словно Танька все еще была ему небезразлична. — Могу показать фотографию.

— Откуда у тебя ее фотография?! — от ревности у Кати задрожали руки, и вторую турку с кофе она расплескала, не донеся до стола.

— У Таньки всегда была склонность к позерству, она всю нашу десятиметровую комнатушку своими фотографиями обклеила. А сейчас она мне все время шлет свои снимки на интернетовский адрес по старой памяти. У меня в ноутбуке целая папка ее фотографий накопилась: то на фоне дома, то в тренажерном зале, то в собственной конюшне, то в бассейне.

— О-о-о! — потер ладони Анатолий. — Я бы посмотрел на Таньку в бассейне... или в тренажерном зале.

— Пошли в мой кабинет. Я тебе покажу, — Голубев хотел увести друга подальше от ревнивого ока молодой супруги.

— Ну, уж нет! — Катя дула на ошпаренные пальцы. — Тащи сюда свою коллекцию порносайтов. Мы с Ангелиной тоже хотим полюбоваться на эту секс-бомбу.

— Да, не мешало бы знать, с кем нам придется иметь дело, из-за кого вы с ума сходили, — поддержала Катю Ангелина.

Голубев хмыкнул, но ноутбук принес. Четыре головы склонились над мерцающим экраном, разглядывая прелестницу Таньку. А посмотреть и вправду было на что! Недаром красота русских женщин признавалась во

всем мире, и по заграничным подиумам бегают не чьи-нибудь, а наши манекенщицы.

У Таньки были длинные, до пояса, льняные волосы, и она одинаково хорошо смотрелась и с распущенной гривой и с собранным на затылке пучком. Ее округлое нежное лицо с идеальными, крупными, но не грубыми, четко выписанными чертами притягивало взгляд. Голубые глаза сияли строгим бриллиантовым блеском, пухлые губы манили, как созревшая малина, твердый маленький подбородок придавал облику царственность и величие. В бывшей голубевской жене сочеталось несочетаемое: пламя и лед, высокомерие и притягательность, энергичность и ленивая истома. Дворовая кошечка выросла и превратилась в холеную львицу, которая могла ласкать детенышей и безжалостно разить врагов одной и той же могучей и мягкой лапой.

Танина безукоризненная фигура, словно скопированная с обложки кассеты по аэробике, вызвала у теперешней голубевской жены тайную зависть. Катя налегла на гренки с сыром и блинчики с икрой, решив, во что бы то ни стало достигнуть таких же результатов. Но если кому-то для этого требовалось потеть в спортзале и до самозабвения мучиться на тренажерах, то Кате всего-навсего необходимо было прекратить истязать себя никчемными голодовками и кушать, кушать, кушать, как завещал великий обжора Гаргантюа.

— А Танька-то, того, — восторженно присвистнул Анатолий и тут же получил от Ангелины увесистый подзатыльник. — Я хотел сказать — ничего особенного.

— Не лукавь, дорогой, — Ангелина допила свой кофе и попросила у Кати добавки. — Татьяна — шикарная женщина. Мимо такой ни один мужик не пройдет. Но это как раз те качества, которые требуются для нашего общего дела.

— А вы уверены? — подала голос Катя, наконец-то справившись с волнением.

— В чем? — переспросил Илья.

— Просто я подумала, что если бы я была на месте твоей бывшей жены, я бы ни за какие коврижки не стала бы помогать человеку, который когда-то меня, то есть ее... — запуталась Катя, — шантажировал. И если бы мне, то есть ей, представилась возможность свести счеты, я бы, наверное, не устояла. Мне ее ночной звонок показался странным, будто она торопится и играет на опережение. Уж слишком она переживала за нас и наше имущество. А это крайне подозрительно! И откуда, кстати, она узнала номер моего мобильного?

— Ничего странного и подозрительного, — отмахнулся Голубев. — Я подарил тебе свою трубку... — он помолчал, решаясь на признание. — А номер Татьяне был известен. Только... Только она мне так ни разу и не позвонила.

— Ну да, — подхватила Ангелина, сглаживая возникшую неловкость. — Так все и было. Татьяна сразу же сказала, что звонит потому, что узнала от каких-то ваших общих знакомых о неприятностях. А еще она сказала, что хотела бы помочь новой семье Ильи выкарабкаться из проблем.

— Вот я и говорю, подозрительно все это, — талдычила о своем ревнивица Катя. — Не верю я ей! Хоть на куски меня режьте, не верю!

— Поживем — увидим, — резюмировал Анатолий. — Но, если честно, мне Танькин звонок тоже показался подозрительным. А с некоторых пор я не верю в счастливые совпадения.

— Нет! — не соглашался оскорбленный неверием в лучшие чувства бывшей жены Голубев. — Танька не способна на подлость! Это я по молодости и по глупости согрешил против совести, но она... Она прости-

ла меня и, не помня зла, ринулась ко мне на помощь. Она... Она... Она святая женщина...

— Что-то я не заметил нимба, когда рассматривал на фотографиях выдающиеся прелести нашей подруги детства, — осадил экзальтированного друга Анатолий.

— Как ты можешь бросаться такими словами?! — распалился Илья. — Я готов поставить на кон свою жизнь!

— А где ты намерен поселить эту мать Терезу? — вкрадчиво осведомилась Катя. — Уж не в нашей ли квартире?

— Я как бывший муж и джентльмен... — завел свою любимую пластинку Голубев.

— Даже не думай об этом! — перебила его Катя. — Только через мой труп!

— Ты ставишь меня в неловкое положение. Мы просим Татьяну о помощи, а сами отказываем ей в крове. Где у тебя совесть?! — увещевал насупившуюся жену Голубев. — И под каким предлогом я должен выставить Татьяну за дверь...

Неизвестно, чем бы закончилась начавшаяся перепалка, но из кармана Ангелининого халата донеслась мелодия полонеза Огинского.

— Кто бы это мог быть? — удивилась Ангелина, вытаскивая трубку. — Виолетта Павловна! Мы же обещали навестить в больнице Платона Платоновича. Надеюсь, что с ним ничего не стряслось.

— Дай я поговорю с ней, а то ты волнуешься, — Анатолий забрал у Ангелины трубку и ответил на звонок Виолетты Павловны: — Да? Да... Очень хорошо. Нет. Я запомню: пятая палата, второе отделение. А вы нас встретите в вестибюле через часик?

— Ну как там Платон Платонович? — переживала Ангелина. — Ему лучше? Да?

— Да, — успокоил ее Анатолий. — Его состояние стабильное, через недельку выпишут. Но...

— Что — но?! — всполошилась Ангелина, полагая, что Анатолий не договаривает самого страшного, и у человека, к которому она прониклась искренней симпатией, серьезное неизлечимое заболевание.

— Какие-то странные у него симптомы, — засомневался Анатолий. — Не похоже на гипертонический криз. Нужно обсудить диагноз с лечащим врачом и сделать повторные анализы, может, клиническая картина прояснится.

— Это вы — врачи — странные, — обрадовалась за сладкую парочку Ангелина. — Болеет пациент — плохо, выздоравливает — тоже плохо. Сколько было случаев, когда ставились ошибочные диагнозы и вместо аппендикса вырезали железы.

— А вместо обрезания делали кастрацию, — хохотнул Анатолий. — Давай-ка лучше одевайся побыстрее, а то мы и через час в больницу не успеем.

— Бегу, бегу, — Ангелина проглотила остатки кофе и выпорхнула из-за стола, как юркая розовая птичка.

— Спасибо за завтрак, — Анатолий поблагодарил хозяйку. — Век бы столовался в этом доме.

— Катя, — переодевшаяся Ангелина вернулась на кухню с чужим мобильником. — Твоя трубка звонит. Ответь сама.

— Кто там? — Катя взглянула на дисплей; номер не определился. — Наверное, Танька.

Но это оказалась не Танька. Звонил адвокат Виктора Каррераса, которому Илья дал вчера свою визитку со старым номером мобильного телефона, и сообщил сногшибательное известие: Виктор Каррерас исчез из апартаментов, в которые его вселили!

— Как? — кричал в трубку Илья. — Куда он мог пропасть? Мы же с тобой договорились, что ты с него глаз не спустишь!

— Прос-с-стите-с-с, — присвистывал адвокат. — Я так вс-с-се и делал-с-с. Привез его, спать уложил, сам в коридоре на топчанчике притулился. А наутро баба Зина пришла завтрак готовить. Она меня разбудила, и выяснилось, что в туалете кончилась туалетная бумага. Господин Каррерас еще спал, и я решил добежать до ближайшего универсама, заодно и пивка для поправки здоровья купить. Я всего-то на полчаса отлучился. Вернулся, пошел Виктора будить, а кровать пустая и вещей нет.

— Болван! — ругался Голубев. — Ты его проспал! Он мимо тебя прошмыгнул, а ты спяну и не заметил.

— Нет! — обиженный адвокат тоже повысил голос. — Он дрых без задних ног, от его храпа хрусталь на люстре дребезжал. Баба Зина — свидетель, когда я в магазин уходил, господин Каррерас продолжал носом рулады выдувать!

— Это он прикидывался спящим, — Катя стойко уверовала в злой гений шоколадного зайца. — А сам ловил момент, чтобы обтяпать свое черное дело!

— Зачем Виктору скрываться от адвоката, — недоумевала Ангелина. — Он его нанял, он заинтересован в быстрейшем разрешении дела. Это мы тянули волюнку, разрабатывая хитроумные стратегические планы совместного наступления по всем фронтам.

— Виктор раскусил, что я перекупил адвоката, — догадался Голубев.

— Интересно, когда, во сне что ли? — усомнился Анатолий. — Ему его Вуду-шмуду явился и предупредил, что бежать нужно подальше, а то баба Зина одерет с зайчика шкуру и жаркое приготовит.

— У тебя есть другие версии? Тогда поделись с нами, неразумными, будь другом, — съязвил Голубев.

— Илюха, не злись, — Анатолий похлопал Илью по плечу. — Просто мне показалось поведение Виктора нелогичным. Давай так сделаем: сперва мы с Ангелиной

проведаем Платона Платоновича и Виолетту Павловну, а на обратном пути заскочим к бабе Зине, осмотрим апартаменты. Обычно люди бесследно не исчезают. Всегда остаются какие-нибудь улики. А они, быть может, выведут нас на след Каррераса.

— Прости, Толян, — извинился Голубев. — Нервы совсем сдают, будто и не отдыхал две недели в райских тропиках. Ты прав. Но мне-то чем заняться? Давай уж, возглавляй, раз взялся.

— У тебя, Илюха, будет самая главная должность. Ну, разумеется, после меня. Ты у нас будешь главным связным. Раз ты всех дезориентировал с номерами своего мобильного, сиди на связи. Может, Танька позвонит, может, Каррерас объявится, а может, еще какие новости на твою счастливую голову свалятся, — руководил Анатолий.

— А мне что делать? — обиженно пискнула забытая и разжалованная разведчица Катя.

— А ты, Катюша, будешь самой главной, разумеется, после меня, — передразнила Анатолия Ангелина. — Следи за Голубевым и, если он надумает еще чего отчебучить, звони мне, звони Анатолию, мы сразу же прилетим и стреножим нашего попрыгунчика.

— Пока, ребята, — засмеялся Анатолий, выпроваживая Ангелину в прихожую. — Надеюсь, что вы с пользой для себя употребите свободное время.

— Хоть посплю по-человечески, а то после дивана позвоночник занемел, и шея со скрипом гнется, — пожаловался Илья.

— А я пирожков с капустой напеку, — улыбнулась Катя. — Все-таки гостей ждем... У меня нервы успокаиваются, когда я стряпней занимаюсь..

— Ну-ну, — констатировал Анатолий. — Я рад, что мы с полуслова понимаем друг друга.

— Как ты думаешь, дорогой, — уже в машине зада-
ла вопрос Ангелина, — зачем Каррерасу ресторан Голу-
бева? Он же не нищий, у его семьи и так несколько рес-
торанов на Бали... К чему вся эта свистопляска? Неу-
жели он такой алчный?

— Когда-то, — Анатолий сам сел за руль и завел ма-
шину, — мой профессор рассказал, что самая большая
скряга Генриетта Хоулэнд Грин хранила на своем бан-
ковском счету 31,4 миллиона долларов, но сама всю
жизнь питалась холодной овсянкой, экономя на разо-
греве пищи. В 1996 году ее имущество оценивалось в
816 миллионов долларов, а ее сыну вынуждены были
ампутировать ногу, из-за того, что его мать слишком
поздно поместила его в бесплатную больницу.

— К чему ты это мне говоришь? — Ангелина пыта-
лась проникнуть в глубину его мысли. — Ты считаешь,
что Виктор Каррерас тоже скряга, и им движет безу-
держная алчность?

— Вовсе не обязательно, — философствовал Анато-
лий. — В этой, казалось бы, примитивной истории ка-
ждый волен выискивать свою мораль. Ты посчитала,
что это был рассказ о человеческой алчности. Я по-
считал, что это демонстрация человеческой глупости.
А наш гастроэнтеролог доказывал, что старушка вела
правильный образ жизни, питаясь замоченной в хо-
лодной воде овсянкой. Теперь даже есть такие модные
диеты, основанные на сыроедении.

— Но ее сын потерял ногу, — напомнила Ангелина
роковые последствия алчности, глупости и модной диет-
ологии.

— Минус тебе, как бывшему психологу, — указал ей
Анатолий, отъезжая от дома Голубева. — Ты поддалась,
охватившему тебя праведному гневу и забыла, что
жертвами становятся те, кто позволяют собой мани-
пулировать.

— Теоретически ты прав, — неожиданно легко согласилась с ним Ангелина, лукаво прищурив глаза. — Но практически ты — сам жертва манипуляций своего друга-экстремала.

— Ловкий ход, — похвалил ее Анатолий. — Счет сравнялся: один — один. Но Илюхе я помогаю не из-за того, что поддался на его манипуляции или пожалел бывшего друга детства. Мне самому крайне интересно, чем же закончится его борьба с претендентом на чужое добро. Понимаешь ли, я — человек иного склада. Хирургу дозволяется идти на риск только в самом крайнем случае. Вот я и выделяю адреналин за счет Илюхиных приключений. Так что неизвестно, кто кем манипулирует.

— Да, дорогой, — у Ангелины округлились глаза, — что ни час, то новое открытие. Оказывается, ты не столько маньяк, сколько извращенец!

— Ух ты! — подпрыгнул за рулем Анатолий. — Какой изысканный комплимент. Вот кто бы другой на тебя обиделся, а я — нет, я в восторге!

— С кем я связалась, — вслух сама себя корила Ангелина. — Мой жених тащится оттого, что распутывает чужие проблемы, которых сам стремится избегать.

— А тебя бы больше устроило, чтобы меня вместо Голубева похищали накануне свадьбы, или чтобы я, как Илюха, проиграл все свое не слишком дорогостоящее имущество?! — Анатолий пытался осознать, по какому поводу убивается его невеста.

— Вовсе нет! С Голубевым я бы и дня рядом не прожила. Я сама — взрывоопасная штучка, а с Илюхой мы составили бы отличный набор юного террориста — динамит с детонатором, — Ангелина передернула плечами, воочию представив красочную картинку.

— А со мной? — вкрадчиво, но с подвохом спросил Анатолий, приревновав, что лавры зажигательного партнера достались другу детства.

— А с тобой, — Ангелина многозначительно погладила его колено, и машина тут же отреагировала, вильнув к обочине. — А с тобо-о-ой, — снова протянула она, — мы как неразлучные герои — Шерлок Холмс и доктор Ватсон.

— Меня терзают смутные сомнения, — заерзал на сидении Анатолий. — Шерлок Холмс и доктор Ватсон — оба были мужчинами...

— Ах ты, чудовище! — набросилась на него Ангелина, раскусив, к чему он клонит.

— А ты — мой сверкающий ангел, — с хрипотцой в голосе ответил жених.

Анатолий припарковал «ауди» к тротуару, обнял свою невесту и приник к ее губам долгим волнующим поцелуем, от которого Ангелина таяла и становилась шелковой и безропотной. По части поцелуев Анатолию не было равных, он покори́л ее в первый же вечер их бурного знакомства. Ангелина просто не смогла отпустить от себя мужчину, называвшего ее сверкающим ангелом и целующимся так божественно и неповторимо. Вот и теперь он прикоснулся к ее губам, она трепетала и ждала, не закрывая глаз. Словно бабочка задела ее невесомыми крылышками, но тлеющий в сердце огонек тут же вспыхнул, обжигая душу пожаром страсти.

— Хочу домой, — захныкала Ангелина.

— Жаль, что твои принципы не позволяют тебе заниматься любовью в машине, — на свой лад переиначил ее высказывание Анатолий.

— Если бы на улице было тепло и темно, если бы мы были где-нибудь на природе, если бы я была сопливой девчонкой... — взялась перечислять все «если» принципиальная женщина.

— Ладно, поехали, — Анатолий снова завел машину. — Скорее рак на горе свистнет, чем ты пойдешь на поводу естественных человеческих желаний.

— Ты думаешь, к чему ты призываешь человечество? — улыбнулась ему упрямая пуританка. — Тебя послушать, так всем нужно разрешить совокупляться где угодно и с кем угодно.

— Не-е-ет, не передергивай. Я ни к чему не призываю человечество, — покачал головой Анатолий. — Я призываю только одну тебя...

Сердце Ангелины бешено заколотилось, гортань стиснуло огненным обручем. Она сглотнула слюну, чтобы унять волнение и не повернуть машину, вопреки всем дурацким правилам и принципам, в ближайшую глухую подворотню. Но совесть и долг в который раз взяли верх над плотью, правда, она поклялась себе, что вечером сполна наверстает упущенное. Такими мужчинами, как ее Анатолий, нельзя пренебрегать!

Они быстро добрались до районной больницы и еще издаലെка увидели броский малиновый «гольф» Виолетты Павловны, чрезвычайно падкой до всех оттенков красного цвета. Ангелина вспомнила, какое впечатление произвела на нее сиятельная дама при первой встрече, когда они условились показать Виолетте Павловне квартиру Платона Платоновича. На встречу с агентом недвижимости клиентка явилась с тщательно уложенными кудрями, выкрашенными в красный цвет, подведенными глазами, бровями, нарумяненными щеками, алыми губами, лаком на ногтях в тон помады, в красном берете, красном шарфике, красных перчатках и красных лакированных сапожках. Но активность и оптимизм, исходящие от энергичной пенсионерки, так органично сочетались с ее экстравагантной внешностью, что эффект красного дня календаря очень быстро исчез, сменившись ощущением праздничного фейерверка. Недаром Платон Платонович, влюбившись в Виолетту Павловну с первого взгляда, окрестил даму сердца «клубничкой со сливками».

ми». Крутобедрая, большегрудая Виолетта Павловна, словно пава, выступала рядом с Платоном Платоновичем, а он, худощавый и спортивный, млея и наслаждался обретенным фигуристым счастьем. В отличие от Кати и Ильи скоропалительная свадьба пенсионеров была оправдана долгими годами одиночества и траура по умершим супругам. И теперь, когда «сладкая парочка» нуждалась в помощи, Ангелина готова была прилететь с другого конца света и горы для них свернуть. Не потому, что они по-прежнему оставались ее клиентами, нет, Ангелина чувствовала редкую искренность этих немолодых людей. Они оба были исключительно порядочными, и только рядом с ними Ангелина сбрасывала маску деловой женщины и чувствовала, как очищается ее душа.

Выскочившая навстречу Виолетта Павловна всплакнула на груди у Ангелины. Величественная матрона чуть подрастеряла лоск и уверенность — внезапная болезнь мужа несколько выбила ее из колеи — но старалась держать марку, чтобы Платоша в ней не разочаровался.

— Как мальчишка, как мальчишка! — эмоционально твердила она, рассказывая про его поездку в Елкино. — Зачем, скажите на милость, такие подвиги?! Это в его-то возрасте...

— Любви все возрасты покорны, — отозвался Анатолий строчкой из классики.

— Да, да, конечно, — согласилась с ним зардевшаяся от удовольствия Виолетта Павловна, кокетливо поправляя огненные буколки.

— Из-за чего же он так перенервничал? — пожимала плечами Ангелина. — Документы на дом были в идеальном порядке. Я перед отъездом сама все проверяла. Нужно было лишь еще раз все осмотреть, дать принципиальный ответ и подписать предварительный договор.

— А может, он от радости перевозбудился и не справился с эмоциональным всплеском? — по многолетнему врачебному опыту Анатолий знал, что люди попадают в больницу не только вследствие горя или стрессов. — Сам-то Платон Платонович вам что-нибудь рассказал?

— Как же?! Дождешься от него! — ворчала Виолетта Павловна. — Он ведь у меня, как мальчишка, как мальчишка, — повторяла она с мокрыми от сантиментов глазами.

Седовласый мальчишка лежал на больничной койке с виноватой улыбкой на бледных губах. Самостоятельный мужчина не привык, чтобы вокруг него бежали и суетились, собирали консилиумы и возводили в ранг «пупа земли». Платон Платонович мял уголок пододеяльника с черным казенным штампом на застиранной ткани и смущенно отводил глаза.

— Анатолий, Ангелина! Ну зачем же вы беспокоились... Неловко даже. Это моя королева ради меня переполошила всех родственников и друзей. — Их визиту Платон Платонович искренне обрадовался, Анатолию пожал руку, галантно приник губами к Ангелининой ручке.

— Я вижу, вы молодцом держитесь, — похвалил старика Анатолий. — Жалуетесь на что-нибудь? Может, беспокоит что? — профессионально расспрашивал он, прощупывая пульс больного.

— Жалуюсь! — сознался Платон Платонович. — На жену свою жалуюсь! Ну, прихворнул чуток, с кем не бывает, а она уже вся извелась, с лица спала, с тела исхудала. Вы поругайте ее, доктор, а лучше успокоительное ей пропишите.

— Обязательно, — пообещал ему Анатолий. — Ее поругаем, вас полечим! Мы еще с Ангелиной на вашем новоселье не гуляли, так что поправляйтесь быстрее. Нуж-

но все болезни оставить в старом году и к празднику быть как огурчик.

— Да я же здоров! — хорохорился Платон Платонович. — И выписаться готов хоть сейчас. Не знаю, чего ради меня здесь держат!

— А это я сейчас выясню у вашего лечащего врача. И если он проявил халатность, напому ему о клятве Гиппократы, — отшучивался Анатолий, поддерживая оптимистичный настрой Платона Платоновича. — Я ненадолго вас покину, а вы пообещайте, что не будете обольщать мою невесту. Виолетта Павловна, глаз с них не спускайте.

— Иди уже, балагур, — Ангелина подтолкнула Анатолия в спину. — От твоих шуточек у здорового через пять минут голова кругом идет, а тут больница...

— Когда генерал веселый, солдату помирать легче, — посмеивался вместе с Анатолием Платон Платонович.

— Я тебе дам, помирать! — пригрозила ему пальцем, словно маленькому ребенку, Виолетта Павловна. — Для чего же я тогда замуж выходила?!

— Не переживай, моя клубника со сливками. Такие красавицы долго в девках не засиживаются! — успокоил жену Платон Платонович. — Я тут по телевизору передачу про негров смотрел. Так у этих басурман женщины руководят племенем и раз в год продают, покупают или обменивают мужчин, будто товар.

— А у этих паразитов все не как у людей, — отозвалась грузная уборщица, размазывая по полу грязь дырявой тряпкой, намотанной на облезлую швабру. — У меня сосед по лестничной площадке — адвокат. Сам у жены живет, а свою квартиру отремонтировал и сдает заезжим клиентам. Я за квартирой присматриваю, убираюсь, продукты запасая, когда попросят — готовлю. Так вчера мой шустрик негра двухметрового приволок.

А я этих брюнетов шоколадных боюсь, как черт лада-на. Они, говорят, у себя на родине людей лопают, — уборщица даже перекрестилась от страха. — Утром я, точно мышка, прошмыгнула на кухню, шуршу себе тихонечко, завтрак негру делаю, а сама едва дышу. Вдруг он войдет, что делать?! Я так разволновалась, даже запела, чтобы успокоиться. Завтрак на поднос поставила, постучала в дверь спальни, а негр сбежал и денег за ночь не оставил. Вот какие негры непорядочные, недаром я их терпеть не могу! — уборщица добросовестно размыла старую грязь, загнав потоки воды под панцирные кровати больных, и ушла в палату напротив.

— Что-то Анатолий запропастился... Пойду его поищу, а то мне еще на работу нужно успеть. — Ангелина выскочила за уборщицей и плотно прикрыла дверь.

— Баба Зина, — позвала она женщину.

— Ну-у-у, — ответила та, — для кого баба Зина, а для тебя, молодка, Зинаида Порфирьевна.

Пришлось Ангелине посвятить Зинаиду Порфирьевну во все тонкости дела Голубева. Смиловитившаяся баба Зина качала головой, жалея несчастного Илью, и по чем свет кляла коварного негра.

— А когда вы в квартиру утром пришли, постоялец ведь еще спал? — уточняла Ангелина.

— Ну-у-у, — соглашалась баба Зина.

— Может, вы его чем-нибудь напугали? Отчего он так поспешно скрылся? — допытывалась она у раскрасневшейся уборщицы.

— Чем я могла его напугать?! — баба Зина одернула передник. — Я сама его боялась. Но у нас в станице, где я выросла, казачки, когда им было страшно, всегда напевали что-нибудь веселое. Это наш старинный рецепт...

— И что же вы пели, баба Зина? — с дрожью в голосе спросила Ангелина.

— Мою любимую песню, — польщенная вниманием баба Зина загорланила на всю больницу: — Черноглазая казачка подковала мне коня. Серебро с меня спросила, труд не дорого ценя. «Как зовут тебя, молодка?» — а молодка говорит: «Имя ты мое услышишь из-под топота копыт». С той поры хоть шагом еду, хоть галопом поскачу: «Катя, Катя, Катерина...» — неотвязное шепчу. Что за бестолочь такая, у меня ж подруга есть. Только Катю, словно песню, из груди, брат, не известь.

Глава 8

Вот так концерт! Ай да баба Зина! Сама того не ведая, она так напугала Виктора Каррераса, что шоколадный заяц сбежал из адвокатских апартаментов как дезертир с поля боя. Первый раз в жизни Ангелина встречала такого впечатлительного мужчину. Хотя чего тут удивительного, если весь род Каррерасов без прогноза доверенного колдуна шагу ступить не может. И старшая сестра Виктора слепо верила в свою певческую карьеру, и сам Виктор, наверное, возомнил о себе, что ему все дозволено с благословения Вуду. Великолепный культ: принес жертву кровожадному божеству и получай индульгенцию на все прошлые и будущие грехи. Вот тебе и Вуду-шмуду, как шутил Анатолий. Однако шутки шутками, а Виктора придется разыскивать, нельзя же упускать врага из виду, иначе он соберется с силами и нанесет ответный удар. А зная тактику Виктора, вряд ли можно было рассчитывать на честный мужской поединок. Скорее уж это будет удар исподтишка или в спину.

Одно радует, что его исчезновение было стихийной реакцией на бравурное пение перепуганной казачки

бабы Зины. Из этого следовало, что противник ничего заранее не планировал, что он растерян и дезориентирован и сейчас, скорее всего, отлеживается в ближайшей гостинице. Нельзя терять ни минуты, нужно срочно бросаться в погоню, пока Виктор не очухался, не созвонился со знакомыми и не укрылся у каких-нибудь студенческих друзей.

Где же Анатолий? Куда он так не вовремя запропастился? Ангелина металась по коридору, заглядывала во все палаты, извинялась перед пациентами и, наконец, за очередной раскрытой дверью обнаружила его мирно беседующим с молодым коллегой.

Анатолий листал историю болезни Платона Платоновича, а покрасневшийся врач тыкал в бумаги пальцем, указывая на что-то заслуживающее пристального внимания.

— Я тоже так думаю, — согласился с ним Анатолий, оторвался от бумаг, поднял голову и заметил растерянную Ангелину. — Дорогая, познакомься, мой коллега Сергей Семенович. Сергей Семенович, разрешите вам представить мою невесту Ангелину Станиславовну.

Официально отрекомендованный Сергей Семенович вышел из-за стола навстречу даме. Врач, только недавно окончивший аспирантуру и определившийся на работу в кардиологическое отделение, выглядел, как мальчишка, случайно забредший в районную больницу. Ангелине он напомнил молодого Александра Демьяненко в роли Шурика из кинофильма «Кавказская пленница». Он смущался перед дамой, переминался с ноги на ногу, покашливал и постоянно одергивал полы жестко накрахмаленного белоснежного халата. Ангелина сразу поняла, что он не женат и живет вместе с мамой, которая неусыпно следит за внешним видом единственного сына.

— Очень приятно, — Ангелина кокетливо улыбнулась и вопросительно уставилась на погруженного в бу-

маги жениха. — Дорогой, — еле сдерживая себя, обратилась она к Анатолию, — мне необходимо срочно сообщить тебе очень важную новость.

— Присядь на минутку, — попросил ее Анатолий. — Я уже заканчиваю. Это не менее важные сведения.

— Будьте любезны, налейте мне водички, — Ангелина заметила в углу кабинета пластиковую бутылку с минеральной газированной водой. — А то у меня в горле пересохло.

Доктор Сергей Семенович ради нее вылил в раковину недопитый чай из граненого стакана в оловянном вите подстаканнике, тщательно сполоснул его и налил даме воды. Последний раз Ангелина видела такие стаканы в поезде Санкт-Петербург — Волгоград, когда ездила в гости к родителям. Но это было еще до Бали, и, хотя прошло всего каких-то три недели с момента расставания, Ангелине взгрустнулось, в глазах защипало, а пузырьки газа, выстреливая из стакана в лицо, защекотали в носу, вызывая слезы и чихание.

— Весьма и весьма интересно, — призадумался над прочитанным Анатолий. — Значит, как мы и договорились, вы сообщите мне о результатах анализов, как только они поступят из лаборатории. Звоните мне на мобильник, Сергей Семенович, не стесняйтесь, я буду ждать вашего звонка. Платон Платонович мне почти как родственник. И если наши с вами подозрения подтвердятся, я буду принимать серьезные меры. А по поводу института я замолвлю за вас словечко. Вы толковый врач и вам нужно заниматься не только чистой наукой, но и карьерой. Поверьте мне, Сергей Семенович, стеснительность здесь излишня. Скромников любят и уважают, нагружают работой выше головы, но кресла, как правило, занимают наглецы с гибкой спиной и острыми локтями.

— Да, да, да, — как китайский болванчик кивал Анатолий Сергей Семенович. — Позвоню, сообщу, проверю, — повторял он, еще больше краснея.

— Хороший парень, — отозвался о нем Анатолий за дверями кабинета, — чуткий, внимательный, и к людям расположен со всей душой. А у нас ведь как: увидят, что скорая пенсионера привезла с подозрением на гипертонический криз, сразу начинают лекарствами усиленно пичкать и вены капельницами дырявить, а про анализы в редких случаях вспоминают. Будто бы у пожилых, кроме сердца и давления больше никаких проблем не бывает...

— Тебя что-то настораживает, — догадалась помрачневшая Ангелина. — У Платона Платоновича неизлечимое заболевание...

— Отнюдь! — довольно оптимистично ответил Анатолий. — У нашего любимого Платона Платоновича на редкость здоровый и крепкий организм.

— Уф! — с облегчением выдохнула Ангелина. — Нужно обрадовать Виолетту Павловну, а то она от переживаний худеть начала.

— Не торопись, — ухватил невесту за рукав Анатолий. — Пускай Платон Платонович еще недельку в больнице отдохнет. Анализы сдаст, на физиотерапию походит, флюорографию сделает. Пусть обследуется вдоль и поперек, раз уж такой случай представился. Я сам успокою нашу красавицу Виолетту Павловну, тем более что кризис, действительно, миновал. А в больнице...

— Договаривай, договаривай, раз уж начал, — пыталась Анатолия любопытная невеста. — Что в больнице? Что?!

— В больнице Платон Платонович будет в полной безопасности, пока я разберусь с некоторыми странными вещами, — прошептал ей на ухо Анатолий.

— Ему кто-то угрожал? — Ангелина вцепилась в Анатолия, как гончая в заячий хвост. — На него кто-

то покушался? Он по этой причине оказался в больнице?

— Тш-ш-ш, — шикнул на нее Анатолий. — Все после. А сейчас мило улыбайся, чтобы стариков не расстраивать. А вот и мы, — Анатолий распахнул дверь палаты, где его и Ангелину дожидалась «сладкая парочка».

— Ну, как дела у моего Платоши?! — дородная Виолетта Павловна кинулась к Анатолию. — Говорите честно, ничего от меня не скрывайте!

— Через недельку наш путешественник будет здоровее здорового, — сдерживая натиск «клубники со сливками», сообщил Анатолий. — Я лично буду контролировать лечение Платона Платоновича.

Виолетта Павловна царственно троекратно расцеловала гонца, принесшего радостные вести, гордо осмотрелась вокруг, довольная произведенным эффектом, поправила сползшее набок одеяло, подоткнула концы выбившейся простыни под матрац и села на стул поближе к драгоценному супругу.

— К сожалению, — извинялся Анатолий, — нам с Ангелиной нужно на работу, мы не можем побыть с вами, но мы будем вас часто навещать.

— Безусловно, — поддакнула жениху Ангелина.

— Но у меня к вам есть один вопросик, Платон Платонович, — глаза Анатолия азартно блеснули. — Так, для полноты картины... Не могли бы вы припомнить, что вы кушали в день поездки в Елкино?

— На завтрак я его кормила овсяной кашей, свежим обезжиренным творогом, бутербродами с сыром и кофе без кофеина, — отчиталась перед врачом Виолетта Павловна.

— А вне дома? — уточнил Анатолий. — Может, пирожки на станции покупали или в кафе какое-нибудь заскакивали?

— Нет, — помотал головой Платон Платонович. — Я только домашнююстряпню уважаю и никакие пирожки или хот-доги с гамбургерами за еду не признаю. Утром я плотно позавтракал с женой, потом доехал до Елкино, осмотрел дом, подпол, веранду. Вы же знаете, что я фикусы развожу, поэтому мне нужно место под оранжерею, удобрения, инвентарь. Дом мне понравился, стоит в сторонке, там и земельный участок побольше и до соседей подальше. Хозяйка честно призналась, что ей жалко расставаться с обихоженым гнездышком. Но ее сын много работает, мать ему проводывать некогда, поэтому приходится выбирать между домом и сыном. Да и деньги лишними не бывают, а дом, хоть и справный, но свою копейку тоже требует, то крышу починить, то колодец почистить, то баньку подрубить, то дрова заготовить. Мы с ней посидели, чай попили, потом у нее в печи солянка подоспела. Она хорошая хозяйка, но...

— Что — но? — ревниво переспросила мужа Виолетта Павловна, предполагая, что хозяйка дома пыталась ухлестывать за ее Платошей.

— Не переносу сплетничать про женщин, — поморщился Платон Платонович. — Но она такая страшная, прямо как баба-яга. У меня в детстве книжка была с картинками, так Ольга Ивановна вылитая ведьма из сказки: мелкая, сухая, сгорбленная, нос крючком, глаза пуговками, волосы паклями, руки загребушие... Хромает, словно у нее и впрямь костяная нога! Я, когда ее увидел, оторопел, перепугался как в детстве, аж сердце затрепетало. А потом ничего, разговорился, присмотрелся, не Софи Лорен, конечно, но жить можно.

— Вы мне все рассказали? Ничего не забыли? — Анатолия совершенно не интересовала внешность продавщицы дома. Его интересовало то, что кушал пациент в тот день.

— Забыл! — воскликнул осененный Платон Платонович. — Склероз проклятый! Я забыл, что на обратном пути на станции покупал минеральную воду в бутылке. После солянки жажда мучила. Как она называлась? — напряг память Платон Платонович. — А! Вспомнил! «Святой Источник»!

— Ладно, приму к сведению вашу ценную информацию, — усмехнулся Анатолий, пожимая на прощанье руку пациента.

— Всего хорошего, — Ангелина поцеловала в щечку Виолетту Павловну и Платона Платоновича.

— Милый, — насела она на Анатолия в машине. — Выкладывай все начистоту. Мне совсем не нравятся эти тайны мадридского двора.

— Мне тоже, — задумчиво протянул Анатолий. — Но я сам еще не во всем разобрался. Пока у меня больше предположений, чем фактов.

— Сойдут и предположения. Только не тяни! — требовала Ангелина. — Говори!

— Понимаешь, меня насторожили симптомы, описанные Сергеем Семеновичем в истории болезни нашего фикусовода, — начал рассказ Анатолий. — Вроде бы все признаки гипертонического криза налицо: повышенное давление, чувство тяжести в конечностях, покалывание, онемение, головокружение, легкая тошнота, жар, чередующийся с холодом, мурашки на коже, чуть расширенные зрачки, брадикардия...

— Какая кардия? — не расслышала Ангелина.

— Бра-хи-кар-ди-я, — по слогам повторил Анатолий, — то есть редкое сердцебиение. Но...

— Что — но? — точь-в-точь как Виолетта Павловна спросила жениха Ангелина.

— Налицо и иные, не соответствующие гипертоническому кризу признаки. Сергей Семенович тщательно запротоколировал и разделил эти признаки на не-

сколько пунктов: 1. Изменение визуального восприятия, то есть «расплывание» или «подвижность» поверхностей и предметов, необычное чувство цвета и формы, повышенное воображение. 2. Изменение слухового восприятия: повышенная чувствительность к звукам, искажение речи, ощущение «внутреннего голоса». 3. Изменение осязания и чувства тела, повышенная кожная чувствительность. 4. Изменение вкуса и обоняния. 5. Изменение мыслительной деятельности: расширение сознания, обострение ассоциативного мышления, интуиции, глубокие эмоциональные переживания. Воссоздание в мельчайших подробностях эмоционально значимых переживаний прошлого, включая рождение и даже внутриутробную жизнь с элементами мистического откровения и ясновидения.

— Неужели ты подозреваешь, что Платон Платонович принял какие-то наркотики? — как бывший профессиональный психолог Ангелина прекрасно знала, с чем соотнести такую симптоматику.

— И не просто наркотики, — заострил внимание Анатолий, — а галлюциногены или психотропные вещества.

— Вау! — Ангелина сунула в рот жвачку, чтобы перебить тошноту, возникшую после посещения больницы. — Хочешь? — она предложила мятные подушечки жениху. — Меня всегда мутит от запаха лекарства.

— Как правило, после приема галлюциногенов или психотропных веществ у людей в первую очередь изменяется восприятие окружающего мира. Усиливается периферическое зрение, по краям поля зрения обычно возникает некое движение, шевеление. Изменяется цветоощущение: цвета становятся более яркими и насыщенными. Ощущение перспективы также меняется: параллельные линии кажутся сходящимися, дальние предметы могут казаться крупнее близких. При-

мерно через час обострение в ощущениях достигает пика. При закрытых глазах в поле зрения возникают видения в виде калейдоскопических узоров, концентрических кругов, переливов цветов, замысловатых форм. Мышление претерпевает катастрофические изменения. Разрушается граница между внутренним «я» и внешним миром. Окружающие предметы оживают и приходят в движение. Логическое мышление отступает на задний план. Человек с трудом думает, бессвязно говорит и не может решить простейшую логическую задачу. При общении с другими людьми его реакция становится неадекватной. То есть других-то он понимает как прежде, но ответить внятно и разумно не в состоянии. В учебниках, научных трудах и книжках по психологии описаны переживания ужаса, витальной тоски, ощущения бессмысленности жизни, приступы беспричинной агрессивности. В итоге имеем случаи самоубийств и убийств во время приема препаратов и последующие несколько суток. Иногда, наоборот, человека беспричинно охватывает ощущение сверхсчастья, близости к Богу, неизъяснимого восторга. Примечательно, что эйфория, ну, скажем, присуща духу, а телу от этого ни холодно ни жарко. Да и аффекты, даже сильные, активными телодвижениями не сопровождаются, по крайней мере, в большинстве случаев...

— Хватит! Хватит! — Ангелина замахала руками и остановила Анатолия, оседлавшего свой любимый конек. — Я помню, что ты еще со студенческих времен бредишь и сходишь с ума по редким ядам, наркотикам и всяческой экзотической гадости, превращающей нормального человека в преступника, зомби или раба. Не нужно пичкать меня научными терминами. Мне это все равно ни о чем не говорит, а только нервирует. Лучше переведи все сказанное на человеческий язык, —

попросила Ангелина, напуганная словами: неуправляемая агрессия, самоубийство, близость к Богу...

— Милая, я на девяносто девять и девять десятых процента уверен, что Платон Платонович попал в больницу из-за последствий приема галлюциногенных или психотропных препаратов, — растолковал Анатолий. — Сергей Семенович сразу после поступления пациента отметил несвойственные больным с гипертоническим кризом выражение восторга и счастья на лице Платона Платоновича. Обычно пациенты боятся последствий криза, а иначе, страшатся за свою жизнь. Они депрессивны, угнетены морально, а Платон Платонович не какую-то ахинею про распустившиеся голубые фикусы, про покупку дачи на Луне и про жену, у которой на спине растут крылышки. Он беспричинно хохотал — как говорят наркоманы, «его на смех пробрало». И... — Анатолий выдержал многозначительную паузу, — Сергей Семенович сказал, что у Платона Платоновича наблюдалось сильнейшее сексуальное возбуждение.

— Про сексуальное возбуждение ты выдумал, — не поверила Ангелина. — Как всегда, хотел меня разыграть... Да?

— На такие темы я никогда не шучу. Клянусь, что говорил правду и ничего, кроме правды, — Анатолий выразительно постучал себя по левой половине груди. — Эта тема для меня святая. Пусть на меня обрушится кара бога Эроса со всеми вытекающими последствиями, если я тебе солгал, — он наклонился к невесте и поцеловал ее в уголок губ. — Поехали домой, а то я по тебе соскучился. Ты как вышла утром на кухню в розовом халате и в розовых тапочках, не женщина — ангел, вся такая нежная и цветущая, у меня аж зубы свело и в глазах потемнело. — Анатолий завел машину, не сводя с Ангелины голодного горящего взгляда. — Домой, да?

— Нет! — во весь голос закричала опомнившаяся Ангелина.

Анатолий с испугу разжал пальцы на баранке.

— С тобой все в порядке?

— Я забыла! Я такое узнала! — выпалила Ангелина. — Я узнала, почему Виктор Каррерас сбежал из апартаментов адвоката...

— Когда это ты успела? — Анатолий неуверенно улыбнулся, решив, что ее реплика — ответный розыгрыш.

— Пока ты беседовал с Сергеем Семеновичем, я завербовала нового секретного агента — бабу Зину, которая по совместительству работает уборщицей в той же больнице, куда доставили нашего Платона Платоновича, — отчиталась перед женихом Ангелина. Теперь пришла пора рассказа о сольном концерте бабу Зины и особенностях ее исполнения полюбившейся Виктору песни о черноглазой казачке.

Анатолий хохотал до колик в животе. От вибрации даже двигатель заглох.

— Ха-ха, — передразнила его Ангелина. — Мне тоже было смешно. И я бы не отказалась побывать на том концерте и даже наградила бы бабу Зину бурными продолжительными аплодисментами. Но где теперь искать Виктора Каррераса...

— Это я возьму на себя, — добровольно вызвался Анатолий. — У меня есть пациент, работающий в сети гостиничного бизнеса, для него выяснить местонахождение клиента — пара пустяков. Я сейчас же с ним свяжусь. — Анатолий набрал по мобильнику номер своего знакомого, но девушка с писклявым голосом доложила, что тот на совещании и будет после шестнадцати часов. — Вот и отличненько! Есть время вздремнуть. А если ты опоздаешь в агентство на пару часиков, я тебе наглядно продемонстрирую, что бог Эрос очень

милостив ко всем эскулапам вообще и ко мне в частности.

— Думаешь, откажусь? — провоцировала его Ангелина. — И не надейся. Я дам тебе пару часиков и сама продемонстрирую, как милостива богиня Афродита ко всем агентам недвижимости и ко мне в частности. Поехали домой! Быстрее! — скомандовала она, намереваясь принять душ и снять с себя одежду, насквозь пропахшую больницей.

Два сердца бились в унисон в одной летящей на крыльях любви машине. Зеленая волна светофоров сопровождала им, поощряя прекрасное стремление. «Ауди», превратившаяся в колесницу любви, не попала в пробки, избежала притаившихся в засаде гаишников и преодолела половину города за каких-то полчаса.

Анатолий припарковал машину под окнами Ангелины и ринулся в парадную.

— А сумки?! — вернула его назад невеста. — Откройвай багажник и тащи все наверх!

— Может, попозже? — с робкой надеждой в голосе попросил Анатолий.

— Нет! Мне нужны мои вещи, косметика и одежда. Оставь только сувениры для девчонок, — распоряжалась Ангелина, в нетерпении постукивая ногой об ногу.

— С приездом, Ангелина Станиславовна! Доброго вам здоровьичка, Анатолий Дмитриевич! — услышали они за спинами голос соседки. — Дик! Стоять! Нельзя! Фу! — кричала она большущему, словно теленок, сенбернару, прыгнувшему с разбегу в раскрытый багажник «ауди». — Я ж тебя, нехристь непослушный! — тщедушная старушка нырнула вслед за собакой, болтая ногами в суконных ботах, но игривый сенбернар забрался вглубь багажника и задышал так, что машина закачалась, будто на заднем сиденье резвилась па-

рочка любовников. — Вылезай! Тебе говорят! — старушка нащупала в густой шерсти ошейник, вцепилась в него обеими руками и потянула на себя со всей силой, на которую была способна в своем преклонном возрасте. — Раз-два, взяли, еще взяли! — дергала она лежащую собаку, словно бурлаки на Волге — застрявшую на мелководье баржу. — Сейчас я его вытащу, уже поддается, — успокаивала она Анатолия и Ангелину. — Раз-два, взя... — кожаный ошейник лопнул, старушка, не успев ойкнуть, выпала из багажника на обледенелый асфальт. — Чтоб тебя черти разодрали, мешок безмозглый! — ругала она своего упрямого питомца. — Помогите мне, пожалуйста, подняться.

Но Анатолий уже склонился над замученной домашним любимцем соседкой, подхватил ее под мышки и поставил на ноги.

— Кажется, я сломала ногу, — прошептала побледневшая женщина и, потеряв сознание, повисла на руках Анатолия.

— Только ее-то нам и не хватало! — пробурчал Анатолий и уложил обратно в багажник обмякшее старушечье тело. — Ангелина, — приказал он растерявшейся невесте, — залезь в машину, достань из аптечки нашатырь, валидол и стрихнин.

— Какой стрихнин? — опешила Ангелина.

— Для собаки, надо отравить это бесполезное, более того, зловредное существо, — объяснил Анатолий.

— Но здесь ничего из того, что ты просил, нет! — выкрикнула из салона машины Ангелина.

— И быть не должно! — рассердился врач. — По поводу стрихнина я пошутил! Ты слышала что-нибудь про черный юмор? Давай, тащи нашатырь и валидол! Быстрее, чего копаешься!

— В аптечке нет ни валидола, ни нашатыря, — повторила Ангелина. — Здесь вообще нет никаких лекарств!

— А что есть? — Анатолий почувствовал себя полным идиотом.

— Только презервативы, — краснея, прошептала Ангелина.

— Что? Что? — не расслышал Анатолий.

— Презервативы, — громче ответила она.

— Ты надо мной издеваешься? — он выпрямился в полный рост и грозно скрестил руки на груди.

Ангелина подошла к нему с раскрытой аптечкой и сунула под нос найденные противозачаточные средства в неимоверном количестве, всевозможных сортов и расцветок.

— Сдается мне, что это сокровище досталось нам в наследство вместе с машиной, — первой догадалась Ангелина. — Да, Голубев, силен! Хотя правильно, зачем ему таблетки, сие средство сразу от всех болезней спасает.

— Ну, Илюха! Я еще докопаюсь до истины. Если он по забывчивости одарил нас годовым запасом резиновых изделий, я его прощу, так и быть. Но если это его очередная хохма, опозорю перед всем миром. Я самолично надую все презервативы, вместо воздушных шариков, и украшу этой гирляндой вход в его ресторан! — Анатолий выбрал жестокий способ мести. — Пусть посетители посмеются над хозяином-недоумком!

— Как там наша старушка? — Ангелина застегнула аптечку, бросила ее обратно в салон машины и подошла к багажнику.

Глупый сенбернар замолотил хвостом, выметая наружу пыль. Ангелина чихнула, Дик раскрыл пасть и лизнул неосторожную дамочку, стерев огромным шершавым языком губную помаду, тональный крем и тушь с левой половины лица. Густая клейкая слюна покрыла нежную кожу, будто маска из замоченного для холода желатина.

— Анатолий! — затопала ногами Ангелина. — У меня сейчас вся кожа облезет!

— Уйди, не мешай! — Анатолий отодвинул ее в сторону и дал чистый носовой платок. — Вытрись, а лучше сбегай домой и умойся. На собачью слюну нередко бывает аллергия, и лицо покрывается зудящей сыпью.

— Ой! — Ангелина кинулась в подъезд. — У меня уже вся кожа чешется!

— Это самовнушение. Вымойся теплой водичкой, а заодно принеси валидолчик, на всякий случай. Кажется, твоя соседка приходит в чувство. А я пока ее ногу прощупаю, — уже из багажника послышался его глухой голос.

Не дожидаясь лифта, Ангелина побежала наверх, отперла квартиру, сиганула в ванну, намылила лицо до ушей и корней волос дважды, даже щеткой потерла, ополоснула теплой и холодной водой, промокнула полотенцем и нанесла толстый слой питательного крема. Из зеркала на нее взглянула розовощекая молодая женщина с очумелыми глазами и растрепанными намокшими кудряшками.

Ничего не скажешь! Хороша! Фурия, а не сверкающий ангел, как в минуты нежности называл ее Анатолий. Кстати, что он просил принести из аптечки? Вроде бы валидол? Хотя какая разница: валидол, корвалол... В ее аптечке, как не ищи, кроме имодиума, который спасал от заставшей врасплах диареи, и анальгина, который вылечивал от всех остальных болезней, не было никаких лекарств. Зато имодиума валялось упаковок десять, столько же пачек анальгина и куча пластырей от мозолей. Ангелина покупала лекарства по пути, при первых симптомах расстройства желудка, головной боли или простуды, принимала одну-две таблетки, а потом за ненадобностью закидывала начатые пачки в аптечку. В ее набитой бумагами сумке не было

места для лишнего, ей самой болеть было некогда, а менять образ жизни и место работы в ближайшее время она не планировала.

Ангелина позвонила в двери квартиры напротив. Соседский подросток Мишка, глянув в глазок, отпер дверь и зачем-то, без слов, сунул ей в руки градусник.

— Мишаня, валидол есть? — спросила Ангелина.

— Чё, кому-то плохо? — веривший в железное здоровье соседки, Мишка сразу сообразил, что лекарство нужно для постороннего человека.

— Ага, — кивнула Ангелина. — Давай, Мишань, подсуетись, а то бабка с сенбернаром помрет в багажнике моей новой машины. Этот теленок Дик заскочил в багажник, она за ним, потом вывалилась и, похоже, сломала ногу.

— Я мигом, — Мишка выхватил у Ангелины градусник, стремглав метнулся на кухню, загрохотал банками и склянками, выбежал с пузырьком корвалола, пачкой валидола и стаканом воды, скомандовал: — За мной! — и побежал вниз, перепрыгивая в кроссовках через две ступеньки. Ангелина в сапогах на каблуках поскакала за ним, рискуя свернуть шею. — Где бабуля? — осведомился у Анатолия Михаил, протягивая врачу воду и лекарства. — Как ее нога?

— Сильный ушиб, но перелома нет, — ответил Анатолий, отыскивая глазами Ангелину. — А ты чего, по моим стопам собрался? — врач имел в виду свою специальность, но Мишка понял его иначе.

— Нет, мне Ангелина не нравится. Она уже старая, как вы. Я в Светку бабкину влюблен. С пятого класса по ней сохну, а она меня считает хулиганом и прогульщиком, — поделился своим секретом Мишка. — Вы это... Когда бабка в себя придет, расскажите ей, что это я оказал ей первую помощь и принес лекарства. Хочу, чтобы Светка меня зауважала... А от уваже-

ния до любви один шаг. Нет, не зря я сегодня дома остался, — радовался своей прозорливости парень.

— Ах ты, поросенок паршивый! — накинулась на Мишку очнувшаяся бабка. — Ах ты, двоечник пусто-головый! Светку ему подавай! А это ты видел?! — бабка скрутила кукиш и сунула его под нос остолбеневшему парню. — Наша-то Светочка с первого класса на одни пятерки учится, а тебя, нехрестя, на каждом родительском собрании чехвостят за неуспеваемость и неудовлетворительное поведение. — А зачем вы меня в багажник засунули, раз у меня с ногой все в порядке? — прицепилась она к Анатолию. — И валидол свой сами ешьте, — старушка выплюнула из-под языка таблетку, всунутую ей обеспокоенным врачом. — Я и без лекарств переживу вас всех вместе взятых! Ишь, сговорились, старый и малый: один к Гельке клеится, а другой мою Светку с пути истинного сбивает. Злыдни! Все вы мужики злыдни! А мы — женщины, со времен Адама и Евы за ваши грехи расплачиваемся!

Неизвестно сколько бы еще тщедушная старушка клеймила позором и проклинала подлое мужское племя, но из подъезда, ковыляя на каблуках, вышла Ангелина, запыхавшаяся от беготни вверх и вниз.

— Ах, Ангелина Станиславовна! — всплеснула руками внезапно подобревшая двуличная старушка. — Я вот тут Анатолия Дмитриевича благодарила за оказанную мне помощь. Он и ногу мою осмотрел, и валидольчик мне дал... Как же вам повезло, дорогая, что вы встретили такого заботливого мужчину. И какой из него муж получится — просто загляденье! Вот как бы мне еще мою собачку из вашей машины выманить... И что ему в вашем багажнике глянулось, сама не понимаю. Светка моя его в специальную школу для собак водила. Так там сказали, что у Дика особый талант разыскивать разные спрятанные предметы. Он, если что подозре-

тельное найдет, должен лечь на это место и ждать хозяина. Нам даже предлагали продать его на таможенную службу, но Дик больно активно на кошек реагирует, да и Светочка в нем души не чает... А что у вас в сумочке, позвольте полюбопытствовать, — беспардонная старушка попыталась расстегнуть молнию на чужой сумке, но Дик оскалил зубы и зарычал.

— Мишка, у тебя дома стрихнин есть? — на ухо подростку прошептал Анатолий.

— Надо мамке позвонить на работу. Я не знаю, я только про сердечные в курсе, — виновато пробормотал парень.

— Этот слон передавит все мои сувениры, — со слезами в голосе жаловалась Ангелина. — Что я буду девочкам дарить... Дик, Дикуля, хороший песик, иди ко мне, — манила его Ангелина, сюсюкая и причмокивая.

Непреклонный Дик грозно порывивал и потряхивал квадратной головой.

— Что же делать? — паниковала старушка. — Может, милицию вызовем или службу спасения? У них есть снотворные пули, я по телевизору в передаче видела...

— Намордник нужно на такого зверя надевать, — подал бабке идею Мишаня. — И выгуливать на строгом ошейнике, а не на кожаном обрывке.

— Какой же ты жестокий, Мишка, — укорила его старушка. — Дику всего полтора года, он почти щенок, а ты его в строгий ошейник предлагаешь запихать.

— Ваш щенок весь двор затерроризировал, а на мою мать так тывкнул из-за угла, когда она с ночной смены домой возвращалась, что она сумку на асфальт выронила и бутылку водки разбила, — жаловался на проделки Дика Мишка. — С меня кепку осенью сбил, сжевал ее всю и обслюнявил, пришлось выкинуть.

— Ничего, — огрызнулась старушка, — без водки проживете. Будете меньше пить.

— У нас в семье никто не пьет! — вступился за мать Мишка. — А водку она на Новый год прикупила.

— А вчера ваш Дик сожрал кошку мадам Полосухиной, — осуждая беспредел, пошутила Ангелина, немного перефразировав реплику профессора Преображенского из «Собачьего сердца».

— Какой мадам Полосухиной? Из пятнадцатой квартиры, той, что недавно в наш дом въехала? — схватилась за сердце бабка. — У нее же муж большой милицейский начальник... Он же нас по судам затаскает!

— Нет! Он сказал, что пустит вашего Дика на пользу для своей жены и дочери в качестве воротников вместо белок, — вошла в раж Ангелина.

— Я мигом, — Мишка забежал в соседнюю парадную и выскочил с мордастым котярой на руках. — Дик, фас!

Инстинкт выкинул сенбернара из багажника, и Дик, ломая заиндевевшие кусты, рванул за котом. Ангелина кинулась к сумке: так и есть, от лягушек и черепашек остались одни черепки. Старушка устремила за собакой, угрожая непослушному питомцу болтающимся обрывком ошейника.

— Милая, — Анатолий приобнял невесту и захлопнул багажник с битыми сувенирами. — Да шут с ними! Купим для твоих девчонок какие-нибудь экзотические фиговинки в наших магазинах. Они же не эксперты, чтобы различать по предмету страну изготовителя и этническую принадлежность. Я могу поспорить, что они будут думать, будто ты специально для них привезла эти сувениры с Бали.

Ангелина грустно улыбнулась и включила сигнализацию на своей «ауди».

— Мишка, а как ты теперь к Светке подступишься? — переживал за влюбленного парня Анатолий. — Бабка ведь теперь про тебя наплетет ей небылиц всяческих.

— Все заматано, — гордо ответил Мишка. — Этот котяра — чемпион по бегу. Они с Диком от старухи оторвутся, и она собаку потеряет, а я — найду. Часика через два... Когда бабка одна домой припрется, а Светка из школы вернется. За то, что я верну ей Дика, она согласится сходить со мной в кино, — Мишкин рот растянулся до ушей в мечтательной улыбке.

— Ну ты и аферист! — восхитилась Мишкиной предусмотрительностью Ангелина.

— Мы не можем ждать милости от природы, так можно и состариться в одиночестве, — намекнул на незамужнюю соседку парень.

Анатолий подхватил вынутые из багажника сумки, кроме той, в которой покоились останки сувениров, Ангелина отвесила Мишке подзатыльник, они все вместе загрузились в лифт и разошлись по своим квартирам.

Еще в прихожей Анатолий напомнил любимой женщине о взаимной демонстрации милостей богини Афродиты и бога Эроса. Ангелина не возражала, но только после омовения под душем и уничтожения больничного запаха. С собой в ванную она взяла новое белье, подаренное Катей. Сама бы она никогда не купила комплект леопардовой расцветки, да еще отороченный черными гипюровыми кружевами. Но Катя настояла, уговорила, расхвалила и идущий подруге фасон, и ее возросшие до невероятных размеров очарование и сексуальность... И Ангелина сдалась, решив при первой возможности продемонстрировать свои прелести Анатолию.

Побрызгав за ушами, на сгибах локтей и на запястьях французскими духами, Ангелина облачилась в дорогое белье. Благодаря леопардовой расцветке она чувствовала себя опасной хищницей, вышедшей на охоту. Сунув ноги в лакированные туфли на шпильках, Ан-

гелина на цыпочках прокралась в комнату, чтобы по-разить насмерть заждавшегося Анатолия.

Но, увы... Любимец Эроса сладко спал на разобранном и застеленном диване. Его широкая грудь ровно вздымалась. Ангелина не стала его будить: Анатолию вечером заступать на ночное дежурство. Полюбовавшись на мужественное лицо жениха, Ангелина накинула прозрачный пеньюар и пошла на кухню варить кофе.

Она не обиделась, она знала, что он любит ее. Ангелина улыбнулась, обнаружив, что ее вполне устраивало то, что он рядом, что он принадлежит ей одной, что он спит в ее постели, и так будет завтра, и послезавтра, и всегда. Ее сердце переполнилось любовью: женской, материнской, вселенской. Она парила на крыльях своего созревшего чувства, будто чайка в потоках восходящего с земли воздуха.

Звонок в дверь вернул ее на землю. Ангелина открыла дверь. На пороге стоял Мишка. Он слегка смутился, увидев соседку в полунеглиже.

— А ты это... Еще ничего... И не такая старая, как я думал, — одобрил он. — Передай Анатолию. Я позвонил мамке на работу, она сказала, что стрихнина у нас нет.

Глава 9

подавив нервный смешок, Ангелина закрыла за Мишкой дверь и пошла на кухню. Ну что ж... В жизни случались казусы и похуже. Ангелине, воспитавшей в себе стойкую жизнерадостность и несгибаемый оптимизм, было несвойственно затяжное отчаяние. Она вполне соглашалась с Библией, называющей уныние смертным грехом, и полагала, что прививка против

хандры могла бы помочь половине населения нашей планеты. Но за неимением подобной вакцины, каждый вынужден был вырабатывать противоядие в собственном организме, и в этом плане клетки Ангелины Громовой лучше других подходили для клонирования и массового внедрения с последующим распространением таблеток, порошков и микстуры через аптечную сеть. Если бы генетики додумались до такого простого решения проблемы, они бы совершили переворот в науке, сравнимый разве что с открытием ядерной энергии. Да что там ядерная энергия! Открытие источника неисчерпаемой человеческой силы, который, по мнению Ангелины, заключался в умении мобилизовать на бой резервы малюсеньких клеточек, несущих в себе положительный оптимистический заряд, было бы важнее в миллионы раз. Ради этой благой цели рыжеволосая жизнелюбка не пожалела бы частички своего организма, тем более, что это могло принести колоссальную материальную выгоду. А любой труд, бесспорно, должен достойно оплачиваться.

Кстати о работе... Пока замученный трудами праведными Анатолий почивал, наслаждаясь обществом своей возлюбленной во сне, Ангелина собралась провести заждавшихся ее возвращения девчонок, быстренько переоделась в более удобные для похода в агентство джинсы и свитер, кроссовки на меху и теплую куртку. Вытряхнув из всех карманов остатки денег, она наскребла тысячу рублей на сувениры, прихватила мешок с разноцветными ракушками и окаменелыми панцирями морских ежей и на цыпочках вышмыгнула в коридор.

Ангелину подгоняли любопытство и практичность — во что бы то ни стало она хотела докопаться до истины, а именно: выяснить у коллег, что же им известно о происшествии с Платоном Платоновичем в злополучном Елкино, и, наконец, понять, каким об-

разом в ее отсутствие девчонки умудрились расстроить две уже почти оформленные сделки. Ведь несчастный фикусолоб так и не стал владельцем заветного домика! А дело-то выеденного яйца не стоило: подписать с милейшим интеллигентом Артуром Ибрагимовичем документы на покупку квартиры Платона Платоновича, а с Платоном Платоновичем заключить договор на приобретение загородного домика в местечке Елкино на Старой Ладоге.

Перед отъездом Ангелина приготовила все бумаги, дважды проверила правильность оформления, вчиталась в каждую буковку, каждую циферку. Да-а, давно уже в их агентстве не случалось подобных инцидентов; слаженный коллектив работал продуктивно, без альтруистских вывертов и с весомым доходом. Женщинам вообще присуще бережное отношение к деньгам и ко всему, из чего можно извлечь прибыль. Поэтому несовершенная сделка — а понимание этого факта обрушилось на голову Ангелины, будто снежная лавина, сорвавшаяся с горного перевала — являлась настоящим ЧП, позором и черной меткой для уважающего себя агентства недвижимости. И смыть вину, наветы и домыслы, реабилитироваться в глазах пострадавшего клиента и, в его лице, всей общественности, стало для Ангелины делом чести.

О нет, она не страдала манией величия и не переоценивала свои значимость, интуицию и профессионализм. Рядом с ней трудились специалисты с куда большим опытом и громадным стажем; не раз и не два не только она, Ангелина Громова, обращалась к ним за советом, но и сам генеральный директор агентства не считал зазорным пообщаться с толковыми подчиненными.

Конечно, обычных клиентов не отпускали одних на встречу с покупателями, но Платон Платонович и Виолетта Павловна пользовались особым доверием, за них

Ангелина ручалась своей репутацией. Благодаря ее нечаянному вмешательству эти пожилые люди познакомились, поженились и занялись обустройством семейного гнездышка.

После нескольких лет вдовства Виолетта Павловна надумала поменять просторную квартиру в престижном доме на жилье попроще и поскромнее, а Платон Платонович, удалившийся на заслуженный отдых, наконец-то решил перебраться за город в отдельный дом, чтобы остаток жизни посвятить любимому занятию — разведению фикусов. Однако, увидев яркую энергичную женщину, напомнившую ему покойную жену, пожилой профессор отважился на отчаянный поступок и сходу сделал Виолетте Павловне предложение руки и сердца. На их примере Ангелина убедилась в том, что любви все возрасты покорны и что браки воистину заключаются на небесах.

Супруги не захотели себя стеснять и выбрали для проживания квартиру попросторнее. На освободившееся в центре города жилье Платона Платоновича тут же нашелся покупатель — по призванию учитель, по профессии преподаватель экономики в ВУЗе, а по способу заработка денег — свободный предприниматель, Артур Ибрагимович. Осталось только поставить формальные подписи на уже готовых документах, но для этого присутствие Громовой было необязательным.

В конце концов, Ангелина тоже была живым человеком и имела полное право на личную жизнь. Два тура, о которых она мечтала, Анатолий преподнес ей в качестве подарка. Поездка на Бали должна была стать свадебным путешествием Ангелины и Анатолия. Но за день до свадьбы Ангелиной овладело чувство страха за слишком поспешный брак. Она не хотела, чтобы ее отношения с Анатолием уподобились скоропалительному роману Кати и Голубева. Поэтому официальное

предложение, ожидаемое Ангелиной каждый день из пяти месяцев бурного романа, пугало ее, раздирало мятущееся женское сердце на две половинки: одна из которых стремилась к семейной жизни и трепетала от мыслей об одинокой старости, а вторая — боялась повторной ошибки и разочарования в обожаемом мужчине, как это, увы, уже случилось во дни прошлого, неудачного замужества.

Да и обстоятельства явно не способствовали укреплению ее морального духа. Лучший в городе свадебный салон по пошиву эксклюзивных нарядов испортил заказанное платье: портниха прожгла утюгом дыру посередине лифа. Времени на исправление ошибки не было, на складе закончилась выбранная Ангелиной ткань, платье переделке не подлежало, а в качестве компенсации ей предложили подогнать по фигуре готовую демонстрационную модель.

Когда расstroенная, но все еще упорствовавшая в своем намерении стать невестой Ангелина распаковала доставленный курьером ящик Пандоры, она обнаружила сверкающее люрексом и жемчугами платье, пошитое по меркам девушки рубенсовских форм, и гигантскую подвязку, украшенную белоснежными шелковыми розочками. В такой наряд можно было завернуть трех Ангелин сразу, а при примерке она выглядела в нем, словно сувенирная игрушка «Баба на чайник».

Анатолий воспринял это как личное оскорбление, вытащил запутавшуюся в складках необъятного подола невесту и учинил допрос с пристрастием, откуда, мол, она раздобыла шутовскую, расшитую блестками попону для слониhi. Они даже поссорились из-за чужой оплошности, потому что возлюбленный не поверил ей на слово, перезвонил в салон, самолично пообщался с администратором и обвинил Ангелину в рас-

сеянности, необязательности и сумасбродстве. Поругавшиеся жених и невеста, наговорив друг другу гадостей, чуть не разошлись как в море корабли, но в последний момент любовь все же возоблудала над рвущимися наружу эмоциями и наставила пару на путь истинный. Анатолий и Ангелина достигли консенсуса и решили, что отложенная на время свадьба и взятый ими таймаут только упрочат сильное взаимное чувство, а радость от долгожданного брака будет неописуемо громадной.

После предсвадебного путешествия им еще предстояло назначить дату официального бракосочетания, которое напрямую зависело и от того, насколько быстро разрешатся проблемы Голубева, отвоевывающего свое имущество у Виктора Каррераса и от скорости восстановления здоровья Платона Платоновича, и от благополучного завершения зависшей сделки. Анатолий готов был ждать свою возлюбленную, не отказываясь от предложения и женитьбы, сколько угодно — но не до бесконечности же!

Чиркнув жениху записку, она вставила ее в ободок висящего в прихожей зеркала, тихонько закрыла входную дверь, вышла за порог, вызвала лифт, и в этот момент в ее сумке завибрировал и заиграл полонез Огинского мобильный телефон. Неужели Анатолий проснулся? Ангелина вытащила трубку, на дисплее высветился номер Кати. Что опять стряслось у этой горемычной парочки... Опасаясь услышать очередные неприятные новости, Ангелина ответила беспокойной юной подруге.

Но на этот раз предчувствия обманули ее. У Кати и Ильи не случилось ровным счетом ничего: ни плохого, ни хорошего. Как и Анатолий, Голубев заснул на вахте возле телефона в ожидании новостей от своего врага Виктора Каррераса и своего друга — бывшей же-

ны Татьяны, плывущей на помощь молодоженам. Катя замесила тесто для пирожков, поставила его подходить, поджарила капусту для начинки и ощутила гнетущую тревогу и душевный вакуум. Посуда валилась у нее из рук, мысли хаотично метались в голове, как частицы в расщепляющемся атоме водорода. Во избежание ядерного взрыва Катя позвонила Ангелине, чтобы попроситься к ней в гости.

— Я не дома, дорогая, — уже в лифте поведала ей Ангелина. — Чем я буду заниматься? Хороший вопрос! Мне опять передавили все сувениры. Да, да, именно те, что подарил Валерий Александрович. Как это произошло? Лучше не бреди мои душевные раны, позже расскажу. Сейчас мне нужно заехать в магазин сувениров, потом в агентство, потом... Ты со мной хочешь?! Тебе не лень в такую холодину из дома выползать? Сидела бы возле телевизора и спящего супруга в тепле, с чашкой кофе на коленях. Нет, мне не жалко. Подгребай к агентству, если тебе так дома опостылело.

— Ой, спасибо! — поблагодарила Ангелину Катя. — Я мигом, тачку поймаю и подскочу к твоей работе.

Вот дурында! Мороз крепчает, а ей нейдет. Ангелина не переносила морозы, зимой ее производительность труда резко падала, а организм стремился впасть в спячку до весны. С пробуждением природы она расцветала, в ее карих глазах загорались задорные кофейные искорки или чертовщинки, как ласкательно называл Анатолий. В Новый год Ангелина через силу накрывала стол, стараясь закупить в супермаркете уже готовые салаты и закуски, и после боя курантов и бокала шампанского устраивалась на диване, заворачивалась в одеяло, включала телевизор с праздничным концертом и засыпала под песни и пляски народов мира.

На близящийся Новый год Ангелина ждала от Анатолия серьезного разговора о дате бракосочетания и пе-

ребирала в голове тысячу причин, чтобы перенести свадьбу на апрель, а еще лучше на май или июнь. Они планировали пышное торжество: как-никак, а Анатолий женился впервые. Но ведь гораздо приятнее праздновать свадьбу при хорошей погоде, ярком солнце, в тепле, без верхней одежды. А не кутаться в пальто или шубы под пронизывающим питерским ветром, морозящим снегом с дождем и прыгать через серые сугробы, по слякоти в белых туфлях и поднятым подолом длинного платья.

Зачем Каррерасу понадобился Илюхин ресторан... На Бали — вечное лето, даже в сезон дождей температура не опускается ниже двадцати пяти градусов тепла, все осадки выпадают ночью, и ливень длится не более часа, а к утру промытая зелень тропических деревьев и лиан сверкает, точно отполированная, и распустившиеся цветы благоухают, будто откупоренные флаконы с туалетной водой в парфюмерной лавке.

А в Питере зима частенько начинается в ноябре, а заканчивается к концу апреля, в долгожданное лето — плюс пятнадцать — стандартная температура, а при двадцати градусах горожане изнывают от жары и повышенной влажности, обливаются потом и томятся в пылице и духотище мегаполиса.

То ли дело бабье лето: еще тепло, но нет зноя, и природа торопится поделиться дарами полей, огородов и лесов, и все прилавки магазинов и ларьков ломятся от овощей и фруктов, а бабульки возле рынков и станций метро торгуют свежесрезанными гладиолусами, астрами, георгинами и пучками зелени с гридок.

В сезон бабьего лета Ангелина садилась на диету из арбузов, чтобы к зиме прочистить организм, промыть почки и сохранить до весны накопленную красоту. Было бы здорово перенести свадьбу на это время, но она

заранее знала, какую бурю негодования вызовут ее аргументы у Анатолия, который обязательно посчитает их нелепыми отговорками, прикрывающими серьезные претензии невесты, и будет мучить ее идиотскими вопросами и странными подозрениями.

Удивительно, сколько всего может промелькнуть в хорошенькой женской головке, пока старенький лифт в панельном доме спускается на первый этаж. Но возле машины Ангелину ожидал следующий сюрприз: здоровяк сенбернар Дик, насладившись беготней по кустам и кочкам за быстроногим дворовым котятрой, отдыхал, возлежа на багажнике ее красавицы «ауди». Металл на капоте вибрировал и прогибался в такт прерывистому собачьему дыханию, а слюна, капающая из пышущей жаром пасти, выжгла в льдистой корочке желтоватые дорожки.

Ангелина нажала на кнопку выключения сигнализации, кнопка не сработала. Наверное, сигнализация сломалась, а иначе бы сирена завывала на весь двор еще раньше, когда Дик устроился на багажнике машины. То ли проводка где-нибудь замкнула от внезапно стукнувших после долгой слякотной погоды морозов, то ли еще какая неисправность приключилась, но в электрике, как, впрочем, и в механике автомобилей, Ангелина не разбиралась.

Фары не моргали, двери не открывались, да еще гигантский сенбернар, как лягушка из анекдота, пятой точкой к машине прилип.

— Дик, Дидуля, — манила она упрямую собаку. — Слезай, тебя дома ждут. Бабка уже котлеток налепила, иди, а то оголодаешь.

Дик чмокнул, вылив изо рта поток вязкой слюны, но с багажника не слез. Ангелина обошла вокруг, приблизившись к лобастой голове пса. Дик замолотил хвостом и угрожающе зарычал.

— Ты, чудовище! — закричала на него Ангелина. — Пошел вон, а то сейчас как огрею тебя палкой по хребтине, мало не покажется!

Чудовище вскочило, запрыгало толстыми лапами по капоту, царапая черную лакированную поверхность, и громоподобно залаяло. Ангелина спрятала палку за спину и предусмотрительно отступила на несколько шагов назад.

Что же делать? Нельзя оставлять Дика на багажнике, а то он его промнет и изуродует. Ангелина снова поднялась на свою лестничную площадку и позвала на помощь суперспециалиста Мишку.

Второй раз трюк с котярой не удался. Дик два раза на одну и ту же наживку не клевал. Видно, его серое вещество и впрямь было высокоразвитым, он лишь недобро покосился на приманку налившимся кровью глазом и рыкнул так, что кот, будто ошпаренный, взлетел на макушку березы.

— Давай, Мишань, иди за бабкой, пусть она его едой завлечет, — предложила Ангелина.

— Не-е, этот зверь бабку не уважает. Тут Светка нужна, — чинно рассуждал Мишка под вопли качающегося на березе кота.

— Ну подсуетись, Мишань, — просила Ангелина. — А то он мне всю машину раскурочит!

— Светка в школе, а мне в школу нельзя показываться, — отнекивался Мишка. — Сегодня утром училка звонила, так я ей наплел, что у меня температура под сорок. Она заставила меня врача из поликлиники вызвать. Ну мне градусник докторше подsunуть — плевое дело, а справка — в кармане. Представляете, что будет, если врач придет, а меня нет! Мать с меня три шкуры спустит...

— Беги за Светкой, Мишань, — взмолилась Ангелина, глядя на топающего по багажнику Дика. — Смотри,

что он с капотом сделал! У меня ж сердце не выдержит, помру — смерть на твоей совести будет. А я тебя здесь прикрою. Если врачаха без тебя подойдет, я ей наплету, что ты взял на себя героическую миссию по освобождению двора от взбесившегося пса-террориста и, рискуя собственным здоровьем, встал с постели, чтобы привести хозяйку этого монстра.

— Ладно, — согласился парень, прельщенный возможностью реабилитироваться в глазах Светки. — Я быстро. Ждите.

Появление Светки вызвало у Дика прилив нежности и восторга. Он спрыгнул с «ауди», облизывая голову хозяйку с головы до ног, но домой идти отказался наотрез. Светка повисла у него на шее вместо оборвавшегося ошейника и приказала Мишке, чтобы он бежал за бабкой, веревкой и поводком.

— Живее, — шипела она, отвлекая внимание собаки. — Я не смогу его долго удерживать. Не знаю, что у вас там в багажнике, но Дик по пустякам с катушек не съезжает. У него особый розыскной талант...

— Про его таланты твоя бабка нам все рассказала, — ответила девчонке Ангелина. — А в багажнике у меня была сумка с сувенирами, которую твой пес с утра раздавил. Он с разбегу заскочил вовнутрь и переколотил все мои подарки, а теперь вот капот помял и краску когтями поцарапал. — Ангелина вынула из сумки носовой платок и потерла им поверхность машины.

Дик зарычал и кинулся на Ангелину, словно она пыталась проникнуть на охраняемую им территорию. Светка, двумя руками вцепившаяся в его густую шерсть, повалилась на живот, но питомца не выпустила.

— Не двигайтесь и отойдите от машины! — лежа на асфальте, просила Светка. — У меня пальцы свело, еще один рывок и он снова запрыгнет на капот.

Ангелина послушалась девочку, отошла от машины, Дик обернулся к поверженной хозяйке и лизнул ее языком. Его хвост, как автомобильные дворники, мотался туда-сюда, хлеща жмурящуюся Светку по лицу.

Мишка и бабка подросли вовремя. Бабка накинула на шею сенбернара веревочную петлю, а Мишка ловко прицепил поводок, смирив свободолюбивое животное. Светка поднялась с асфальта, отряхнула брюки и полушубок, поправила сбившуюся набок шапочку, одарила влюбленного в нее кавалера лучезарной улыбкой и накинулась с упреками на бабку:

— Сколько раз я тебе говорила, надевай на Дика строгий ошейник с шипами! Ты его балуешь, пельменями с вилки кормишь, вот он тебя и не слушается. Правильно папа ругается, в нашей семье, что старый, что малый, все одинаковы. — Под старым Светка подразумевала своенравную бабку, а под малым — строптивого сенбернара. — Вот и допрыгались, теперь нам ремонт чужой машины в копеечку влетит! Хорошо еще, что мама в командировке, а то бы вам с Диком несдобровать.

Бабка спряталась за Мишкину спину и втянула голову в плечи. Всему двору был хорошо известен крутой нрав Светкиной мамы, работающей переводчицей в немецком консульстве. Она любила, чтобы все в жизни происходило вовремя, по строгому распорядку и заранее утвержденному регламенту. Любое отклонение расценивалось ею как саботаж и каралось в соответствии с принятыми в их семье законами. Светкин папа принимал матриархат безропотно, подчинялся, словно паж великой царице, и по всему было видно, что женой своей он гордился, прямо-таки боготворил ее.

А Светка унаследовала материнский характер, потому и повелевала семьей в отсутствие родительницы.

— Ангелина Станиславовна, не ябедничайте маме, — попросила девчонка. — Папа сегодня вечером отгонит вашу машину на станцию, у него там друг в начальниках, они поменяют крышку капота так, что комар носа не подточит. Понимаете, мама и так на Дика постоянно ворчит: то он обивку мебельного гарнитура обслюнявит, то шерсть на ковер вычешет, то от него псиной за версту пахнет. А мама — чистюля, когда она дома, я ее без тряпки в руках не вижу. Это, конечно, неплохо, но в нашей стерильности даже мухи от скуки на летудохнут. Мне и подруг в гости приводить нельзя, мама не выносит праздного времяпрепровождения, Дик — единственный друг, скрашивающий мое затворничество.

— Ладно, не переживай! Я не ябеда, — успокоила Светку Ангелина. — Вот ключи от машины, передай их отцу и попроси, чтобы на станции заодно разобрались с сигнализацией, а то у меня ни двери, ни багажник не открываются.

— Я могу открыть любую машину, — неожиданно заявил Мишка, сдерживая на поводке рвущегося к «ауди» Дика. — Сейчас отволоку зверюгу в дом, вернусь, посмотрю, в чем у вас проблема.

— Мишаня, а как же врач?! — напомнила ему Ангелина.

— Вы меня прикроете, встанете на стреме возле угловой парадной. Под аркой асфальт раскопали, теперь к нашему дому другой дорогой не подойти. Как врачиху запеленгуете, свистнете мне, я тут же исчезну, — Мишке не терпелось продемонстрировать соседке таланты механика.

— Миш, — Светка подошла к парню, встала рядом и ухватила за поводок, — хочешь на выходных вместе в кино сходим? В «Колизее» начали «Пиратов Карибского моря» крутить...

Мишка хмыкнул, сдерживая переполнявшие его чувства:

— Заметано. Куплю билеты и позвоню. Жди.

Ребята вместе оттащили сенбернара от машины, заволокли в парадную, дальше — в лифт и домой. Ангелина еще долго слышала жалобное повизгивание и полаивание Дика, рвавшегося назад к вожделенному багажнику с раздавленными сувенирами.

Вернувшийся Мишка вынул из кармана набор отмычек, поковырялся в замке, и водительская дверца распахнулась как по волшебству. Парень нагнулся, открутил отверткой приборную доску, вытащил наружу проводки в цветной оплетке, отсоединил их, затем соединил заново, в машине замигали фары и завопила сигнализация. Светка еще больше его зауважала.

Ангелина нажимала на кнопку брелка, но машина не реагировала, фары не гасли, а сигнализация вопила, как оглашенная.

— Мишка, выруби ее, — попросила Ангелина, затыкая уши. — Не то нас добрые люди кипятком из окон польют.

— Момент, — пообещал Мишка. — Только проводки переставлю. У вас какая-то нестандартная схема.

— Не мудрено, — подумала Ангелина, поглаживая перчаткой дверцу машины. — Это ведь подарок Голубева, а Голубев — известный оригинал и любитель приключений на свою и чужую задницу. — Миш, давай скорее, — добавила она вслух.

В окнах стали появляться злобные физиономии жильцов. Некоторые принялись грозить юному Кулибину кулаками и красноречивой комбинацией из вытянутого вверх среднего пальца левой руки.

— Сейчас, сейчас, — твердил Мишка. — Погодите чуток, я справлюсь.

— Чего, пацан, мамке помогаешь машину чинить? — высокий здоровяк в кожаной куртке и кепке склонился над нервничающим парнем.

— Да вот, зараза, орет и не замолкает, — оправдывался Мишка. — Хоть провода на хрен вырывай!

— Вах, вах, какой ты горячий! — пошутил незнакомец. — Вынь-ка голову из машины, я тебе подсоблю.

Мишка на четвереньках отполз назад. Здоровяк подошел к передку «ауди», поднатужился, приподнял бампер и потряхнул, что есть силы. Сигнализация вякнула и сдохла.

— Прямо как Шварценеггер! — восхитился силищей незнакомца Мишка. — Вы, наверное, спортсмен?

— Да, я — тяжеловес, штанги толкаю, ядра метаю, — отозвался мужчина.

— Огромное вам спасибо! — поблагодарила его Ангелина. — А я могу теперь на ней ехать?

— Можете, — разрешил незнакомец. — Но сигнализация работать не будет. Мой вам совет, гоните тачку на станцию, не то другие желающие до легкой добычи отыщутся.

— А вы и в мировых чемпионатах участвуете? — Мишка первый раз столкнулся с настоящим тяжеловесом.

— Участвовал когда-то, — поправил здоровяк парня. — В молодости, пока сухожилие не порвал...

— А сейчас вы спортом занимаетесь? — как банный лист прилип к нему Мишка.

— Редко, — взгрустнул бывший спортсмен. — Работы много. Я ведь участковым врачом работаю в детской поликлинике. Коллеги часто болеют. Врачи, знаете ли, народ не дисциплинированный, а я, как самый закаленный, всех заменяю и практически всегда бегаю по двум участкам. Как говорится, пашу за себя и за того парня. Скажи-ка мне, мальчик, в какой парадной находится квартира сто восемьдесят девять?

— Вот влип! — подумал Мишка. — Ждал врача тетку, а пришел врач дядька.

Ангелина сделала страшные глаза и мотнула головой — дескать, линиял бы ты, парень, да побыстрее!

— Понимаете, мы с сыном здесь не живем, — пояснила она участковому. — Сами в гости приехали и, как на грех, машина забарахлила. Я отправила мальчика к подруге, чтобы он мужа предупредил, что мы задержимся. А вам какая квартира нужна? Извините, я номер не расслышала?

— Сто восемьдесят девятая, — повторил врач, на всякий случай сверяясь с карточкой пациента. — Я на этом участке первый раз, расположение домов по плану запомнил. Это ведь дом пять, корпус один?

— Абсолютно верно. У вас отменная память, — пела дифирамбы Ангелина, заговаривая врачу зубы и надеясь, что изобретательный парень использует выигранное время на поиски удовлетворительного выхода из положения.

— Раньше над каждым подъездом висели таблички с номерами квартир, а теперь на краске что ли экономят, не на всех домах номера нарисованы, — жаловался врач. — А с кодовыми замками вообще мука смертная: на холоде они замерзают, от дождя ржавеют. Бедные женщины-коллеги постоянно у дверей бьются. Мне-то что, я раз дернул — любой замок открывается.

— По-моему, — Ангелина посмотрела на часы, словно на циферблате была изображена подсказка, — квартира сто восемьдесят девять либо в этом, — она указала на свой подъезд, — либо рядом, — она ткнула пальцем в соседний подъезд. — Потому что нумерация квартир начинается с другого конца дома.

— Счастливо оставаться, — попрощался врач и к радости Ангелины направился сначала в соседний подъезд.

Ангелина забрала ключи у Светки, впрыгнула за руль, завела машину и стремительно вырулила со двора. Набрав по мобильнику домашний номер Мишки, она предупредила его, что врач вот-вот нагрянет.

— А я всю морду зеленой вымазал, — поделился своим ноу-хау юный изобретатель. — Теперь меня не то что врач, родная мама не узнает.

— Да, Мишань, талантливый ты парень, — похвалила его Ангелина. — Смотри только с градусниками не напортачь! Сделай температуру градусов тридцать семь и пять, не больше, а врачу скажи, что аспирину наглотался, вот температура и упала.

— Не учите меня жить, лучше помогите материально, — отшутился Мишка. — У меня все схвачено, подменный градусник под подушкой, основной на стуле возле кровати, а сам я под одеялом.

— Удачи тебе, хитрец, — хихикнула Ангелина. — А билеты в кино с меня, за работу... Не противься, каждый труд должен быть оплачен, а то я к вам больше ни ногой. Тебе на последний ряд?

— Вы еще про это помните? — снахальничал Мишка. — Ой, звонок в дверь! Наверное, врач. Спасибо за билеты, берите на последний ряд и на последний сеанс! — трубка умолкла.

В отделе сувениров Ангелина задержалась надолго. Она и не предполагала, что какая-нибудь финтифлюшка из обожженной глины, которая на Бали стоила пару баксов, здесь продавалась втридорога, а точнее раз в десять дороже. Вот уж поистине права народная мудрость, гласящая, что за морем телушка полушка, да рубль перевоз. А жаба жадности душила. Ох как душила! Рука, отдававшая кровно заработанные деньги, тряслась, как у пропойцы, а мозг лихорадочно подсчитывал убытки, нанесенные сенбернармом-террористом.

Нет, Ангелина не была скупердяйкой и с удовольствием покупала себе дорогую одежду и туфли в модных бутиках. Она ценила комфорт и гарантии, выдаваемые знаменитыми фирмами, а к хорошему любой человек, как известно, привыкает очень быстро. И подарки для коллег она выбирала соответственно вкусу, цене и практическому назначению.

Проклиная Дика, Ангелина разорилась на девятьсот шестнадцать рублей и приобрела керамических черепашек для ароматических масел, сидящего в позе лотоса улыбающегося Будду-копилку и подсвечники в виде танцующих на цыпочках лягушек.

Продавщицы завернули сувениры в шуршащую бумагу, упаковали в подарочные пакеты, от чего статус, в общем-то, дешевых подарков, резко повысился, и безделушки сразу превратились в изысканные вещички. Это обстоятельство немного примирило Ангелину с несоразмерной тратой, и из магазина она вышла с гордо поднятой головой, прижимая к груди яркие пакеты.

Девчонки встретили отдохнувшую и загоревшую в тропиках коллегу визгом и аплодисментами, они даже на торт со взбитыми сливками скинулись. Еще бы! Ведь коллеги не знали, что свадьба Ангелины отложена на неопределенный срок, и считали, что умница и красавица Громова отныне — степенная, замужняя дама.

Но Ангелина не дала им времени на охи и ахи, торжественно раздала подарки, а отсутствие свадебных фотографий объяснила тем, что фотограф напился в зюю и испортил единственный экземпляр пленки.

С места в карьер она принялась выяснять причины сорванной сделки и выяснила еще много интересных деталей, о которых умолчал сам Платон Платонович, его жена Виолетта Павловна и лечащий врач Сергей Семенович.

Оказывается, Машенька, отрекомендованная Ангелиной великолепному таможеннику Валерию Александровичу как двойник легендарной Мэрилин Монро, встречала Платона Платоновича на вокзале с электрички. После просмотра дома они договорились сразу же подписать бумаги, чтобы девчонки, не мешкая, начали процедуру оформления документов и закончили сделку до приезда Ангелины. Но едва электричка остановилась у платформы, к вагону тут же подскочили врачи с носилками, и Платон Платонович вместо агентства недвижимости отправился в больницу на машине скорой помощи. Не растерявшаяся Машенька прыгнула вслед за клиентом, назвавшись его родной внучкой, и всю дорогу слушала сбивчивый рассказ Платона Платоновича.

Он несколько раз отчетливо произнес имя Рюрик, причем с такой интонацией, будто имел в виду собственного сына, но Мария-то знала, что у Платона Платоновича детей не было. Потом он начал бормотать что-то о сокровищах, древних печатях, арабских серебряных дирхемах восемьсот девяносто восьмого года, боевых топорах, весовых гирих, глазчатых бусинках, серебряных перстнях-печатках и прочих археологических ценностях, якобы найденных в огороде Ольги Ивановны, дамочки, у которой он намеревался купить дом. Потом он стал описывать весьма любопытные камни, вырытые хозяйкой с того же огорода. Если приглядеться, на них можно увидеть кресты, лица и изображения животных. Платон Платонович твердил, что раскрыл тайну захоронения Рюрика и что великий князь покоится на дне озера подле Тайничной башни в Ладожском форте на Старой Ладоге. По его мнению, князь в золотом саркофаге, обложенный золотыми пластинами, возлежит практически рядом с деревней Елкино, и никто, кроме Платона Платоновича, об этом не догадался...

— Еще одна легенда об Атлантиде и сокровищах Наполеона, — констатировал вошедший директор, за что и был награжден толстопузым улыбающимся Буддой-копилкой. — Тема «золотого гроба», надо признать, пользуется популярностью у всех народов: от тайги до британских морей. Но вы же, Ангелина Станиславовна, не станете принимать бред больного пенсионера за исторические факты.

— Нет, конечно! — рассмеялась Ангелина. — Лечащий врач Платона Платоновича считает, что больной отравился сильнодействующим психотропным или галлюциногенным препаратом. Ну какие сокровища могут быть зарыты в миллион раз перекопанном огороде...

— Я приблизительно и предполагал что-то в этом роде. — Директор благосклонно выслушал сообщение Ангелины. — Далеко ходить не надо: моя теща так неумеренна в приемах лекарств, таблетки чуть ли не в чай вместо сахара засыпает. Когда-нибудь и у нее глюки появятся, или зеленые человечки примерещатся.

— Битва была поздней осенью, — продолжила Мария незавершенный рассказ. — Рюрик был тяжело ранен и вскоре умер. Холодно было, земля замерзла, и тело воина засыпали камнями. Двенадцать человек остались, чтобы охранять его. Весной тело Рюрика перенесли через реку и похоронили в большом кургане, в золотом гробу, и с ним 40 бочонков серебряных монет. Похоронили с конем и позолоченным седлом. Вместе с ним похоронили этих двенадцать человек головами по кругу. Дядя Рюрика прислал на похороны гроб, саблю, шлем, щит и золотую цепь. Место битвы легенда не определяет и только указывает на северные территории. Есть и документальное подтверждение: «Ходил князь Рюрик с племенником своим Олегом воевати в корелу. Умре Рюрик в кореле в войне, княжив лет семнадцать».

— Ты слово в слово запомнила, что ли? — восхитилась памятью Маши интересующаяся историей Лена.

— Это было несложно, — словно оправдываясь, объяснила покрасневшая Мария. — Платон Платонович твердил всю дорогу только про Рюрика и повторил свой рассказ раза три. Конечно же, я запомнила, я столько лет проработала секретарем, у меня профессиональная память.

— Я чего-то не поняла, — переспросила пожилая сотрудница Римма Петровна. — Тех двенадцать охранников заживо с этим, как его бишь, Рюриком закопали?

— Нет, их сначала убили, — успокоила Римму Петровну Лена. — То есть принесли в жертву, а потом похоронили «головами по кругу». Я читала про это в саге «Круг земной». Там описывается клятва двенадцати скандинавов, которую дали норвеги Магнусу — приемному сыну Ярослава. После совершения обряда викинги становились побратимами и обязаны были отдать друг за друга жизнь. Клятва двенадцати считалась самой сильной, и двенадцать воинов, давшие ее, должны были сложить головы вместе с князем. А помещение в гроб серебра — обычная традиция викингов. Действительно, бочонок с дирхемами был обнаружен на берегу Ладоги.

— А ты откуда это знаешь? — уточнила Римма Петровна.

— Ну не все же в агентство из-под мужниного крылышка пожаловали, — Лена намекнула на то, что супруг Риммы Петровны когда-то был секретарем парткома крупного завода, а сама она как сыр в масле каталась и ни в чем не нуждалась. — Мы вот с Ангелиной университет окончили, она — факультет психологии, а я — исторический.

— То-то, я гляжу, у некоторых от гордости нос небо царапает, — съязвила Римма Петровна, имея в виду Леночкин курносый носик.

— Девочки, не ссорьтесь, — упредил конфликт директор. — Помните, что мы здесь — одна...

— ...Большая и дружная семья, — девочки хором подхватили девиз агентства.

— А вот и Катя пришла, пирожков принесла, — разругавшаяся Катя чувствовала себя среди коллег Ангелины как дома. — Я чуть задержалась, так захотелось всех угостить. У меня, когда люди кушают, настроение улучшается.

Девчонки включили сразу два электрических чайника, вынули из ящиков стола свои кружки, разрезали торт, разложили на тарелки Катины пирожки и отметили дружным чаепитием возвращение в строй лучшего агента и просто обаятельной и отзывчивой подруги Ангелины Громовой.

Глава 10

Ангелину несколько не удивил рассказ Леночки. Анатолий говорил, что одним из признаков последствия отравлений галлюциногенными или психотропными веществами является изменение мыслительной деятельности человека, включая расширение сознания, обострение ассоциативного мышления и интуиции, глубокие экспансивные переживания, воссоздание в мельчайших подробностях эмоционально значимых переживаний прошлого, включая рождение и даже внутриутробную жизнь с элементами мистического откровения и ясновидения. Вполне могло стать, что для Платона Платоновича легенда о Рюрике и его потерянном захоронении была источником эмоционального переживания с элементами мистического откровения.

Да мало ли кто о чем мечтает! В сущности, что Ангелине известно о прошлом Платона Платоновича, о его хобби и тайных пристрастиях? Только то, что он боготворил свою новую жену и разводил фикусы, пытаясь вывести какой-то новый морозоустойчивый сорт. Словом, все то, что он сам посчитал нужным ей сообщить. А оказывается, забытая легенда ни с того, ни с сего, взяла его за живое.

По дороге в больницу Платон Платонович, как умалишенный, твердил Леночке про сокровища, древние печати, арабские серебряные дирхемы, боевые топоры, гири, бусинки, перстни и странные камни с изображениями крестов, лиц и животных, найденных в огороде Ольги Ивановны. Однако по опыту общения со своими бывшими пациентами Ангелина знала, что, как правило, на пустом месте и на бесплодной почве подобные фантазии не развиваются.

А как красочно Платон Платонович описал внешность хозяйки дома Ольги Ивановны — страшная, прямо как Баба Яга из сказки: маленькая, сухая, сгорбленная, нос крючком, глаза пуговками, волосы паклей, руки заgreбушие. И хромоногая в придачу. Интересно, она и впрямь такая или это тоже плод болезненного воображения бредящего пациента?

Правда, в отношении наружности Ольги Ивановны у девочек было единое мнение: страшна как смертный грех. Первое впечатление было ужасающее — выходит такая, и кажется, что смотришь голливудскую страшилку, снятую на фоне русской провинции, а точнее в местечке Елкино. Но кодекс агента недвижимости гласил: работа, работа и еще раз работа. Все замечания по поводу одежды, внешности, манер и возраста клиентов к делу не относятся, а бабьи сплетни пресекаются на корню. Поэтому Леночка взяла себя в руки, переборола животный страх и брезгливость, которые очень скоро

рассеялись. Потому что при теснейшем общении с Ольгой Ивановной ее пугающая внешность очень быстро забывалась, а на первый план выходили выдающиеся душевные качества, радушие и хозяйственность одинокой пенсионерки. В ее доме с удобствами во дворе было чище, чем у многих в городских квартирах: ни паутины, ни пылинки по углам, на столе свежая скатерть, занавески выстираны, тюль белоснежная, подзоры на кроватях накрахмалены до хруста. Полы застелены домоткаными дорожками, вокруг печки на полочках расставлены надраенные до блеска кастрюли и сковородки; никакого газа хозяйка не признавала и все кушанья готовила в экологически чистых условиях на дровах.

— Ты в Ольге Ивановне не заметила ничего странного? — спросила Леночку Ангелина.

Ангелина искала зацепку для объяснения поведения Платона Платоновича. Ведь не мог же он бредить выборочно и сочинять небылицы о захоронении Рюрика, а характеризую хозяйку дома, быть абсолютно адекватным. Обычно белая горячка распространялась на все сферы поведения пациента, то есть глюки вторгались во все воспоминания и повествования без исключения.

— Странного? — переспросила Леночка, добросовестно перелистывая страницы памяти. — Нет, пожалуй. Нормальная тетка, помешана на чистоте и здоровом образе жизни. Дом продает, чтобы переехать в город к сыну.

— Внуков пугать, — хихикнула Римма Петровна. — Лучше бы сделала себе пластическую операцию.

— Зачем, — пожала плечами вмешавшаяся в разговор Катя. — Раз она до старости дожила с такой внешностью, значит, не переживает из-за этого.

— Что ты в этом понимаешь, пигалица сопливая?! — перекинулась на Катю Римма Петровна.

— Девочки, не ссорьтесь! — погрозил пальцем начальник. — Однако, если хотите знать мое мнение, Катя абсолютно права. Как в песне поется: «Красоту уносят годы, доброту не унесут»... — мурлыкая себе под нос незатейливый мотивчик, начальник удалился в свой кабинет.

Девчонки оставили его фразу без комментариев, так как ни для кого в коллективе не было секретом, что его жена не отличалась ни красотой, ни умом, а список ее достоинств состоял из одного пункта: капитал, опираясь на который ее предприимчивый супруг основал агентство недвижимости.

После того как все сливки с торта слизали, пирожки с капустой дожевали, сувениры раздали, Ангелина посмотрела на часы. До вечера оставался вагон времени, и у нее возникла идея по-быстренькому смотаться в Елкино, чтобы лично пообщаться с загадочной Ольгой Ивановной и расспросить ее о сокровищах, якобы вырытых на огороде.

— Когда приезжает Татьяна? — поинтересовалась она у Кати.

— Не раньше семи вечера, при условии, что на границе очереди не будет, — Катка на лету ловила ее мысли. — Мы успеем. Поехали!

— А про Виктора Каррераса ничего не слышно? — забеспокоилась Ангелина — вдруг они с Катей срочно понадобятся Голубеву и Анатолию.

— Как умер, — кратко ответила Катя. — Мои бы слова да Богу в уши.

— Куда это вы собрались? — наострила уши бдительная Римма Петровна. — Мало вам приключения с Платоном Платоновичем. Я сразу предложила: в Елкино нужно ехать всем коллективом, желательно с миллионной поддержкой, на всякий случай...

— И бронетанковой бригадой в засаде, — закончила Леночка. — Оставьте вы свои менторские замашки, Римма Петровна. Не те нынче времена!

— Не слушаете совета мудрого человека, локти потом кусать будете, — ворчала Римма Петровна, убирая со стола остатки пиршества. — В этом Елкино какой-то аномальный разлом земной поверхности наподобие Бермудского треугольника. Поэтому там происходят необъяснимые события, а ваша Ольга Ивановна явно подверглась генной мутации, которая часто наблюдается в аномальных зонах. Смотрите, как бы вы сами после посещения Елкино не превратились в таких же красавиц с крючковатыми носами, загребушими руками и хромыми ногами. А сокровища в огороде — от лукавого, — пророчествовала Римма Петровна. — Бесы всегда искушают слабых духом и подбрасывают им золото и серебро, чтобы заманить в свои дьявольские сети.

— Ой, мне страшно! — взвизгнула Катя, прижимаясь к старшей подруге.

— Кончали бы вы, Римма Петровна, желтую прессу читать на ночь и детей пугать, а то, неровен час, сами заговариваться начнете. Вы вместо «Попутчика» и «Секретных материалов» лучше бы классическую литературу покупали, благо сейчас в книжных магазинах изобилие, можно подобрать чтиво на любой вкус, — посоветовала коллеге Ангелина. — Это я вам как бывший психолог рекомендую.

— Шли бы вы, — огрызнулась разобиженная Римма Петровна. — Какая нынче молодежь неблагодарная, все поперек норовят встрянуть, ни почтения, ни уважения...

— Не сердитесь. Я вам из Елкино шишек в подарок привезу, — пообещала Ангелина. — Для вашей икебаны. Поехали, Катерина, если ты не передумала!

Дипломатичная Ангелина сгладила мини-конфликт, на который напрашивалась ворчливая Римма Петров-

на, попрощалась с коллегами, и они вдвоем с Катей отправились в аномальную зону, прямехонько в логово коварной бабы-яги.

Раскрыв карту, Катя на правах штурмана руководила женским экипажем на черной «ауди». Выехав из города, Ангелина прибавила скорость, машина понеслась, как на крыльях. Катя включила приемник, «Отпетые мошенники» вместе с Агутиным пели о мчащемся на границу паровозе. У экипажа было боевое настроение, а предстоящий визит к Ольге Ивановне казался обычной встречей с обычным клиентом.

— И что ты обо всем этом думаешь? — начала беседу Ангелина.

— Теоретически это возможно, — авторитетно заявила Катя.

— Ты тоже любительница бульварных страшилок? — усмехнулась Ангелина.

— Причем здесь страшилки! — возмутилась Катя. — Существуют документы, подтверждающие этот исторический факт. У нас в школе даже создали отряд следопытов. Мы помогали в раскопках настоящим археологам.

— Аномальный разлом земной коры углублять? — подначила Ангелина.

— Нет. Мы искали следы захоронения Рюрика. Конечно, некоторые ставят под сомнение сам факт существования этого князя, но мы-то с вами просвещенные люди и помним, что о Рюрике упоминалось еще в «Повести временных лет», — блеснула эрудицией Катя. — Так вот, с восемьсот шестьдесят второго года государственным вече — высшим органом власти живших у истоков Волхова славянских племен — дабы прекратить разброд и шатания, был приглашен для исполнения судебных и правоохранительных функций скандинавский военный вождь Рюрик «с родом своим и верной дру-

жиной». Он положил начало династии Рюриковичей, более семи с половиной веков управлявшей всеми русскими землями. Рюрик прибыл с братьями: Трувором, воцарившимся в Изборске, и Синеусом, воцарившимся на Белом озере. Но через два года братья умерли, и Рюрик стал полноправным хозяином земли русской. Больше летописец Нестор о нем ничего не говорит. За исключением того, что в восьмьсот семьдесят девятом году Рюрик умер. Как и где — летопись умалчивает.

— Надо же! — восхитилась Катиными познаниями Ангелина. — И что же его могилу до сих пор ищут?

— В основном энтузиасты-любители с допотопными металлоискателями, школьные поисковые отряды и «черные археологи». Но «черным археологам» глиняных черепков и серебряных монет недостаточно, они быстро остывают и возвращаются на места боевой славы, к военным трофеям, пользующимся на рынке устойчивым спросом, — докладывала Ангелине Катя.

— Слушай! А что, если в огороде бабы-яги и впрямь похоронен Рюрик?! Представляешь, какое можно сделать историческое открытие... Вдруг Платон Платонович нашел какой-нибудь раритет, и у него от счастья временно помутился рассудок, а галлюциногены и психотропные вещества ни при чем... — предположила Ангелина.

— Вряд ли. Убитых воинов обычно хоронили с почестями и насыпали на их могилах курганы, чем знатнее воин, тем выше курган. А у огородов поверхность ровная, — скептически пояснила Катя. — Я же склоняюсь к версии, что Рюрик покойся в районе Передольского погоста на Новгородчине, а именно — в Шум-горе.

— Это почему же? — Ангелина втянулась в исторический экскурс.

— Шум-гора — уникальная сопка, не имеющая аналогов на территории Новгородской области. Ее высо-

та тринадцать метров, диаметр около ста метров, она явно искусственного характера и имеет непривычную для этих мест двухъярусную конструкцию. Десяток сопкок, что окружают Шум-гору, не идут с ней ни в какое сравнение. Существует легенда, что именно в районе Передольского погоста, в деревне Подгорье сложил голову в жестокой битве легендарный Рюрик. И, мол, когда весть о его гибели дошла до дяди, норвежского конунга, тот выслал дружину для организации похорон, якобы именно в Шум-горе.

— Катя, но мы же перешагнули из двадцатого века в двадцать первый! Неужели у современной науки нет методов для сканирования внутренностей этой самой горы, — взбунтовалась против недогадливости ученых Ангелина.

— На это денег куча пойдет, а результат может оказаться нулевым. Наши предки хоронили своих вождей после ритуального сожжения, собирали прах в глиняные горшки или матерчатые мешочки. Подобная традиция была и у скандинавских князей того периода, — делилась своими знаниями Катя. — После окончания школы я прочитала в газете, что осенью две тысячи второго года какое-то Санкт-Петербургское НИИ провело георадарные исследования Шум-горы — уточняли ее географическое положение, размеры, структуру, выясняли вероятность существования внутренних полосей. Ну вот, и теперь точно известно, что поверхность сопки имеет ступенчатую структуру, как у пирамид, снаружи выложена она кусками известкового плитняка, который вбит в грунт склонов. Издалека сопка должна была казаться идеально белым двухъярусным сооружением. Но сейчас поверхность заросла дерном. Шум-гора является самым высоким искусственным сооружением в Европе и сопоставима по размерам с «королевскими курганами». Георадар должен был показать, есть внутри сопки признаки древнего захороне-

ния — пустоты или полости — или нет. Исходя из полученных данных, поставленная цель была фактически достигнута. Ученые выявили какие-то аномалии по периметру, на террасе и в основании кургана. Внутри обнаружили разные почвенные образования, крупные полостные зоны, туннели и проходы, образованные сдвинутыми перекрытиями из плит. Видимо, в ближайшее время исследования будут продолжены. Разграблению сопка не подвергалась. Местным искателям приключений она не раскрыла своих секретов, поскольку на метровой глубине выложена каменными плитами. В километре выше по течению, на берегу реки Луги, была найдена каменоломня с остатками гранитных блоков. Готовые изделия сплавляли по реке на плотках. Это подтверждается находками блоков на берегу у каменоломни и около подножия Шум-горы. Говорят также, что строительство кургана организовал Вещий Олег, который по одной из исторических версий относился к касте жрецов. Так это или нет, но на вершине обнаружили камни с гальдрастафом легендарного князя Рюрика. Шум-горе приписывали много мистических свойств. Местные жители всегда считали, что курган имеет магическую силу. В тот день, когда группа исследователей и ученых поднялась на вершину, ясное небо в течение нескольких минут затянули грозовые тучи. А когда из земли был извлечен первый камень, подул сильный ветер и пошел проливной дождь. Жители соседней деревни, помогавшие на раскопках, крестились. Шум-гора не хотела расставаться с загадочными камнями. Но ученые оказались не склонны к мистицизму и продолжили работу.

— Катенька, просвети, пожалуйста, темную женщину, что значит слово гальдрастаф, которое ты упомянула, — Ангелину больше интересовали исторические факты, а не фантазмагорические отклонения.

— Вас тоже захватила древняя история, — обрадовалась Катя. — Лично я читаю книги на эти темы, точно остросюжетные детективы. Вы знаете, что еще с древних времен сильные мира сего имели свои магические знаки, в которых зашифровывались имена. Эти символы назывались гальдрастафами, а их изображение напоминало плетеную магическую ветвь. Считалось, что гальдрастаф был не только своего рода «удостоверением личности», но и служил амулетом, который отводил от своего хозяина злую силу и приносил удачу на полях сражений. В основе многих гальдрастафов лежал греческий крест — фигура простой формы с концами равной длины. Еще в дохристианские времена крест использовался в самых разных значениях как символ бога дождя, бога солнца, для обозначения элементов, из которых сотворен мир: земли, огня, воздуха, воды. Возможно, что и Рюрик имел свой гальдрастаф, который обнаружили исследователи на камне, извлеченном из Шум-горы. Найденное изображение содержит в себе знаки «I» и «S», обычно обозначающие атрибуты королевской власти. «I» имеет утолщение в верхней части и представляет собой изображение копья, которое использовалось и в магических процедурах, и в коронационных церемониях. «S» означает трон, который римляне называли *solidum*. Еще одной характерной чертой составления магических знаков было то, что одна буква могла нести двойной смысл. По одной из версий, буквы «S» и «I» могли читаться как «победа» и «смерть». В рунической письменности те же знаки обозначали Солнце, символизирующее победу, и лед — символ смерти. Лозунг римских легионеров «победа или смерть» был, вероятно, знаком и Рюрику. Воинственность древнего князя подтверждалась тем, что в гальдрастафе лучи креста напоминали букву «Т», означающую имя сканди-

навского бога войны Тора, культ которого господствовал в то время среди викингов.

— Дорогая! — Ангелина посмотрела на Катю округлившимися от удивления глазами. — Да ты просто ходячая энциклопедия.

— Нет, что вы, — засмеялась польщенная таким комплиментом Катя. — Я же говорила, что у меня феноменальная зрительная память. Я накрепко запоминаю все, что когда-то читала или видела. Преподаватель художественной школы считала меня уникалом и обливалась горячими слезами, когда я бросила занятия рисованием. Мне прочили славу художницы, — кокетничала Катя.

— Художников сейчас пруд пруди, — поморщилась Ангелина. — А с твоими данными впору служить в разведке. Ты же легко сможешь выучить несколько иностранных языков, запомнить сотни лиц на фотографиях, проштудировать кипу нужной литературы...

— Нет, нет, — смеясь, отказывалась Катя. — Я очень люблю детей! Мне бы в педагогический поступить.

— Вот так всегда! — про себя рассуждала Ангелина. — Одни землю носом роют, чтобы чего-то достичь, а другие в эту же землю закапывают подаренные Богом таланты.

За увлекательной и познавательной беседой Ангелина чуть не проскочила указатель на Елкино. Свернув с шоссе на ухабистую проселочную дорогу, путешественницы углубились в сторону на девять километров. Перепрыгивая через незаасфальтированные и не засыпанные гравием или песком стыки бетонных плит, «ауди», наконец-то, доползла до небольшого поселка, раскинувшегося по берегам еще не замерзшего озера. Даже зима, оголившая кроны деревьев и кое-как укрывшая землю рваными снежными половиками, не могла испортить очарование этого уголка.

Слякотные лужи подернулись ледяной корочкой, кажущейся розовато-оранжевой под лучами низкого закатного солнца. Несколько домиков, стареньких, с покосившимися заборами, казались нарисованными на фоне заросших молодым ельником пригорков и серебристой ряби озерной воды. Стекла слепили глаза, отражая закатные лучи солнца. Ангелина приставила к лицу руку, пытаясь рассмотреть, кто в домике живет. Но жители лубочного Елкино словно попрятались, недовольные вторжением непрошенных гостей. Путешественникам было некогда любоваться пейзажем. Зимой темнеет рано. Не успеешь оглянуться, как дальше носа уже ничего не видно. А прыгать в темноте по раздолбанным плитам проселочной дороги — опасное развлечение: не только машину можно угробить, но и самим шеи свернуть. Ангелина решительно направилась к ближайшему дому, похрустывая заиндеветшей травой. Ее шаги гулко разносились в мертвой тишине и, подхваченные соскучившимся по работе эхом, взмывали над озером и терялись где-то на середине. Ангелина протянула руку, чтобы толкнуть калитку, но тут, будто в сказке, на ее пути возникла баба-яга, то бишь Ольга Ивановна.

Ангелина вздрогнула не столько от испуга, сколько от неожиданности. Как старушка могла так бесшумно подкрасться? Конечно, при ее птичьем весе теоретически и порхать можно, но люди, как известно, передвигаются по земле, а под ее ногами не хрустнула ни льдинка, ни травинка.

В фильмах ужасов часто появляются особые персонажи, охраняющие запрятанные сокровища или гробницы. И вот один предстал перед путешественниками во всей ужасающей реальности. От этой сгорбленной, кособокой фигурки веяло леденящей кровь жутью. Ангелина застегнула молнию на куртке, натянула сполз-

шую на макушку шапочку и засунула руки поглубже в карманы.

— Вы часом не заблудились? — голос Ольги Ивановны оказался на удивление певучим и ласкающим слух.

— Вообще-то нам нужно в Елкино. Мы покупатели, приехали посмотреть дом, — Ангелина совладала с волнением и решила не выдавать истинную цель их с Катей визита, чтобы провести разведку боем. — В агентстве недвижимости нам сказали, что здесь продается большой дом, а хозяйку зовут Ольгой Ивановной. Не подскажите нам, где она живет?

— Я — Ольга Ивановна, — баба-яга подняла голову: у нее и впрямь был длинный заостренный крючковатый нос, как описывали Платон Платонович и девчонки. — Так ведь на дом вроде бы уже нашелся покупатель... Три дня назад приезжал один старичок, ему все здесь понравилось, и он поехал прямиком в агентство документы подписывать. Или передумал? — глаза старухи хитро сощурились, в них блеснул зловещий огонек.

— Жена его передумала, — соврала Ангелина. — У того старичка оказалось больное сердце, не до покупок ему, здоровье нужно поправлять. Он в больнице лежит с гипертоническим кризом.

— Надо же, — сокрушалась баба-яга, — а на вид такой крепкий. По дому бегал, как заведенный, и все мне про фикусы рассказывал. Я ведь такого цветка сроду не видывала.

— Как похолодало к вечеру, и ветер такой пронизывающий, — Ангелина съежилась и подняла воротник куртки. — Можно дом посмотреть, а то я в сосульку превращусь.

— Пожалуйста, пожалуйста, — засуетилась Ольга Ивановна. — Пойдемте, мой дом крайний, вон тот — самый большой.

Ангелина махнула рукой, подзывая Катю, и подмигнула ей, чтобы та ничему не удивлялась.

В доме и вправду царила почти стерильная чистота: печка выбелена, кастрюли и сковородки вычищены, занавески накрахмалены, только обои на стенах были разномастными, хоть и дорогими, будто избу оклеили остатками полотнищ после чьего-то евроремонта. Ангелина осматривалась, но ни пучков заговоренных трав под потолком, ни сушеных гадов в склянках, ни каких-либо других колдовских атрибутов, указывающих на то, что Ольга Ивановна занималась изведением всего живого, не обнаружила.

— Может, чайку? — предложила хозяйка.

Ангелина мялась, но Ольга Ивановна уже расставляла на столе чашки, вынула из буфета сахарницу и конфетницу. Вода в электрическом чайнике закипала, а Ангелина ждала, какую заварку нальет в чашки радушная хозяйка. Памятуя о случившемся с Платоном Платоновичем, Ангелина намеревалась под любым предлогом отказать от чаепития, если у нее возникнут сомнения относительно качества заварки. Но Ольга Ивановна разложила по чашкам одноразовые пакетики «Липтона» из обычной желтой картонной коробки.

— Присаживайтесь, — пригласила она Катю и Ангелину. — В ногах правды нет. Посидим, поговорим, чайку попьем. — Вода вскипела, чайник отключился, и Ольга Ивановна разлила по чашкам булькающий кипяток. — Я смотрю, вы обе такие молодые. Вам не скучно будет в этакой глухомани?

— Я не для себя дом покупаю, а для младшей сестры, — сочиняла Ангелина. — Катюша, — она кивнула головой на юную подругу, — увлекается историей и археологическими раскопками. А где-то здесь, как гласит одна из версий легенды о Рюрике, закопан его золотой саркофаг. Катюша с друзьями будет здесь все лето в

земле ковыряться, а мне так спокойнее: и она при деле, и мне никто работать не мешает. — Ангелина бросила на старуху беглый взгляд, и ей показалось, что Ольга Ивановна занервничала.

— Кто такой умный наплел вам про Рюрика?! — возмутилась баба-яга, приглаживая растрепавшиеся седые пакли. — Вот и тот старик нашел в огороде какие-то булыжники, черепки от разбитой кринки и полусгнившую лошадиную сбрую, а счастлив был, будто клад отыскал. Я ему говорила русским языком, что мы все Елкино за столько лет перекопали вдоль и поперек, но никаких сокровищ сроду не видывали.

— Ну, люди разные бывают, у каждого свои странности, но поисками сокровищ сейчас занимаются все — от мала до велика. Мода, видите ли, такая, — поясняла Ангелина.

— А вы, бабушка, лучше не разочаровывайте покупателей, — подсказала Ольге Ивановне Катя. — Купим мы дом или нет, это мы еще с сестрой обсудим. Но мой вам совет, рассказывайте всем про диковинные находки и намекайте на легенду о Рюрике. От этого цена дома может повыситься.

— Сильно? — при упоминании о деньгах в глазах Ольги Ивановны сверкнули хищные огоньки.

— Думаю, процентов на двадцать-тридцать, а если до весны потерпите с торговлей, то и до пятидесяти дорасти может, — дала профессиональную консультацию Ангелина. — Но для этого вам нужно снять дом с продажи и отказаться от услуг агентства недвижимости.

— Да... — размышляла Ольга Ивановна, подсчитывая в уме прибыль.

— А мне ваш дом нравится, — порадовала ее Катя. — Он большой, но уютный. И совсем не старый. А сколько у вас соток земли? Десять?

— Пятнадцать, — без энтузиазма ответила баба-яга. — Но я вас обманывать не собираюсь: никаких со-

кровищ на моем участке нет. Да и на других тоже! За это я вам ручаюсь.

— Бог с ними, с сокровищами! — отмахнулась Катя. — Мне здесь и природа нравится: тихо, зелени много, озеро рядом. Я обожаю рыбу ловить. Знаете, японцы утверждают, что рыбалка продлевает жизнь, и время, проведенное за рыбной ловлей, Бог не засчитывает в прожитые годы.

— И рыбы здесь нет! — буркнула Ольга Ивановна. — На другом берегу консервная фабрика, так они все отходы в озеро сливают, и летом здесь такая вонь, хоть противогаз надевай!

— Как же вы здесь живете? — удивилась Катя.

— Кто где родился, тот там и сгодился, слышали такую поговорку? — поучала их уму-разуму баба-яга. — Жаль дом бросать. Дома без хозяев быстро разваливаются...

— Странно все это, — думала Ангелина, попивая чай. — Обычно продавцы из кожи вон лезут и расхваливают свой товар на все лады. А эта кикимора либо от старости рассудком тронулась, либо совсем не заинтересована в продаже дома. Однако при упоминании о деньгах глазки у нее разгорелись, как у лисы на виноград.

— Я вас оставляю на минутку. Схожу в сарай за дровами, а то печка почти прогорела. — Ольга Ивановна проворно вышмыгнула из комнаты.

— И что ты обо всем этом думаешь? — спросила Катю Ангелина, едва за старухой закрылась дверь.

— Крэйзи, — ответила Катя и покрутила пальцем у виска. — То есть сумасшедшая.

— Или чересчур хитрая, — предположила Ангелина.

— А может, она так развлекается? — смекнула Катя. — Я в каком-то фильме смотрела, так там одинокая женщина давала в газету объявления об обмене квар-

тиры, а сама, таким образом, знакомилась с мужчинами, разъезжающимися со своими женами. В такой глухомани у кого угодно крыша от тоски поедет. У нее ведь ни радио нет, ни телевизора.

— Все может быть, — философствовала Ангелина. — Как говорят, каждый по-своему с ума сходит.

Ольга Ивановна вернулась быстро, принесла два полена, сунула их в печь, и Ангелине показалось, что воздух стал зыбким и наполнился каким-то неуловимым пьянящим ароматом. Ей вдруг захотелось смеяться, подозрительность растаяла, точно первый снег, тепло как будто полегчало, даже аппетит ни с того ни с сего разыгрался.

— Не хотите ли поужинать со мной, гости дорогие? — Ольга Ивановна вынула на ухвате из печи пузатый горшок. — У меня как раз солянка поспела. Не побрезгуйте. Чем богаты, тем и рады.

— Ой, я с удовольствием, — у Ангелины от запаха солянки слюни потекли. — Я такая голодная, словно век не ела.

— А ты, девонька? Поешь с сестрой за компанию, — предложила старуха Кате.

— Ладно, — согласилась та, чтобы не обидеть старуху. — Только чуть-чуть, мы так сытно позавтракали, что у меня живот еле в брюки поместился.

— Да какой там живот! Ты ж худа, как камышинка высохшая, — причитала старуха, накладывая Кате порцию побольше. — Вот сестра твоя — будто яблочко наливное. В самом соку: ни прибавить, ни убавить, — нахваливала она смеющуюся Ангелину. — Кушайте, девоньки, кушайте! — приговаривала она. — Такую солянку вам нигде больше не приготовят!

Сама же Ольга Ивановна любовалась на гостей, по-королевски восседая на обитом дерматином табулете.

— Очень вкусно! — Ангелина оценила старухину стряпню. — А тебе не понравилось? — поинтересовалась она у ковыряющейся в еде Кати.

— Я грибы не люблю! — призналась Катя. — Мы с тетей Лизой не роскошествовали, когда вдвоем жили. Картошка своя была, грибов в Псковской области навалом. Так я солянкой, жареными грибами, грибным супом, солеными и маринованными грибами впрок до конца своих дней наелась.

— А я даже не поняла, что солянка с грибами, — хихикала Ангелина. — У Катеньки отменный кулинарный талант, она так мастерски готовит, пальчики оближешь!

— А вы какие грибы в солянку кладете? — попросила поделиться рецептом Катя. — Вкус немного необычный, будто кислинка легкая.

— Так это, — залопотала старуха. — Разные. Они ж сушеные, кто их теперь разберет. А кислинка от сметаны. Какая ж солянка без сметаны! — Ольга Ивановна убрала тарелки, смахнула со стола хлебные крошки и посмотрела за окно. — Темнеет, однако, — намекнула она на то, что гости и так уж слишком засиделись. — Я за вас переживать буду. У нас дорога плохая, только засветло и доехать-то можно. А в темень к нам никто не рискует соваться.

— Ангелина, поехали, — заторопилась Катя, глядя на отблеск заходящего солнца.

— Да, нам пора! Спасибо за все, Ольга Ивановна, — Ангелина расцеловала старуху как родную.

— Прощайте, девоньки, — помахала им с крыльца баба-яга.

— Странная деревня, — поделилась своими наблюдениями Катя, едва они выехали из Елкино, и машина запрыгала по бетонным плитам.

— Почему? — недоумевала Ангелина. — Деревня как деревня, такая же, как и сотни других. Поверь мне, Катюша, я их столько объездила.

Ангелину охватила безудержная веселость, и ей захотелось частью своего прекрасного настроения поделиться с подругой, чтоб и Катя перестала печалиться и поняла, что жизнь, не смотря ни на что, хороша и прекрасна.

— И все же деревня странная, — упорно настаивала на своем Катя.

— Это ты, Катька, странная. То тебе солянка не нравится, то деревня...

— Разве ты не заметила, что ни в одном доме, кроме хозяйкиного, не горел свет, — растолковывала Катя.

— Ну и что?! Люди спать легли или на электричестве экономят, — смеялась Ангелина над Катькиными наблюдениями.

— Для сна еще рановато, — не сдавалась упрямая Катя. — Вот у нас в Псковской каждый вечер семьи собирались около телевизора, сериалы смотрели. Это даже традицией стало. Идешь по улице домой, вокруг темно, а окна светятся: то от лампочки, то от телевизора. На душе приятно, разглядываешь, какие у людей на подоконнике цветочки стоят, какие занавесочки висят. А в Елкино окна безжизненные, будто там все вымерли и, кроме Ольги Ивановны, других жителей нет.

— Ну и придумщица ты, Катюха! Таких ужасов на меня нагнала, а еще трусихой себя называла, — Ангелина корила юную подругу, улыбаясь до ушей. — Ишь, солянка у нее с легкой кислинкой! — передразнила она мнительную девушку.

— И солянка с кислинкой! — взъерепенилась Катя. — Я все грибы на вкус распознать могу, а тех, что в этой солянке были, не знаю!

Ангелина хохотала, глядя на серьезное, покрасневшее в борьбе за справедливость Катино лицо.

— Ой! — она вытерла слезящиеся от смеха глаза. — Ну и уморила же ты меня. И не помню, когда я еще так веселилась!

— Вот и я не помню, — подтвердила Катя. — Мне кажется, что ты как-то странно себя ведешь.

— Да что ты все талдычишь: странно да странно! — Ангелина захотела прикрикнуть на Катю, но вместо крика из горла послышалось клокотание и смех, будто квохтанье снесшейся курицы. — Ой, что-то у меня лицо расплылось, и зеркало шевелится, — напугалась она, мельком взглянув на себя в зеркало. — Вот смехотупа! — Ангелина тут же расхохоталась, машина завиляла, рискуя свалиться с бетонных плит. — Катя, разве ты не видишь, какой вокруг необычный лес: деревья красные, снег желтый, а небо в клеточку... — заливалась хохотом Ангелина.

— Ты шутишь? — Катя еще надеялась, что подруга, заразившись страстью к дурным шуткам у Анатолия и Ильи, разыгрывает ее.

— А деревья-то шевелятся и изгибаются, а вон та красная береза по кочкам запрыгала, как заяц. А сосны шепчут что-то, вот только слов разобрать не могу, — давилась от смеха Ангелина, глядя на Катю расширенными глазами.

— Ангелина, останови машину! Я в туалет очень хочу, — попросила Катя. — Скорее, а то я описаюсь.

— Солянка была с кислинкой, — насмеялась над подругой Ангелина. — Далеко не уходи, а то береза на тебя напрыгнет. Здешний лес не любит чужаков.

— Я мигом, — Катя вылезла из машины и выдернула ключи из замка зажигания.

«Ауди» заглохла, но за весельем Ангелина этого не заметила.

Спрятавшись за первой же елкой, Катя набрала номер Анатолия и рассказала ему про случившееся с Ангелиной.

— Боже мой! — заволновался Анатолий. — Все сходится, все сходится! Слушай меня, девочка. В твоих ру-

ках ваша жизнь. Вытаскивай ее из-за руля, садись сама, но води машину осторожно, не как в аэропорту. Медленно, на малой крейсерской скорости ползи к городу напрямик в мою больницу. Я буду вас ждать. Ты все поняла? Повтори!

Катя слово в слово повторила наказ Анатолия и пообещала, что не будет гнать машину, а поедет аккуратно. Она не поняла, что значила его реплика: «Все сходится, все сходится!», но переспрашивать не стала, решив, что сейчас этому не время и не место. Если Анатолий так встревожился и назначил встречу прямо в больнице, значит, Ангелининой жизни грозила опасность. Катя бегом вернулась в машину, попросила у смеющейся подруги разрешения порулить, села на водительское место, попыталась сосредоточиться и, уняв дрожь, поехала в город.

Глава 11

Никогда еще Катины руки так не тряслись и не потели. На ее плечи возложена ответственность за жизнь подруги. Мокрые ладони горе-водительницы скользили по кожаной оплетке руля, а рядом Ангелина беспричинно веселилась и показывала пальцем на свое отражение в зеркале. Катя осознавала, что с ее единственной подругой что-то стряслось. Проанализировав ситуацию, она с уверенностью могла утверждать, что поведение Ангелины изменилось после того, как она с удовольствием откушала солянки с подозрительной кислинкой. Неужели баба-яга по имени Ольга Ивановна подмешала что-то в еду? Но с самой Катей было все в полном порядке, даже живот не болел, а уж она в отношении пищи слыла наипервей-

шей привередой. Если только... Страшная догадка промелькнула в ее головке. Катя абсолютно никак не реагировала на алкоголь и наркотики. Солянку они ели вместе, но ни вина, ни водки не пили. Тем не менее Ангелина хохотала, словно пьяная... Значит... Катю осенило! Значит, грибы в подозрительной солянке были галлюциногенные, те, которые Катя не могла распознать на вкус! Вот поэтому и Платон Платонович, как умалишенный, твердил Леночке по дороге в больницу про сокровища Рюрика, выкопанные на огороде у Ольги Ивановны.

О галлюциногенных грибах Катя знала не понаслышке. В Псковской области, недалеко от поселка, где жили они с тетей Лизой, было заброшенное летное поле. Там каждое лето появлялись «волшебные грибы», за которыми устремлялись любители «тихой охоты».

Катин одноклассник с восторгом рассказывал, как они с друзьями набирали целые кучи грибов, делили на «дозы» по тридцать штук на каждого, наедались, а потом их классно «перло». На смех пробирало, словно кто под мышками щекотал, ноги слабели, делались ватными, и движения будто замедлялись. Примерно через час мальчишек начинало «колбасить». Все вокруг становилось таким необычным: краски яркие, галлюцинации, шумы всякие, картинки смешные. В зеркало на себя без смеха смотреть невозможно: лицо будто расплывалось и искажалось. Все предметы оживали и шевелились, даже шторы или диван начинали что-то шептать и двигаться. И на душе становилось легко и радостно, как раньше никогда не было. Но иногда и на страх пробирало: тогда в зеркале черти и кикиморы мерещились. А убежать от них на ватных ногах было трудновато.

Тот парень знал, что «волшебные грибы» вредны для здоровья и, в конечном итоге, вызывают слабоумие.

Тогда он чуть из школы не вылетел — вообще ничего не соображал, скатился на двойки и тройки. До нового года выкарабкивался, потом вроде адаптировался и с грибами завязал.

Из их школы несколько любителей галлюциногенов стояли на учете в милиции. К ним участковый на дом приходил, проверял, в каком состоянии подопечные. Но подростков это не останавливало. Тогда в школу прислали лектора из наркологического диспансера, который пояснил, что галлюциногенные грибы — те же наркотики. А употребление их в пищу влечет за собой слабоумие, шизофрению и гепатит. Однако рассудок терялся постепенно, а кайф ловился сразу, и в сезон грибов вокруг поля милиционеры установили круглосуточное дежурство. Лектор еще пугал тем, что после поедания грибов в мозгу человека происходят кардинальные необратимые изменения. Потом дохнет печень, ведь грибы еще и токсичны. А ощущения после употребления поганок следующие: через полчаса после приема повышается давление, появляется чувство тревоги. Затем наступает расстройство схемы тела, то есть человек перестает чувствовать свои руки и ноги. Краски и видения становятся очень яркими. Звуки «видятся», а картинки «слышатся». Все вокруг ускоряется и кружится, будто при катании на карусели. Это удачный случай. Но бывают и плохие путешествия. Человек может вообразить себя птицей и выпрыгнуть из окна пятого этажа. Наркотики действуют на мозг. Появляется зверский аппетит, настроение улучшается и появляется сексуальное возбуждение. Но клетки мозга постепенно умирают от токсического действия грибов, и, в результате длительного употребления наркотиков, человек становится замкнутым и угнетенным. Наконец, при передозировке возникали тошнота, рвота, обильное слюноотделение и двигательное возбуждение, в редких слу-

чаях — смерть от удушья в результате паралича дыхательных путей.

Все, что Катя вспомнила о «волшебных грибах», заставило ее, вопреки предупреждению Анатолия, надавить на педаль газа и прибавить скорость. Пропрыгав последний километр по бетонным плитам, «ауди» выскочила на шоссе и понеслась в город. От волнения Катя забыла переключить дальний свет на ближний и ослепляла всех встречных водителей. Они моргали ей фарами, гудели, а поравнявшись с сидящей за рулем женщиной, крутили пальцем у виска. В ответ Катя выставляла в открытое окно комбинацию из одного поднятого вверх среднего пальца и четырех сжатых в кулак.

— Сами дураки! — ворчала она, посматривая на притихшую Ангелину.

У Ангелины на коже проступили красные пятна, зрачки расширились, глаза как будто остекленели, дыхание стало прерывистым и тяжелым, а смех приступообразным. По лицу блуждала жалкая улыбка, словно она пыталась на чем-то сосредоточиться, но у нее ничего не получалось. Взгляд бездумно скользил дальше, и внимание рассеивалось. Кате даже показалось, что Ангелина и ее не узнает. Пытаясь разговорить старшую подругу, Катя несла всякую ахинею про Илью, про медовый месяц на Бали, про полутораметровую русалку, полученную ими от Анатолия и Ангелины в качестве свадебного подарка, но все старания были напрасными. Ангелина погрузилась в себя, на Катины вопросы отвечала невпопад и хихикала, как слабоумная.

Неожиданно Ангелина согнулась пополам и застонала от сильной рези в животе. Катя резко нажала на тормоза, машина вильнула на обочину, но следующий за ними красный «мерседес» все же впеллся правой фарой в левый угол бампера «ауди».

Умершая было сигнализация завывала, точно взбесившаяся собака, но Кате было не до сигнализации, не до «мерседеса». Она выскочила из машины, обежала ее спереди, распахнула перед Ангелиной дверцу.

— Ничего, ничего, все будет хорошо, все будет хорошо, — твердила Катя, успокаивая сама себя.

Ангелина вывалилась из машины на обочину. Она корчилась и прижимала руки к животу.

— Господи! — заплакала Катя. — Ну что же мне делать?

Она приподняла Ангелину, которая стонала и шаталась, будто пьяная. От нового спазма у Ангелины запершило в горле и ее вырвало фонтаном. Катя заботливо вытерла ей рот носовым платком.

— Это хорошо, что стошнило, — утешала Катя и Ангелину, и себя. — Теперь тебе станет легче. Вот увидишь, — сквозь слезы повторяла она, обнимая за плечи сгорбленную подругу.

— Вы че, девчонки, ездить не умеете?! — водитель «мерседеса» с любопытством наблюдал за стоящими на обочине женщинами. — Че, твоя подруга малость перебрала?

— Как вам не стыдно?! — разъярилась Катя. — У нее серьезное отравление, она больна, а я везу ее в больницу.

— Да вези хоть на кладбище, мне фиолетово. Только бабки заплати за нанесенный ущерб. Вон фару из-за тебя разбил. А знаешь, сколько стоит фара для моего мерина? — наступал на Катю коренастый мужик.

— Не знаю, — буркнула в ответ Катя. — А вы это... — она вспоминала правильное название, — дистанцию обязаны соблюдать. Это вы в мою машину врезались, вы и виноваты! И незачем разводить меня на бабки! Я вам не лохушка какая-нибудь, могу за себя постоять!

— Слушай ты, коза обдолбанная! Ты на себя в зеркало смотрела? У тебя же зрачки как блюдца и глаза в

пол-лица. Вы чего-то накурились вместе с подружкой, развлекаетесь на дороге, потом вам резко приспичило на снежок проблеваться, а я виноват! Дудки! Я с тебя три шкуры спущу! Понакупили прав, а ездить не научились! — мужик подошел к брошенной Катей «ауди» и выдернул ключи из замка зажигания. — Пока не заплатишь, никуда не рыпнешься!

— Вызывайте страховщиков, — потребовала Катя. — Мне бояться нечего, моя машина застрахована.

— Ты лучше своего хахалю вызови, который тебе машину подарил, — посоветовал ей мужик. — Ишь, сопля худосочная! Еще учить меня вздумала!

— Я вас умоляю, — Катя попробовала договориться по-хорошему. — Войдите в мое положение: моя подруга может погибнуть, если я не доставлю ее в больницу. Поедьте вместе с нами, раз вы мне не верите. Нас уже врач ждет, а вы меня задерживаете.

— Никуда я с тобой не поеду! Я знаю, какое лекарство нужно твоей подруге... Небось доза требуется, да? У-у-у, наркоманы проклятые! — разорался мужик. — Нигде от вас покоя нет! Вон, возле моего дома, напротив рынка автобус каждый день стоит с надписью на боку «Врачи мира». Там для наркоманов шприцы бесплатные раздают и лекции читают, мол, как это плохо для здоровья — наркотики употреблять. А наркоманы на рынке зелья купят, за бесплатными шприцами в автобус зайдут и тащатся потом до одурения. Я бы им яд вкалывал, все равно подохнут, незачем зря небо коптить!

— Отдайте ключи, — твердо попросила Катя. — Мы не наркоманки. Если с моей подругой из-за вас что-нибудь случится, я сама вам яд вколю.

— Ах ты мне еще и угрожать вздумала! — мужик засучил рукава и пошел в наступление на Катю. — Да я

тебя голыми руками порву как лягушонка на две половинки!

— Ни с места! Еще шаг и я буду стрелять! — Катя извлекла из кармана зажигалку Ильи, точную копию миниатюрного дамского кольца.

Она нарочно припрятала зажигалку от мужа, чтобы тот поменьше курил. А то, ссылаясь на нервный стресс, Голубев беспрестанно дымил, как паровоз, и прокурил всю квартиру.

— Я не шучу! Мне терять нечего! Замочу, и рука не дрогнет! — блефовала Катя, наводя дуло на побледневшего мужика. — Бросай ключи и мои, и свои! Ну! Живо!

— А мои-то ключи зачем?! Ты ж на двух машинах не поедешь! — под дулом пистолета мужик стал более покладистым.

— Я выкину их через километр, чтобы ты пробежался и остыл, — Катя боялась, что разъяренный жлоб кинется в погоню, а ей нужно было во что бы то ни стало доставить Ангелину в больницу.

— Ты это... — роли переменились, и теперь мужик уговаривал Катю отпустить его подобра-поздорову. — Не надо. Оставь мне ключи, я поеду своей дорогой и про фару забуду. А если нужно, я возьму стоимость вашего ущерба. — Он крутил головой, но как назло, на шоссе не было других машин. — Сколько ты хочешь? Сто баксов устроит? — он раскрыл портмоне и помахал зеленой стодолларовой купюрой.

— Ключи! Быстро! — в голосе Кати послышались железные нотки. — Считаю до трех. Раз... Два...

— На, на! Возьми! — мужик прекратил торговаться и швырнул две пары ключей.

— Встань в десяти метрах от лобового стекла моей «ауди», чтобы я тебя видела, — командовала Катя, не отводя дула.

Она усадила Ангелину обратно на сиденье, вставила ключи в замок зажигания, но кроме фыркания и рычания от машины ничего больше не добилась.

— Не повезло тебе, мужик! — констатировала она, вылезая из «ауди». — Придется экспроприировать твою тачку. Это тебе в наказание за то, что ты на меня наехать хотел. И не возмущайся! — Катя резко выкинула вперед руку с зажигалкой. — Просто сегодня не твой день. Будь мужественным, подойди к машине и помоги моей подруге пересесть в твой «мерседес». Только без глупостей... — Катя вошла в роль, и чем больше волновался мужик, тем увереннее чувствовала себя она. — Я оставлю тебе ключи от «ауди» и даже не конфискую твой мобильник, который ты так судорожно сжимаешь рукой в правом кармане пиджака. Но ты лучше не заявляй об угоне, если меня начнут преследовать, я влеплюсь твоей тачкой в первый попавшийся столб и разобью ее в хлам. А мне терять нечего: мой муж банкрот, и мы вот-вот лишимся всего имущества. Если ты в машинах разбираешься, почини «ауди» и подгребай к японскому ресторану. — Катя швырнула на землю визитку. — К ночи твой «мерседес» будет там. Я махну его на свою «ауди». Все по-честному. — Она продиктовала условия, завела чужую машину и уже из окна сказала на прощанье: — Молись за нас, чтобы мы доехали благополучно, в целости и сохранности.

Мужик с отвисшей челюстью остался стоять посреди дороги, а Катя помчалась в город на сверкающем глянце красном «мерседесе».

Юную бандитку не остановили ни на одном посту ГАИ; мужик поверил в ее угрозы. До больницы Катя добралась без приключений и сдала Ангелину прямо на руки Анатолию.

— Ты на чьей машине? — поинтересовался он, пересяживая Ангелину в кресло на колесиках.

— Напрокат взяла, — отшутилась Катя.

— А где «ауди»? — Анатолий покатил кресло к лифту.

— Да один доброволец взялся отбуксировать ее к ресторану. Кстати, Ангелину по дороге тошнило, — вспомнила она о причинах экстренного торможения.

— Это хорошо, — обрадовался Анатолий.

— Я тоже так подумала, — улыбнулась Катя, радуясь за подругу. — Ну, я поехала...

— Куда это?! — удивился Анатолий.

— Илья, наверное, меня уже обыскался, — переминалась с ноги на ногу Катя. — Вдруг Каррерас появится... Я не могу Илью одного надолго оставлять.

— Никуда ты не поедешь! — категорично заявил Анатолий. — И не до Каррераса сейчас! Илью я уже предупредил, он сам здесь скоро будет. Ты что не понимаешь, вас же пытались отравить?! Это же уголовное дело! Илюха поднял на ноги своих друзей из милиции, они обещали опера прислать, чтобы все запротоколировать.

— Что запротоколировать? — переспросила Катя, пораженная его дальновидностью.

— Как что?! Твои показания, результаты обследования и анализов Ангелины, результаты твоего обследования. Если ваши анализы окажутся идентичными с анализами Платона Платоновича, то можно возбуждать уголовное дело по факту умышленного нанесения вреда здоровью уже трех человек, — перечислял Анатолий. — Пока Ангелине будут проводить симптоматическую терапию, я осмотрю тебя. Ты не думай, что если у тебя невосприимчивость к наркотическим средствам и алкоголю, то твой организм не пострадал от токсичного действия: я уже невооруженным глазом вижу, что

у тебя зрачки расширенные. А живот не болит? Резей нет? — тревожился Анатолий.

— Нет! Со мной все в порядке, — отказывалась от врачебной помощи Катя. — Я и солянки-то совсем немного съела, так сказать, за компанию. Мне ее вкус сразу странным показался.

— И все равно я настаиваю на обследовании и осмотре. И не перечь врачу! Я за тебя перед Илюхой отвечаю, значит, должен гарантировать, что ты здорова. И вообще, ты у нас героиня! — похвалил он зардевшуюся девушку. — Ты представляешь, что бы было, если бы Ангелина поехала в это треклятое Елкино одна...

— Ах! — Катя даже зажмурилась от страха, вообразив последствия ужина с бабой-ягой. — Мне это и в голову не пришло! Она же могла разбиться по дороге...

— Да, — кивнул Анатолий. — Мы с Ангелиной у тебя в долгу. Ты фактически спасла ей жизнь.

— Нет, вы мне ничего не должны, — Катя отказывалась от лаврового венка. — Когда-то Ангелина спасла мою жизнь. Она приютила меня, а ведь я хотела закончить жизнь самоубийством, так мне было плохо.

— Эх ты, цыпленок жареный, — пожурил ее Анатолий. — Разве ж так можно разбрасываться молодой жизнью. Сегодня плохо, завтра хорошо. Не кручинься, Катюха, нам потому везет, что вместе мы — сила. Сейчас главное — ваше здоровье, а Каррераса мы все скопом завалим!

Анатолий довез Ангелину до палаты интенсивной терапии, а Кате строго наказал сидеть в коридоре и ждать медсестру, чтобы сделать анализы.

— Анатолий, — попросила Катя. — Ты мне честно скажи, с Ангелиной все будет в порядке, да? Ведь у меня кроме нее и тети Лизы никого нет...

— Ей уже лучше, — успокоил Катю Анатолий. — Я тебе обещаю, что вы с Илюхой будете свидетелями на нашей свадьбе.

Голубев принесся в больницу быстрее, чем медсестра дошла до сидящей возле кабинета Кати.

— Котенок! — заорал он с конца коридора, распугивая своими воплями больных. — Как ты?! Жива, здорова?!

Белый халат, выданный для входа на отделение, не застегивался на животе Ильи, когда он стремительно пошел навстречу Кате, полы распахнулись, отчего стал он походить на большого жука с алебастровыми крыльями. Только сейчас, глядя на него, Катя осознала, какой опасности подверглись они с Ангелиной. Двое мужчин, в общем-то, не склонных к панике, встревожились не на шутку, а это значило, что дела и впрямь были чрезвычайно серьезными. Запоздалый страх поверг Катю в истерику, и она, рыдая, повисла на шее мужа.

— Не плачь, малыш, — утешая жену, Илья целовал ее соленые щеки, его голос был хриплым и дрожащим. — Не плачь...

— Я не за себя плачу, — сквозь всхлипы бормотала Катя. — Я за Ангелину. Мне-то что, я в порядке, а ей так плохо было... У меня аж поджилки затряслись, еле с управлением совладаю.

— Ты молодец, котенок! — нахваливал жену Илья. — С такой ситуацией не каждый мужик бы справился, а ты справилась.

— Илья, — Катя собрала волю в кулак и сглотнула застрявший в горле ком, — я должна тебе кое в чем признаться... — Илья насторожился. — Я совершила преступление!

— И какое же?! — не верилось Голубеву. — Собаку по дороге сбита или кошку? — он прекрасно знал, что трусишка Катя и муху не обидит.

— Нет, — Катя растерла по лицу слезы, — хуже!

— Хуже?! — переполошился Илья. — Неужели человека сбита?! Насмерть?!

— Нет, нет, что ты, — замахала руками Катя. — Никого я, слава Богу, не сбила, хотя ехала, честно говоря, на автопилоте.

— Тогда о каком преступлении идет речь? — от волнения Илья перешел на официальный тон.

— Вооруженное нападение и ограбление, — повинилась Катя и во всех подробностях рассказала мужу о столкновении с «мерседесом», об угрозах в свой адрес и о вынужденной конфискации машины.

— Ну ты дала, малышка! Всех нас обскакала! — восхитился женой Илья. — Я-то думал, что ты у меня форменная трусиха, а ты, оказывается, террористка и грабительница. Правильно гласит пословица: «В тихом омуте черти водятся». Как тебе в голову пришло воспользоваться зажигалкой вместо оружия...

— Да тот мужик все время хватался за карман пиджака, наверное, намеревался кому-то позвонить. Я тоже машинально схватилась за свой карман, а там зажигалка. Я ее нарочно от тебя припрятала, чтобы ты курил пореже, — подробно докладывала Катя.

— И тебе не боязно было? Вдруг бы он на тебя напал, — Илья бережно гладил ее плечи и прижимал Катю к груди. — Разве можно так рисковать!

— Я в тот момент от злости вся кипела и этот спектакль разыграла, будто заранее отрепетированный. Я ж ему предлагала разойтись по-хорошему, а он меня такими словами оскорблял, язык не поворачивается повторить. У меня в голове только одна мысль свербила, как довезти Ангелину до больницы, — объясняла причины своего неожиданного геройства Катя.

— Нет, ну надо же! — Голубев все никак не мог угомониться. — Ты и вооруженное нападение... Это тебе не хухры-мухры... Котенок, — шепнул он жене на ушко, — а ты мне дома покажешь?

— Что?! — опешила Катя.

— Как ты с пистолетом на мужика нападала...

— Балбес ты, Илья! — отстранилась от него Катя. — Тебе скоро тридцатник стукнет, а у тебя ветер в голове гуляет!

— Я не балбес, — обиделся Илья. — Я экстремал! Я же не виноват, что без адреналина не могу жить!

— А ты, — усмехнулась Катя, — поезжай-ка в гости к бабе-яге, поешь у нее грибной соляночки и экстремаль потом до потери сознания.

— Хорошая мысль! — уцепился за нее Голубев. — Надо же эту вашу отравительницу на чистую воду выводить...

— Нет, милый, ты не балбес, — исправилась Катя. — Ты — гораздо хуже, ты — несносный мальчишка, у которого детство в ж... играет! — выпалила она в сердцах. — Мало тебе с рестораном экстрима, так ты опять на рожон лезешь!

— Ну, котенок, — принялся подлизываться к жене Илья. — Не злись на меня. Никуда я не поеду, ни к какой бабе-яге и вообще отныне во всем буду слушаться только тебя!

— Наворковались, голубки, — молоденькая медсестра кокетливо поправила хрустящую от крахмала шапочку. — Попрошу девушку на анализы, а то Анатолий Дмитриевич у нас, ух какой строгий! Вмиг разжалует меня из старшей медсестры в рядовые.

— Какой тут у Толяна цветник, однако, — присвистнул вслед кокетке Голубев. — Нужно будет залечь к нему на обследование денечков на пяток, пусть вокруг меня такие феи порхают.

— Чего расселся! — тут же прикрикнула на него пожилая уборщица в бесформенном халате мышинного цвета. — Ишь, натоптал, следы — по всему коридору. Бахилы нужно покупать или сменную обувь передевать, раз на отделение пришел. И ходят, и ходят, —

гундосила уборщица, надраивая шваброй под ногами Ильи. — Давай, вытирай ботинки о тряпку, я за тобой персонально убирать не нанималась!

— Спасибо, добрая женщина, — как можно приветливее ответил Голубев. — Пожалуй, не лягу я в эту больничку... Что-то передумалось.

— Привет, — освободившийся Анатолий пожал руку Ильи. — Куда твой мент запропастился? Я тут такое наковырял, такое... — от переполнявших эмоций слова не поспевали за мыслью. — Налицо три факта отравления. Можно заводить уголовное дело по статье: умышленное нанесение вреда здоровью граждан.

— Не факт, — осадил друга Илья. — Имея юридическое образование, я легко могу оспорить твоё обвинение. Кроме результатов анализа, других улик нет. Свидетелей преступления тоже нет. А следовательно, дело рассыплется, едва попав в руки грамотного адвоката...

— Что ж ты предлагаешь?! — кипятился Анатолий, перебивая Голубева. — Простить отравительницу и оставить её гулять на свободе! Так она ещё кучу народа потравит!

— Да остынь ты! Дай мне хоть слово сказать, — Илья повысил голос. — Я ничего подобного не предлагал, не передергивай! Но к делу нужно отнестись серьезнее, а старушку вашу ловить с поличным.

— То есть как с поличным?! — переспросил Анатолий. — Заслать к этой ведьме ещё кого-нибудь?!

— Угу, — кивнул Илья. — Будем ловить её на живца. А к старушке поедem я и представитель закона... А вот, кстати, и он.

В конце коридора показалась шуплая фигура человека в форме.

— А я что буду делать? — Анатолий почувствовал себя обделенным, а вендетта за Ангелину требовала старушечьей крови.

— Ты, Толян, как самый здравомыслящий из нас и к тому же врач, будешь прикрывать наши тылы, — значимо изрек Голубев. — Я больше никому не доверяю так, как тебе.

— Здравствуйте, Илья Андреевич, — еще совсем желторотый сержант козырнул Голубеву. — Разрешите представиться — Крылов Николай Егорович, можно просто Коля.

— Ну, давай, Колян, — Голубев пожал ему руку. — Знакомься, это мой лучший друг — Анатолий Дмитриевич. Можешь звать его Анатолием.

— Здравствуйте, Николай, — Анатолий тоже пожал руку сержанту. — Давайте пройдем в мой кабинет, я покажу вам результаты анализов и изложу суть дела.

— А Катя? — развел руками Голубев. — Я обещал ее дождаться.

— Она не скоро освободится...

— Ты ж говорил, что у нее только анализы возьмут, — забеспокоился за жену Илья. — Ты что-то от меня скрываешь...

— Не паникуй! С ней все нормально, но, на всякий случай, я наказал старшей сестре, чтобы она сделала Кате промывание желудка. Все-таки эта зараза токсична, незачем печенку захламлять. А после процедуры она немножко полежит, отдохнет. Можно ей укольчик успокоительный всадить... Тьфу ты, все время забываю, что твоя Катерина — уникам. Может, мне на ней диссертацию защитить... Такой благодатный материал под руками, грех не воспользоваться, — Анатолий ободряюще похлопал Голубева по плечу.

— Опять шутишь?! — упрекнул Илья. — Нашел время.

— Я не шучу, — лицо Анатолия стало серьезным и сосредоточенным. — Ты радуйся, что Катька еще молодая и здоровьем крепкая. А коснись, упаси Господи, пе-

релом или аппендицит, или рожать надумает... Врачи всадят ей обычный наркоз, а она мучиться будет. Так и от болевого шока недолго загнуться.

— Да-а-а, задумчиво протянул Голубев. — Я бы от ребеночка не отказался. Пора уже.

— Вот поэтому нужно ее обследовать и подобрать препараты для экстренных случаев, чтобы она сама знала, от чего будет прок, а от чего нет, — разъяснил Анатолий.

— Да не приставайте вы ко мне! — выскочившая из кабинета Катя отбивалась от вцепившейся в нее медсестры. — Хватит с вас анализов! Не нужно мне никакого промывания желудка! Я боюсь всех этих ваших штучек, трубочек и воронок.

— Но Анатолий Дмитриевич велел, — медсестра тянула Катю обратно в лабораторию. — Идемте, это для вашего же блага.

— Илья! Анатолий! — Катя кинулась к ним за спасением. — Скажите ей, чтобы она от меня отстала.

— Увы, Катюша, — Анатолий развернул ее лицом к лаборатории. — Приговор обжалованию не подлежит. Даже несмотря на лавры героини, тебе придется пройти эту процедуру. Кстати, ничего страшного в ней нет. У нашей старшей медсестры легкая рука.

— Ну, Илья, — хныкала Катя. — За что?

— Так надо, милая, — как дитя уговаривал жену муж. — Так надо. Будь послушной девочкой. Подумаешь, промывание желудка. Люди ради своего здоровья и не на такие жертвы идут!

— Не хочу-у-у! — сопротивлялась Катя. — Не пойду-у-у! Я здорова-а-а! — подвывала она, когда Илья за руку тянул ее назад.

— Стойте! — в лестничном проеме появился обобраный Катей владелец «мерседеса». — Вот она, бандитка! Задержите ее! — завопил он на весь коридор.

За спиной мужика следовали два накачанных, плечистых телохранителя в одинаковых черных костюмах. Лицо потерпевшего было перекошено от злости, и, если бы не присутствующие Анатолий, Илья и сержант Крылов Николай Егорович, он бы самолично скрутил хрупкую девушку в бараний рог.

Катины защитники спрятали ее за свои спины и сомкнулись плечами, образуя стенку. Илья на правах законного супруга выступил чуть вперед, с улыбкой встречая грубого водителя. Тот, как бойцовый петух, подлетел к Илье, наскакивая на него грудью и брызжа слюной.

— Вас тоже привлекут к уголовной ответственности за укрывательство преступницы, — предупредил он.

— А что произошло? — спросил у него Анатолий.

— О какой уголовной ответственности идет речь? — поинтересовался сержант.

— Я так и думал, что эта фифочка всех тут за нос водит, — брызгал слюной мужик. — Вон, какое жалостливое лицо сделала. У-у-у, злыдня, гнить тебе на нарах! — угрожал он Кате увесистым кулаком.

— Гражданин! — Анатолий отодвинул в сторону Илью и встал на его место. — Если вы немедленно не объяснитесь, по какому праву вы проникли на отделение, и не предъявите соответствующие санкционированные документы, подтверждающие ваши полномочия, я вызову военизированную охрану, и вы сами как минимум две недели проведете на нарах, отбывая срок, за нарушение общественного правопорядка.

— Я понял! — распалялся мужик. — У них тут одна шайка! Она машины ворует, а врач ее покрывает. У нее, наверное, и справочка присутствует, что она на головку слаба!

— Я попрошу вас покинуть помещение! — отважный сержант козырнул двум накачанным телохранителям.

которые вдвое превышали его по габаритам. — Если гражданка в чем-то виновата, заявите об этом в соответствующие органы. Я не потерплю самосуда!

— Да вы знаете, с кем имеете дело?! — глаза мужика налились кровью, а на скулах заиграли взбухшие желваки. — Да вы знаете, кто мой тесть?!

— Неужто Сталин Иосиф Виссарионович? — ухмыльнулся Голубев. — Ты, мужик, похоже, сам ненормальный, у нас сейчас не тридцать седьмой год, никого без суда и следствия не расстреливают. А про тебя она нам все рассказала: и как ты их оскорблял, и как ключи от машины отнял, и как мешал подругу в больницу везти...

— Катюша, ты иди, — Анатолий спровадил виновницу инцидента вместе с медсестрой с глаз подальше от серьезного мужского разговора.

— Стой, соплюха! У меня с тобой разговор не окончен! — мужик рванулся к Кате, отталкивая Анатолия и Илью.

— Ну, подонок! — взбешенный Голубев подпрыгнул, как мячик, и врезался лбом в лоб нападавшего.

Телохранители дернулись защитить падающего мужика, но сержант встал между дерущимися. Щуплый милиционер, как секундант, выставил впереди себя удостоверение работника правоохранительных органов и строго предупредил:

— Не лезьте, а то влеплю вам обоим статью и посажу за хулиганство в общественном месте, — и добавил чуть снисходительнее: — Да и не по-мужски это, не по совести. Пусть разберутся один на один.

Мужик охнул и присел, глаза у него сошлись в кучу. Он тяжело дышал и стонал, прислонившись спиной к стене, но лишь Голубев ослабил внимание, выкинул вперед правый кулак и врезал Илье в поддых. Голубев крикнул, согнулся напополам, однако жирок на живо-

те служил ему не только символом растущего благо-
состояния, но одновременно и амортизационной по-
душкой. На подлый удар снизу Илюха, еще пацаном за-
каленный в дворовых драках, ответил ударом ребер ла-
доней по легким. Мужик раскрыл рот, хватая воздух,
как выброшенная на берег рыба, и сполз по стенке на
пол. Голубев замахнулся было ногой, чтобы добавить
ему как следует, но, посчитав, что лежачего бить не по-
джентльменски, остановился.

— Что вы стоите, чурки деревянные! — завизжал с
пола владелец «мерседеса», перенося гнев на своих те-
лохранителей. — На меня напали, а от вас никакого
прока.

— Да мы думали... — оправдывался один из них, по-
могая ему встать.

— Вам думать по жизни не положено! — заверещал
мужик. — Вам мой тесть не за мозги бабки платит, а за
мускулы. Ну-ка быстро скрутите этих гадов и их дев-
ку, не то я вас!.. Я вас!.. — раскрасневшись и разволно-
вавшись от гнева, он никак не мог придумать, что ж
ему сделать с нерадивой охраной. — Уволю, твари! —
грозился он, топая ногами, как взбешенный гиппопо-
там. — Я кому сказал! Вперед!

— Да пошел ты! — огрызнулся один из телохани-
телей. — Мы не к тебе нанимались! Твой тесть в отли-
чие от тебя человек порядочный, а ты — нуль без па-
лочки, только пальцы веером распускаешь! Будешь на
нас бочку катить, мы твоему родственничку доложим
обо всех твоих похождениях: по ночным клубам, по ка-
зино, по девочкам...

— Что?! — на губах мужика выступила пена. — Мол-
чать! Сволочи! Твари продажные! Кто вам поверит?!
Ваше слово против моего ничего не стоит...

— Твой тесть давно к тебе присматривается, — до-
верительно сообщил второй телохранитель. — Видно,

дочка его на тебя нажаловалась. Вот он нас и попросил на тебя компромат заготовить. Мы-то тебя сперва жалели, думали несладко тебе живется с такой крокодилицей, а ты... Зато теперь сдадим тебя с чистой совестью. У нас на пленке все твои культпоходы зафиксированы. Так что не быкуй и не наезжай на народ почему зря, когда у самого рыло в пуху!

— Ах вы! — зарвавшийся мужик попер на телохранителей. — Да я вам морды начищу! Да я вам всем!.. Да я...

Словесный поток прервался двумя одновременными хуками в челюсть слева и справа. Телохранители снова уложили его на пол в длительный нокаут.

— Десять, — начал считать сержант.

— Девять, — подхватил Анатолий.

— Восемь, — продолжил Голубев.

— Зря считаете. Он не встанет! Мы же профессионалы, — обиделись телохранители.

— Семь, — азартно выкрикнул сержант, склонясь над поверженным мужиком.

— Шесть, — словно на ринге отчеканил Анатолий.

— Пять, — прохрипел Голубев, потирая ушибленный живот.

— Четыре, — прошептала за их спинами Катя.

— Три, два, один, — закончил за них вызванный вахтершей охранник. — Вы чем тут занимаетесь? Ворон считаете? — он протиснулся сквозь кольцо публики, склонившейся над скрюченным на полу мужиком. — Что это с ним?

— Я как раз намеревался это выяснить, — Анатолий присел на корточки теперь уже над потенциальным пациентом. — Пульс слегка учащенный, но в пределах нормы, дыхание ритмичное, следов видимых повреждений нет...

— Как это нет?! — удивился охранник. — А кто это его так отрихтовал, у него ж морда на глазах пухнет, и кровяки из носа хлещет.

— Превентивные меры, — пояснил Анатолий. — Товарищ, видимо, отделением ошибся, бегал тут, скандалил, всех больных переполошил. Пришлось силами общественности его останавливать. На словесные увещевания он не реагировал, хорошо, что рядом оказались сильные ребята. Спасибо, что помогли, — Анатолий по очереди пожал телохранителям руки.

— Так что мне с этим дебоширом делать? — охранник попросил совета у Анатолия.

— Оформляйте его на пятнадцать суток, — порекомендовал Анатолий. — Составляйте протокол задержания, а я и имеющиеся здесь свидетели подпишемся. Кстати, разрешите представить вашего коллегу — Николая Егоровича.

Сержант козырнул охраннику:

— Вызывайте машину из отделения, я подтверждаю факт хулиганства и самовольного проникновения на территорию медицинского учреждения.

— Добро, — согласился охранник и по рации связался с главным пультом. — А с ним же еще двое были, — вдруг вспомнил он. — Вахтерша их разглядеть не успела, все пыталась этого горлопана остановить, а он ей всеми карами небесными угрожал.

— Он здесь всем угрожал, — доложил Анатолий. — Но с ним никого не было.

— А эти? — охранник кивнул в сторону телохранителей.

— Они пришли на собеседование. Хотят работать у нас на отделении санитарями. Ваш коллега из милиции прибыл для составления протокола по факту отравления больной Громовой, а господин Голубев приехал забрать выписывающуюся жену. Видите, сколько у меня работы — непочатый край. А я столько времени на этого ненормального ухлопал.

— Я все понял, Анатолий Дмитриевич, — охранник зашелкнул за спиной задержанного наручники и усадил его, прислонив спиной к стене.

Пациенты, с интересом наблюдавшие за всем происходящим как за эпизодом сериала «Убойная сила», разбрелись по своим палатам.

Глава 12

При виде лужицы крови, вытекшей на пол из разбитого носа владельца «мерседеса», Катя побледнела. Ее, похоже, начало тошнить. Она зажала руками рот и замычала. Сообразительная медсестра показала ей на двери туалета. Катя, как ошпаренная, понеслась по коридору, лавируя между дефилирующими больными.

— Ну вот! — порадовался за нее Анатолий. — Теперь не нужно делать промывание желудка.

— Я же говорил, что она трусишка, крови ужасно боится, даже не может мясо отбить, — улыбнулся Илья.

— Женщины — слабый пол, что с них возьмешь, — снисходительно покачал головой сержант Николай Егорович.

— А это правда, что она напала на нашего паразита и отняла у него «мерседес», угрожая оружием? — спросили телохранители. — Он, пока мы его до города волокли, нам все уши прожужжал про то, как две обдолбанные наркоманки спровоцировали аварию, а когда он справедливо затребовал с них компенсацию за поврежденную машину, одна из них, — телохранители синхронно ткнули пальцами вслед убежавшей Кати, — выхватила из кармана миниатюрный дамский кольт и конфисковала его тачку.

— Ну разве ж она может кого-то обидеть, — укорил их Голубев, втайне гордясь Катиными похождениями и ее растущей, как на дрожжах, славе. — Она везла в город заболевшую подругу и очень торопилась доставить ее в больницу. Внезапно подруге стало хуже, и Кате пришлось остановиться на обочине, а ваш жлоб, не соблюдавший дистанцию, врезался в бампер их «ауди». А по гаишным правилам, сами знаете, кто сзади, тот и виноват. Ну ваш ухарь, судя по нимбу над головой, не иначе Бог и царь. Ему правила не указ. Он увидел, что за рулем женщина, что ее подругу выворачивает на обочину, да и прицепился к ним, дескать, обкурились или пьяные. Оскорблял их последними словами. Катя ему по-хорошему предлагала страховщиков вызвать или в городе разобраться, а он ключи из «ауди» вырвал и к машине их не подпускал, самосудом грозил. Тут Катя вспомнила, что накануне припрятала от меня зажигалку. Что ей оставалось делать, посудите сами: подруга нуждается в срочной медицинской помощи, а этот красавец над ними изгаляется.

— Да его за это убить мало! — хором закричали телохранители и сержант Николай Егорович.

— Тогда б я точно без жены остался — посадили бы мою террористку, — заявил Голубев. — А Катюха, молодец, не растерялась, вынула из кармана зажигалку и напугала вашего смельчака до одурения. В «ауди» и раньше барахлил замок зажигания, а он, наверное, когда ключи выдергивал, перестарался и совсем замок добил. На своей машине Катя уехать не смогла, пришлось воспользоваться красным «мерседесом». А, кстати, как вы нас отыскиали? Она оставила ему визитную карточку моего ресторана и пообещала вернуть машину в целости и сохранности. Мы с женой свое слово держим, машину собирались вернуть, но вы нас, каким-то загадочным образом, опередили.

— Чего тут загадочного, — пробасил телохранитель. — Он позвонил тестю, наплел тому о разбойном нападении, шеф выслал нас на помощь. Мы приехали, а наш цуцик в машине колотится. Он же в тачках ни хрена не разбирается, зажрался так, что даже пепельницы за собой не вытряхивает. Ну, мы «ауди» прицепили на буксир, потащили в контору шефа, проезжаем мимо больницы, а он как завопит: «мерседес» угнанный заметил. Вы бы видели, с какой скоростью он по этажам носился, мы аж перепрели все, бегая за ним, пока он на обидчицу не наткнулся.

— Ну, теперь все! — добавил второй телохранитель. — Наше терпение лопнуло! Сам шеф, а он крутышкин еще тот, такого себе не позволяет. Он-то знает, что с людьми, от которых зависит его жизнь, нельзя обращаться как с последней скотиной.

— Только вы это, доктор... — замялся первый охранник. — Подтвердите, если что... Шеф, хоть и справедливый мужик, но мало ли что, они какие-никакие, но все же родственники...

— О, я подтверждаю с превеликим удовольствием! — наконец-то и Анатолию представилась возможность поквитаться за Ангелину. — Вот вам мои координаты, — он записал на бланке рецепта рабочий телефон, домашний и даже номер сотового. — Звоните в любое время. Всегда рад оказать помощь в борьбе за восстановление справедливости. А вам, мужики, если что, и врачебную помощь окажу: залатаю, подлечу, продиагностирую. Пойдемте, я вас выведу через служебный вход, чтобы никаким вахтершам на глаза не попадаться.

— А это кто тут кровищи напустил, а?! — вставив руки в боки, разоралась уборщица. — Я только-только надраила полы, так нет, опять нагадили. Анатолий Дмитриевич, — воззвала она к врачу. — Ну скажите, за что мне такое наказание...

— Все-то ты в трудах, Карповна, все в трудах, аки пчела, — похвалил ее Анатолий. — Без тебя, родная, мы б грязью заросли.

— Это уж точно! — авторитетно изрекла Карповна. — Не много дурочек найдется, драить эту вечную грязюку за мизерную зарплату. Ну, признавайтесь, — строго глянула она на мужчин, а пуще всех на Голубева. — Кто нагадил и за собой не подтер?!

— Да это вон тот, который на полу в наручниках сидит, — Анатолий сдал мужика с потрохами. — Но ты к нему близко не подходи, — предупредил он замахнувшуюся было шваброй Карповну. — Он не в себе. Спасибо добрые люди рядом оказались и остановили его, не то бы он все отделение разнес.

— Ах он изверг какой! — разохалась уборщица. — А на вид интеллигентный, вон как от него одеколоном разит, прям как от моей внучки. Ну и опасная у тебя работа, Анатолий Дмитриевич, за каждым глаз да глаз нужен.

— Золотое сердце у тебя, Карповна, — заливался соловьем Анатолий, — выпроваживая на черную лестницу телохранителей. — А вы меня подождите, я мигом, — наказал он Голубеву и сержанту Николаю Егоровичу.

— Неужели ваша жена и в самом деле решилась на такой поступок?! — не верилось сержанту. — Надо же, никогда бы не подумал, что такая хрупкая девушка способна дать отпор такому здоровому кабану. И поделом, а то некоторые так распоясались, вообразили, что им все дозволено, даже женщин уважать перестали. Какой позор!

— Понимаешь, Колян, Катя отнюдь не агрессивна, — оправдывал жену Голубев. — Но у нее с Ангелиной очень теплые, почти сестринские отношения. А в этом злополучном Елкино они попали в переделку. Я ведь тебя для того и вызвал, чтобы заручиться под-

держкой представителя закона и пресечь преступные действия отравительницы.

— Так, так, — бдительный сержант почуял аромат жареных фактов. — С этого момента попрошу поподробнее, я записываю. — Он раскрыл милицейский планшет и вынул чистый бланк протокола.

— Пусть Катерина сама все расскажет, — остановил его Илья. — Дело-то нешуточное. А вон и она возвращается.

Побледневшая Катя плелась по коридору, поддерживаемая за плечи заботливой медсестрой.

— Все ко мне в кабинет, нечего тут диспут устраивать, — распорядился вернувшийся Анатолий. — Там мы Катюшу на диванчик уложим, пледиком накроем, чтобы ее не знобило, чайку для нее крепенького заварим и обо всем потолкуем. А ты, Ирочка, иди, пациенты ждут, — наказал он старшей медсестре в аппетитно хрустящей накрахмаленной шапочке. — И не забудь, пожалуйста, заглядывай почаще в палату к Громовой. Если какие изменения в самочувствии наметятся, сразу мне докладывай без стеснения.

Ирочка кивнула и побежала по своим делам. Ее белый халат был ослепителен, у белых кроссовок даже подошва была белоснежной, а сама Ирочка бежала так легко, будто у нее за спиной имелась пара невидимых ангельских крылышек.

— Умница, — охарактеризовал ее Анатолий.

— Красавица, — восхитился сержант Николай Егорович.

— Да-а-а, — протянул Илья, обнимая Катю.

— Как там Ангелина? — первым делом спросила Катя, чуть согрившись под шерстяным пледом на диване в кабинете врача.

— Лучше, — ответил Анатолий. — Тошнота прошла, давление практически нормализовалось, взгляд стал

осмысленным, она меня даже узнала, прекратился бред. Она жаловалась на головную боль, но сейчас уснула. Я думаю, что у нее отравление средней степени тяжести чем-то подобным фаллотоксидам и матокси-нам, которые содержатся в зеленых поганках, конических поганках, бледных поганках, мясисто-красноватом ядовитом зонтичнике, зеленолистной серной голове и хвойной сыроежке. При тяжелой степени отравления, если больному не оказывать медицинскую помощь, смерть может наступить на вторые-четвертые сутки, несмотря на видимые улучшения по симптоматике. Катя описала все признаки отравления этими веществами: внезапные рези в животе, жажда, озноб, судороги в икроножных мышцах. Для пережившего этих грибочков возможно одно спасение — срочная госпитализация. Только в больнице постоянными массируемыми инъекциями можно купировать минеральное и ферментное истощения, приводящее к коме из-за отказа печени и необратимых изменений в головном мозге. Мы взяли на исследование содержимое рвотных масс, но я и так уверен, что правильно вычислил тип яда.

— Вы специалист по наркотическим средствам и ядам? — поинтересовался сержант, слушавший Анатолия с раскрытым ртом.

— Нет. Я хирург, но яды — моя страсть, которой я заболел еще со студенческой скамьи, — пояснил врач.

— Значит, это хобби, — сержант сделал в протоколе пометку. — Очень интересно. Я не перестаю удивляться, какую только гадость не едят люди ради того, чтобы испытать острые ощущения. Вот раньше такого не было, — тоном умудренного жизнью и убежденного седидами старца произнес молоденький сержант.

— Да уж, да уж, — усмехнулся Анатолий. — И не говорите, совершенно с вами согласен. Я за годы лечеб-

ной практики такого насмотрелся! Хотите, я вам продемонстрирую коллекцию предметов, извлеченных из горла, желудка и кишечника пациентов.

— Любопытно, любопытно, — Голубев пододвинулся вместе со стулом к столу Анатолия. — Что такого экзотического, помимо японской кухни, едят наши сограждане...

Анатолий отпер сейф и вытащил коробку, доверху набитую медицинскими сувенирами. Чего тут только не было: ключи, брелки разнообразных размеров и форм: длинные, короткие, зубчатые, ребристые, с сигнализацией и без. К каждому экспонату была привязана бирка с данными пациента: возрастом, диагнозом, датой извлечения и причиной поглощения. Только коллекция канцелярских товаров насчитывала больше четырех десятков ручек и карандашей — длинных, коротких, толстых и огрызков, начиненных стержнями, поршневых, гелевых, чернильных. Воткнутые в кусочки поролона иглы и булавки проржавели и щетинились, словно бурый ежик с кусочками бумажек на иголках. Бусинки, броши, кольца, перстни и кулоны, разумеется, кроме золотых, которые меркантильные пациенты забирали обратно, даже три серебряных браслета, часы и ожерелье из янтаря — полный набор прилавка ювелирного магазина. Из резиновых изделий в ассортименте наличествовали две детские соски-пустышки, лопнувший воздушный шарик и сантиметров десять жгута для перетягивания руки при внутривенных процедурах. На дне коробки в бесчисленном количестве валялись монеты, начиная с доперестроечных копеек и заканчивая современными пятирублевиками, но среди отечественных денег затесались также иностранцы: американский двадцатипятицентовик и пол-еврика. Осколки стаканов и тарелок, половинки вилок, ложек и ножей, пуговицы пластмассо-

вые, металлические и костяные Анатолий просто свалил в полиэтиленовый мешок, не считая нужным классифицировать. Однако хитом коллекции бесспорно были: зажигалка в форме изящной женской ножки, дротик с оперением для игры в дартс, велосипедный звонок и игрушечная заводная мышка.

Даже отдыхающая на диванчике Катя попросила Илью приподнять подушку повыше, чтобы она могла, полусидя, разглядывать экспонаты, извлеченные из чрева пациентов.

— А по поводу грибов могу сообщить, что интерес к ним возник давным-давно, а в современном обществе последний бурный всплеск внимания именно к этим наркотическим средствам пришелся на шестидесятые-семидесятые годы двадцатого века, — рассказывал Анатолий, пока сержант, Илья и Катя любовались на диковинную коллекцию. — Когда в 1958 г. швейцарский профессор Хофман выделил и синтезировал основные психоактивные составляющие галлюциногенных грибов — псилоцибин и псилоцин, он, конечно же, не предполагал, что в 1967 г. в России псилоцибин отнесут к разряду наркотиков. А в 1993 г. и сами грибы, содержащие псилоцибин и псилоцин, объявят наркотическими веществами. Самую невероятную теорию о пользе употребления в пищу галлюциногенных грибов я отыскал в книге Теренса Маккены «Пища богов». Он утверждал, что вызывающие мутации психоактивные химические соединения в пище древних людей воздействовали на быструю реорганизацию способности мозга к переработке информации. Растительные алкалоиды, особенно галлюциногенные соединения, могли быть теми химическими факторами в диете первобытных людей, которые явились катализаторами возникновения человеческой саморефлексии. Действие галлюциногенов, присутствующих во многих распространенных рас-

тениях, увеличивало активность переработки информации, а значит, чувствительность к среде, и, таким образом, способствовало внезапному увеличению размеров человеческого мозга.

— Не знаю, — усомнился сержант Николай Егорович. — Может, у первобытных людей организм работал как-то иначе, но сейчас, сколько я не разгонял по домам нашу обкуренную или обколотую молодежь, ни разу не замечал на их лицах признаков просветления или активной работы мозга.

— И тут вы, несомненно, правы, — снова согласился с ним Анатолий. — Древние ацтеки активно употребляли грибы ради возникновения мистических галлюцинаций. В переводе с их языка название звучало как «сакральный гриб». А в Гватемале, Мексике и Сальвадоре сохранилось множество тридцатисантиметровых каменных изваяний этих грибов, украшенных лицами богов и демонов. Возраст старейших из них достигает трех тысяч лет. Несмотря на то, что христианские миссионеры в связи с необычными эффектами считали эти грибы дьявольскими и пытались всеми силами искоренить культ употребления и поклонения «сакральному грибу», эта практика продолжается тайно вплоть до нашего времени.

— Наркоманы всех стран, объединяйтесь! — Илья прокомментировал шутливым лозунгом рассказ Анатолия.

— Им и объединяться незачем, — отмахнулся Анатолий. — В мире насчитывается несколько тысяч видов галлюциногенных грибов.

— А в наших широтах много? — забеспокоился сержант.

— Увы, — огорчил его Анатолий. — Под травой на полях, лугах, выгонах, пустошах, по обочинам дорог и в парках, на орошенных поверхностях, газонах, фут-

больных полях встречаются грибы под смешным названием — острая коническая лысина. Их можно собирать с конца августа и до середины декабря. По краям лесных дорог растут ярь-медянковый и полукруглый тройшлинги, которые собирают с весны до осени. На сгнившем лошадином навозе и хорошо удобренных почвах, в траве, в саду и полях обитает гриб под названием навозная лысина. С апреля по декабрь в основном группами, но иногда по одиночке, на хорошо унавоженной коровьим или лошадиным навозом почве, на плодородных лугах и речных долинах собирают колокольные грибы. Редко, но все же встречается пятнистый красавец леопардовый гриб, который по неведению путают с европейскими пантерными грибами. А под березами, буками, лесным орешником, соснами и лиственницами каждое лето любой из вас может набрать годовой запас красных мухоморов. Кстати не все знают, что белые пятнышки на шляпке могут быть смыты сильным дождем, а мякоть у мухомора белая, без запаха и имеет слабый вкус картофеля. Но я перечислил далеко не все виды представителей вредоносной флоры. На самом деле, в качестве консультанта я сильно проигрываю перед профессиональными охотниками за «волшебными грибами».

— Читал я Карлоса Кастанеду, — блеснул эрудицией Голубев, — «Учение дона Хуана». Так там один мужик поехал учеником к мексиканскому колдуну. Они все спорили про знания и про силу, а сами травки накурятся или пейотля нажрут и давай ящерицам глаза зашивать и языки выдирать. Не книга, а пособие для начинающего наркомана, да еще этот садизм с философскими рассуждениями.

— Ты ничего не понял, Илья, — заступилась за любимого писателя Катя. — К тому же пейотль — это не гриб, а растение.

— О грибах рода псилоцибе в книге тоже упоминалось, — заступился за друга Анатолий. — Перечитайте внимательно предисловие. Там сказано, что высушенный гриб, вероятно, «псилоцибе мексикано», дон Хуан использовал как гуахо, или союзника, для приобретения силы. Дон Хуан вызывал у своего ученика состояние специфического восприятия окружающего мира «состояние необычной реальности» — в противоположность тому, что овладевает человеком в повседневной жизни. Он считал его единственной формой практического обучения и единственно правильным способом обретения силы.

— Хорошо, что наши школьники книжек не читают, — обрадовался сержант Николай Егорович.

— Какие вы примитивные, — укорила их Катя. — Вам нельзя читать подобные книги. Вы видите лишь то, что хотите видеть...

— Я вижу, — мягко перебил ее сержант, — лишь голую статистику, кричащую о том, что количество наркоманов неуклонно увеличивается из года в год. Что средний возраст наркомана все ниже. Что количество преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения растет, а степень их тяжести ужасает. Что за дозу они готовы продать родную мать и своего ребенка. Что список наркотических средств догоняет по толщине Красную книгу...

Крик души сержанта прервал телефонный звонок. Это, весьма оперативно, напомнили о себе телохранители:

— Анатолий Дмитриевич, — собеседник врача басил так громко, что все сидящие в кабинете невольно слушали разговор. — Извините, что от важных дел отрываем, но наш шеф спрашивает, можно ли забрать машину.

— Ой! — спохватилась Катя. — Где моя сумочка? В ней ключи от «мерседеса»...

— Это вы нас извините, — Анатолий улыбнулся Кате и жестом показал ей, чтобы она не суетилась. — Я сейчас подошлю кого-нибудь с ключами от «мерседеса».

— Нет! Не нужно. Свою тачку мы и так уже открыли, у шефа дома имеется второй комплект ключей. Мы вашу «ауди» имели в виду, — пояснил телохранитель.

— Зачем?! — Анатолий подумал, что шеф оказался не настолько благородным человеком и подобным образом решил свести счеты за оскорбленного зятя.

— Шеф велел полностью возместить все убытки по ремонту вашей машины. Он личность известная, своей репутацией дорожит. Ему ни к чему дразги и тягомотина. Он предпочитает все конфликты улаживать без промедления. А у вашей «ауди» крышка багажника помята, задний бампер разбит, замок зажигания не работает, — телохранитель подробно перечислил неисправности машины, будто слесарь из авторемонтной мастерской, заманивающий на сервис выгодного клиента.

— А взамен ваш шеф хочет, чтобы мы не поднимали шумиху вокруг его зятя и простили ему его хамское поведение, — догадался Анатолий.

— Зачем?! — в свою очередь удивился охранник.

— А хрен его знает! — честно сознался Анатолий. — У богатых свои причуды.

— Нет! Шеф — мужик правильный. — Он, наоборот, сразу же созвонился с районным отделением милиции и попросил, чтобы его тестя вместе с бомжами и проститутками подольше подержали в обезьяннике, чтобы он не зарывался. Да вы не беспокойтесь, вашу машину в два счета отремонтируют. Когда вы закончите работать?

— В восемь утра сдаю дежурство, — ответил ошеломленный врач.

— Заметано! В восемь утра ваша тачка, отремонтированная, вымытая и отполированная, будет стоять у въезда в больницу, — пообещал охранник.

— Офигеть, — вместо прощания вырвалось у Анатолия.

Он прикрыл рот ладонью, но из трубки уже звучали длинные гудки.

— Да ни фиги! — опомнился Голубев. — Они нам еще за моральный ущерб должны! Легко отделаться захотели?!

— Не пыли, Илья, — попросил друга Анатолий. — Не до них сейчас.

— Ладно, нехай живут, — милостиво разрешил Илья. — Нам бы со своими проблемами разобраться!

— Да уж давайте, как говорится, ближе к телу, — сержант Николай Егорович разложил на столе свои протоколы. — Вот я тут записал, что в населенном пункте Елкино гражданка Покрышкина Ольга Ивановна пыталась отравить галлюциногенными грибами гражданок Грому Ангелину Станиславовну и Голубеву Екатерину Михайловну. Вследствие чего гражданка Громова в тяжелом состоянии была доставлена в больницу, где по результатам анализов и обследования диагноз острого пищевого отравления был подтвержден. Все правильно? — сержант ждал подтверждения.

Катя утвердительно кивнула.

— Не забудьте указать про то, что тремя днями раньше эта же гражданка Покрышкина пыталась отравить Кузнецова Платона Платоновича, — добавил Анатолий. — Налицо факт покушения на жизнь трех человек.

— Про гражданина Кузнецова я не забыл, но протокол об его отравлении я буду составлять непосредственно по его показаниям, — растолковал тонкости милицейской работы сержант. — Вы бы, Анатолий, проведи Ангелину Станиславовну, если она в состоянии, я бы попросил вас отнести ей документ на подпись.

И вы, Екатерина Михайловна, подпишитесь, — официально обратился он к Кате.

Катя, не глядя, чиркнула ручкой по протоколу, а дошлый Голубев внимательно перечитал каждое написанное блюстителем закона слово.

— Ну и когда нам следует ждать аутодафе отравительницы? — желчно осведомился Илья.

— Ауто... что? — переспросил сержант. — Когда мы ее в город оттранспортируем, что ли?

— Аутодафе, в переводе с португальского, означает «акт веры», проще — сожжение на костре, — важно пояснил Голубев. — Таким образом в некоторых странах расправлялись с лицами, выступавшими против церкви и власти. А добрые отцы-инквизиторы, чтобы согреть горожан и поддержать значимость церкви в глазах народа, сжигали на кострах ведьм, чародеев и астрологов, а заодно: аптекарей, медиков и просто красивых женщин. Но к Ольге Ивановне, судя по рассказу Кати, это не относится, эту старушку следовало бы сжечь за один только экстерьер.

— Что вы еще ей инкриминируете? — слово «экстерьер» сержанту было также незнакомо, как и слово «аутодафе».

— Гражданка Покрышкина Ольга Ивановна — страшна как смертный грех. — По-своему перевел непонятное слово Голубев. — Где-нибудь в Голливуде она бы сделала головокружительную карьеру актрисы фильмов ужасов. Фредди Крюгер в сравнении с ней — Ален Делон. А вот в нашем кинематографе сказок, к сожалению, уже не снимают. Не то лучшей кандидатуры на роль Бабы Яги было бы не сыскать. На одном только гриме сэкономили бы целое состояние.

— Вы опять шутите? — укоризненно покачал головой серьезный сержант Николай Егорович.

— Клянусь мамой! Все — истинная правда, — божил-ся Голубев.

— Кать? — спросил у его жены Анатолий. — Это так?!

— Угу, — передернула плечами Катя, вспоминая крючковатый нос Ольги Ивановны. — Когда я ее увидела, чуть не опис... Ой, чуть не умерла со страху. Все Ангелинино агентство недвижимости может это подтвердить.

— Вы заканчивайте оформление протокола, а я пойду проведу Ангелину. Если она проснулась, приглашу вас с документами, — Анатолий понимал, что сержант не может бесконечно ждать, а до отбоя оставалось всего два часа.

К его изумлению койка Ангелины была застелена и пуста. Разумеется, она сама не могла никуда уйти, а тем более — убрать постель. У Анатолия засосало под ложечкой, а сердце забилося, как пойманная птичка. Где она? Куда она подевалась? В поисках Ангелины Анатолий обежал соседние палаты, но все больные, которых он помнил наперечет, были на своих местах.

На сестринском посту тоже никого не было. Наверное, чай пьют. Анатолий заскочил в комнату для персонала, но кроме Карповны, прихлебывающей из ведерной чашки растворимый кофе, никого не обнаружил.

— Чай, кофе, потанцуем? — засуетилась перед ним Карповна. — Пиво, водка, полежим? — посмеивалась она, споласкивая чашку для Анатолия Дмитриевича.

— А куда Ирочка запропастилась? — справился у всезнающей Карповны Анатолий.

— Да жмурика какого-то в морг повезла, — откликнулась Карповна. — Так вам кофе или чай?

— Какого жмурика?! — подпрыгнул Анатолий. — Куда делась пациентка Громова из пятой палаты? Почему мне не доложили? Что за разгильдяйство? Где Громова?! Я с вами скоро сам жмуриком стану...

— А ты не кричи, Дмитрич, — осадила его пожилая уборщица. — Я тебе не девочка, чтобы ты на меня орал! Я за порядок и чистоту отвечаю, а не за покойников...

Но Анатолий не слышал ее оправданий, он несея вниз по черной лестнице в подвал, где размещался больничный морг. Дверь была заперта, дежурный, как всегда, где-то болтался: то ли с медсестрами языком чесал, то ли где-то на отделении по телевизору хоккей смотрел. Его пациенты были смирные и покладистые, не разбегались и не дебоширили, постоянного присмотра не требовали. Принял, оформил, бирку с записью в учетной книге сверил, на место определил, и — гуляй себе до следующего клиента.

Анатолий выскочил в приемный покой, взял у вахтерши рацию, связался с дежурным и срочно потребовал, чтобы тот явился на пост.

— Ладно, ладно, иду, — ворчал дежурный, а до Анатолия донесся веселый женский смех.

— Поторопитесь! — приказал строгий доктор.

— Да иду уже, иду, — сквозь помехи отзывался дежурный, но смех не прекращался.

— Я сказал немедленно! — гаркнул потерявший терпение Анатолий. — Даю ровно три минуты.

Вахтерша не узнавала в взбешенном докторе того милого приветливого мужчину, который уже несколько лет с улыбкой проходил мимо нее на работу и каждый раз вежливо здоровался и желал ей всех благ.

Дежурный прилетел, как стрела, бренча связкой ключей, прицепленных к поясу.

— Что стряслось, Анатолий Дмитриевич?

— Быстро отпирай свои закрома, — голос Анатолия прерывался и хрипел. — Показывай, где женщина, которую недавно привезли.

— Третья каталка справа у стены, — дежурный наизусть помнил, куда он определил последнего покойника.

— А что? Что-то неправильно оформили? — бормотал он, как привязанный, следуя за врачом.

— Уйди! — у Анатолия от волнения сжалось горло.

Трясущимися руками он сдернул с покойницы простыню. Благообразная старушка со сложенными на груди руками мирно почила, скорее всего, от старости. Ее кожа была белой, без неприятной болезненной желтизны, и Анатолию на минуту показалось, что она крепко спит. Он даже поднес к ее лицу ладонь, пытаясь уловить легкое дыхание и тепло. Но тело уже остыло, его руку обдало холодом. Анатолий отдернул ладонь.

— Кто еще поступал в последнее время?

— Утром спустили из травмы алкоголика с пробитым черепом и все, — уверенно отчитался дежурный. — Сегодня на редкость спокойный день.

— Да уж! — Анатолий отер со лба липкий пот и пригладил вставшие дыбом волосы. — Спокойнее некуда.

— Доктор, я могу отлучиться? — дежурному не терпелось вернуться к неведомой хохотушке. — Вы же сами видите, у меня здесь образцовый порядок.

— А кого тогда Ирина привезла? — не унимался Анатолий.

— Кого, кого, — разворчался охранник, — не меня же. Я еще пока сам бегаю. Эту старушку и привезла. Если вам нужно точные данные усопшей, я подниму журнал.

— Нет, не нужно, — Анатолий отогнал от себя дурацкое наваждение.

— А чего вы так переполошились? Потеряли кого-нибудь? — любопытничал дежурный.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — строгий врач покинул морг и также пешком по лестнице добрался до своего отделения.

В коридоре, громяхая дверями лифта, Ирочка выкатывала наружу кресло с живой и невредимой Ангелиной.

— Милая, — Анатолий метнулся к потерявшейся невесте. — С тобой все в порядке? Как ты себя чувствуешь? Тебе лучше?

На все его вопросы Ангелина ответила слабой улыбкой.

— Где вы были, Ирина... — Анатолий запнулся.

Он хотел обратиться к старшей медсестре по имени-отчеству, но как ни напрягал память, отчества не вспомнил. Все без исключения звали хорошенькую, услужливую медсестру только ласкательно — Ирочкой.

— Вы же сами... — Ирочкины глаза расширились от удивления и сурового тона врача. — Вы просили меня отследить, когда починят гастроскоп, — отвечала девушка дрожащими губами. — Я отследила. Больная Громова как раз проснулась, я усадила ее в кресло и свезла на гастроскопию... За что вы на меня сердитесь? И почему так смотрите, будто видите меня впервые?

— Я все объясню, — смягчился Анатолий. — Давай сначала уложим больную в постель, не хватало еще, чтобы ее здесь на сквозняке продуло.

Он перехватил у Ирочки кресло с невестой, откатил его в пятую палату. Медсестра откинула одеяло, Анатолий поднял Ангелину на руки и как ребенка переложил в койку. Потом пододвинул поближе стул, взял в свои ладони ее ладонь и приник губами к пахнущей лекарствами коже.

— Я так перепугался. — Он говорил короткими фразами, сглатывая подступающие к горлу комки. — Прихожу в палату, никого нет. Как ты, милая?

— Домой хочу, — еле слышно ответила Ангелина. — Увези меня отсюда! Я не выношу больниц и больничного запаха. Меня от него тошнит.

— Тебя тошнит от тяжелого пищевого отравления, — Анатолий уговаривал ее и согревал ее холодные ладони

своим дыханием. — Ты хоть что-нибудь помнишь о том, что произошло с тобой и Катей в Елкино?

— Смутно, — Ангелина наморщила лоб. — Припоминаю, как мы осмотрели дом, все закоулки, потом сели пить чай... Потом... Потом ничего не помню. Какие-то обрывки в памяти всплывают, а в уме слова крутятся: «Солянка-то с кислинкой была». А какая солянка... Постой, постой... Вспомнила: Ольга Ивановна отодвинула печную заслонку, в комнате сразу запахло чем-то терпким, но приятным, будто аптечной травой. У меня вдруг проснулся зверский аппетит, и я съела целую тарелку грибной солянки. Вот она-то и была чуточку кислой, но я этого не заметила. Катя на это обратила внимание. А Ольга Ивановна сказала, что солянка приправлена сметаной...

Анатолий слушал ее рассказ о путешествии в Елкино, словно признание в любви. Для врача любые симптомы улучшения здоровья пациента уже были бальзамом для души. А выздоровление возлюбленной воспринималось им как Нобелевская премия в области медицины.

— Сейчас к тебе зайдет один человек. Не пугайся, он из милиции, — предупредил Анатолий. — Ты должна подписать протокол, в котором с Катиных слов подробно описаны ваши злоключения в Елкино, идет там речь и о липовом гостеприимстве Ольги Ивановны. Человек задаст тебе несколько вопросов. Если есть силы, ответить на них, чтобы мы могли отпустить его восвояси, а то уже поздно.

— А который час? — спохватилась Ангелина, глядя сквозь оконное стекло на темное звездное небо.

— Начало девятого, — посмотрев на часы, ответил Анатолий.

— А сколько времени я здесь нахожусь? — нервно поинтересовалась Ангелина.

— Почти четыре часа, — произнес жених, будто речь шла о каких-то десяти минутах.

— Я солянкой отравилась, — догадалась жертва бабы-яги.

— Не отравилась, а тебя пытались отравить, — поправил ее Анатолий. — Ваша распрекрасная Ольга Ивановна. И не только тебя, но и Катю, и Платона Платоновича. Я сопоставил анализы ваших рвотных масс, они абсолютно идентичны.

— А как Катино самочувствие? — Ангелина встревожилась за подругу.

— Почти идеально. Я, на всякий случай, назначил ей промывание желудка, чтобы исключить интоксикацию печени и очистить организм от наркотика, но Катю вытошнило естественным образом, — отчитался перед любимой пациенткой врач.

— От какого наркотика? — Ангелина даже приподнялась на локтях. — Ты же сказал, что у меня было сильнейшее пищевое отравление...

— Одно не исключает другое. Ольга Ивановна накормила вас солянкой из галлюциногенных грибов, содержащих вещества подобные фаллотоксидам и матоксинам. Если бы Катя была такой же восприимчивой ко всей этой дури, то вы бы, наверняка, валялись где-нибудь в кювете или попали бы в аварию. Так что, благодаря Катюхе, ты сегодня пережила второе рождение.

— О Боже! — Ангелина, как и ее подруга, постфактум осознала, как она рисковала, отправляясь в Елкино.

Как, оказывается, была права ее мудрая коллега Римма Петровна, когда предупреждала ее и Катю, что в Елкино после инцидента с Платоном Платоновичем следовало ехать всем коллективом и, желательно, с милицейской поддержкой, на всякий случай. Эх, если б молодость знала, если б старость могла... Ангелину зазнобило от волнения, она натянула одеяло до под-

бородка, а беззвучно впорхнувшая в палату внимательная медсестра Ирочка накрыла ее вторым одеялом.

— Я хочу домой, милый, — захныкала Ангелина.

— Завтра... Сегодня ты поспишь здесь, под моим присмотром. С утра я сдам смену и увезу тебя домой, моё сокровище, — пообещал Анатолий. — А сейчас поговори с сержантом, я его к тебе позову.

Анатолий вышел из палаты и пальцем поманил за собой старшую медсестру.

Глава 13

Ирочка подозревала, что между ней и врачом Анатолием Дмитриевичем произошло какое-то недоразумение. Но в присутствии больной, по правилам медицинской этики, не стала выяснять о причинах несвойственной ему эмоциональной несдержанности. Весь персонал больницы боготворил доктора Морозова не только за высокий профессионализм, но и за редкостные душевные качества. Никто и никогда не видел Анатолия Дмитриевича раздраженным или скандалящим с коллегами. Казалось, переступая порог больницы, этот врач оставлял собственные проблемы где-то за оградой лечебного учреждения, и с этой минуты полушария его светлой головы наполняли лишь профессионально этичные мысли. И хотя Ирочка была в курсе его особого отношения к пациентке Громовой и понимала, насколько он волнуется за состояние здоровья своей невесты, тем не менее, ей было немного обидно за незаслуженный окрик любимого начальника.

— Ирочка, м-м-м, — мялся Анатолий Дмитриевич перед молоденькой сотрудницей. — Во-первых, извини

меня, дружок, — он пожал Ирочкину руку. — А во-вторых, объясни мне, почему ты отвозила в морг тело старушки, да еще не с нашего отделения?

Ирочкины глаза стали еще больше, а от удивления даже ротик открылся:

— Какой труп? Какой старушки? Да я и в морг-то не была! Анатолий Дмитриевич, вы же сами просили меня отвезти Громову на гастроскопию. Как только больная проснулась, я отметила явное улучшение в ее состоянии, сделала очередной укол, и мы поехали на процедуру. Если вы мне не верите, прочитайте карту пациентки, там все записано: и время начала процедуры и время окончания. Да и с чего вы взяли, что я отвозила в морг чье-то тело? Ну и фантазия у вас, доктор!

— Как же, как же, — оправдывался Анатолий. — Мне про это сказала Карповна, а потом и дежурный подтвердил. Не могут же у них быть синхронные галлюцинации...

— А чего гадать, — насупилась Ирочка. — Давайте у Карповны вместе поинтересуемся...

— Чай, кофе, потанцуем? — Карповне очень нравилась услышанная от внучки шутка. — Куда ж ты, Дмитрич, унесся-то? Даже кофейку не хлебнул. Нашел своего жмурика, или у нас в больнице орудует шайка похитителей человеческих тел? — хихикнула уборщица, отыгрываясь на докторе за его упрек в разгильдяйстве.

— Карповна, — строго обратилась к подчиненной старшая медсестра. — Зачем ты сказала Анатолию Дмитриевичу, что я повезла в морг чей-то труп? Я отродясь этим не занималась, к тому же на нашем отделении имеется санитар, а это его прямая обязанность...

— Да чего ты на меня накинулась, пигалица желторотая?! Ишь, взяли моду на старших орать! Никакого уважения: то один накричит, то другая. Так вот, я и те-

бе ответу, что я не девочка, чтобы мной помыкали, — взбунтовалась Карповна. — А про тебя я вообще ничего не говорила, можно подумать, что ты единственная Ирочка во всей больнице!

— Так ты какую Ирочку имела в виду? — сообразил Анатолий.

— Как какую? — возмутилась Карповна. — Товарку свою с соседнего отделения.

— Ту здоровую санитарку-гренадершу? — переспросила Ирочка. — Двухметрового роста, косую сажень в плечах и ручищами как два отбойных молотка?

— Нормальная баба, — оскорбилась за подругу Карповна. — Не всем же быть такими, как ты — от горшка два вершка.

— А с чего ты вдруг про нее вспомнила, если она с соседнего отделения? — удивился Анатолий. — А, Карповна?

— Так это, — растолковывала Карповна. — Когда вы ко мне зашли, Ирочка только что вышла. Вот я и решила, что вы ее в коридоре с каталкой видели и интересуетесь, куда это она направилась.

— Она что, с трупом на каталке по всем отделениям прогуливается?! — обалдел Анатолий.

— Ой, Анатолий Дмитриевич! Ну вы даете! Какой вы бестолковый, — Карповна снова включила электрический чайник. — Зачем это она будет такую тяжесть по всем отделениям катать?! Разве ж нормальному человеку может такой бред в котелок стукнуть, — она красноречиво покрутила пальцем у виска. — У меня кофей растворимый кончился, а она купила мне в буфете новую банку и по пути завезла.

— Мама мия! — схватила за голову старшая медсестра. — Совсем бабки ополоумели. Кофе вместе с покойниками развозят! Да я и не притронусь к этой банке, ни за какие коврижки!

— Так банка ж запечатанная! — взвилась со стула Карповна. — Смотри, вот фольга, я лично ее снимала, чтобы кофейку попить. И потом, Ирочка же не под бок покойнице банку клала, а несла в кармане халата. И нечего из себя брезгливую изображать! Не хочешь — не пей, нам больше достанется.

— Анатолий Дмитриевич! — Ирочка кинулась к врачу за поддержкой. — Что ж это такое творится?!

— Карповна! — прикрикнул на уборщицу Анатолий. — Ты в своем уме! Тоже мне маршрутное такси выдумали. Еще один такой заезд по пути с покойником на каталке, и я тебя... — нет, уволить трудягу Карповну Анатолий не мог. — И я тебя уважать перестану, — нашелся он. — Вы б еще чаепитие устроили, а каталку бы в коридоре поставили. По принципу — покойник не живой, ему торопиться некуда.

— А чего особенного-то, — разобиделась Карповна, и Анатолий понял, что и такие номера они с санитаркой Ирочкой уже проделывали.

— Я тебя предупредил! Хочешь быть со мною в контрах, дело хозяйское. Но тогда не приводи мне на прием своих родственников и подружек неимущих, и рецептов на лекарства я тебе выписывать не буду, — категорично отрезал Анатолий.

— Ладно, — притихла Карповна. — Ты только не шуми, Дмитрич. Присядь, кофейку выпей, ты ж мужик не брезгливый, всякого тут в больнице навидался. Просто Ирочке было по дороге, — извинялась Карповна. — Но больше мы ни-ни, я ж хотела, чтобы как лучше было...

— Вот и договорились, — примирительно ответил ей Анатолий. — А кофейку я через полчаса забегу выпить, сначала нужно сержанта проводить и с женой приятеля разобраться.

— Заходи, касатик, заходи, — чуть ли не кланялась ему присмиревшая Карповна. — Хоть через полчаса,

а хоть и через часик. Кстати, — залебезила она, — Ирочка моя на колено жаловалась: при ходьбе хрустит и в поясницу стреляет. Ты бы, Дмитрич, нашел время ее посмотреть... А?

— После отбоя, когда пациенты заснут, пусть твоя Ирочка приходит на осмотр, — согласился Анатолий.

— Ага, ага, — кивала головой Карповна. — Спасибо, сердешный, я ей все передам.

— Только пусть она одна приходит, — подкузьмила старуху медсестра. — И конкретно к Анатолию Дмитриевичу и без трупов на каталке по дороге в морг.

— Ах ты, ехидна, — прошипела ей вслед Карповна. — Вот доживи до моих лет, неизвестно, какая сама будешь.

— Санта-Барбара! — ухмыльнулся Анатолий, слушая бабские пререкания. — Не передеритесь, — посоветовал он, возвращаясь в свой кабинет.

— Ну как там Ангелина? — взволнованно спросила Катя.

— Я могу взять у нее показания и подписать протокол? — осведомился сержант Николай Егорович.

— Да, пожалуйста. Извините, что мы так вас задержали, — Анатолий проводил его до дверей палаты.

— Я не зря потратил время, — отрапортовал сержант. — Я овладел новой информацией о галлюциногенных грибах и теперь с успехом могу проводить лекции в подростковых клубах и образовательных учреждениях.

— Тогда успехов вам, Николай Егорович, — Анатолий попрощался с ним и крепко пожал руку.

— Я буду держать вас в курсе всех дел, — пообещал сержант.

— Буду очень вам признателен, — поблагодарил его Анатолий. — Кстати, у меня к вам одна маленькая личная просьба. Если вас не затруднит, сообщайте все подробности о ходе расследования лично мне, а не господину Голубеву.

— А я-то думал, что вы близкие друзья... — Николай Егорович колебался и не знал, как реагировать на неожиданную просьбу врача.

— Пусть вас не смущает моя просьба, — Анатолий улыбнулся в ответ на реакцию молоденького сержанта. — Мы с Толяном — друзья детства, он — хороший мужик, но обожает совать свой нос во все дыры. Про таких в войну говорили, что они вызывают огонь на себя. А Голубев — прирожденный экстремал. У него своих проблем невпроворот, а он еще и в чужие лезет. Знаете, как он задумал изобличить отравительницу Ольгу Ивановну?

— Интересно, интересно, — в глазах Николая Егоровича блеснули искорки азарта. — И как же?

— Методом ловли на живца! А в качестве наживки он предложил свою и вашу кандидатуры, — выпалил Анатолий.

— Между прочим, идея не так уж плоха. А самое главное, действует без осечек, — одобрил инициативу Голубева сержант. — Если честно, то в вашем случае присутствуют только показания потерпевших, а свидетельские показания, являющиеся необходимым доказательством виновности преступника, отсутствуют.

— Хорошенький закон у вас получается, — хмыкнул Анатолий. — Престарелая маразматичка травит людей, а против нее нет никаких действенных мер! Ведь факты налицо — трое госпитализированных больных. А могло бы быть и хуже, я имею в виду летальный исход.

— Не кипятитесь, доктор, — сержант Николай Егорович не одобрил его нападок на закон. — Если к вам привезут больного с неподтвержденным диагнозом, вы же не бросите его на операционный стол лишь на основании заявления самого пациента, о том, что у него гнойный аппендицит. Вы же сначала обязаны удостовериться в правильности диагноза, а потом уже поло-

совать живот скальпелем. Вот и в нашей профессии сначала нужно удостовериться в том, что именно эта особа обвиняется в серьезном злодеянии. А лучше всего, как советовал ваш друг, спровоцировать ее и захватить с поличным на месте преступления.

— Николай, скажите мне честно, пока вы оставались с Голубевым наедине, он не склонял вас к совместной вылазке в Елкино? — сурово спросил Анатолий.

— Доктор, я не понимаю, кто из нас двоих работает в милиции, — отшутился сержант. — И потом, я же не вмешиваюсь во врачебные операции, так как ремеслу не обучен. Вот и вы не учили бы меня, как нужно ловить преступников.

— Ишь, молодой да ранний, — подумал Анатолий. — Такой далеко пойдет. — Но вслух не выразил ни капли недовольствия, сохранив хорошую мину при плохой игре. — И все же, Николай Егорович, помните о моем предупреждении, — напутствовал он амбициозного сержанта, впуская его в палату Ангелины. — Врачи нигде и никогда не были лишними: ни в тылу, ни на полях сражения.

Анатолий закрыл за ним дверь. Осталось разобраться с Катей и Ильей. Он вернулся к друзьям и застал Катю в слезах, а Голубева возбужденно бегающим по кабинету.

— Что? Что такого случилось? — пафосно восклицал Илья. — Подумаешь, Татьяна приехала!

— Не верю я в ее искренность, — плакала Катя. — Не верю. Мы и так по уши в дерьме, а она тебя окончательно утопит!

— Тыфу, ты! — бесновался Илья. — Типун тебе на язык! Зачем ей меня топить? У нее из-за меня и так хроническая головная боль.

— Вот за это она тебя и потопит, — предсказывала Катя. — Ты в свое время деньги с нее потребовал за

свободу и право на сладкую жизнь, а теперь она, наверняка, почуяла жареное и решила компенсировать потери. Буржуи они все жадные, поэтому и богатые. Это только ты у нас рубаха-парень, вот тебя судьба и наказала за расточительность и безответственность.

— Толян, ну хоть ты успокой ее, — Голубев бросился к другу за помощью. — Если бы Танька хотела оттяпать часть моего имущества, она бы давно это сделала. Закон ведь на ее стороне. А она, наоборот, сама от меня скрывалась, не отвечала ни на письма, ни на звонки.

— Мне кажется, что в Катиных словах есть резон, — Анатолий невольно подлил масла в огонь. — Ты бы, Илюха, сперва присмотрелся к ней, прощупал, чем она дышит, а потом бы уже раскрывал перед ней свои карты. Люди часто меняются и не всегда в лучшую сторону.

— Она затаилась до поры до времени, — пророчила Катя. — А когда поняла, что твой капитал может уплыть в чужие руки, решила урвать свою долю. Женская месть — штука тонкая, тебе, милый, этого не уразуметь. Татьяна тешила свое самолюбие тем, что ты мучаешься из-за неразделенной любви к ней. Но ты вдруг резко остыл и женился на мне... Улавливаешь ход моей мысли? — спросила она мужа.

— Не совсем, — Илья отчаянно упирался, не желая вникать в хитроумные Катинины доводы.

— Твоя бывшая жена потеряла запасной аэродром, — растолковывала ему Катя. — А ты сжег мосты между прошлым и будущим.

— По-моему, дорогая, у тебя галлюцинации, — Илья отмахивался от нее, как от назойливой мухи. — Не нужен я Таньке! Ни женатый, ни холостой. Не нужен! — произнес он по слогам. — И заруби это на своем курносом носике. Танька сама перепугана до смерти. Если

я разорюсь, я могу возбудить против нее встречный иск и оспорить законность ее нынешнего брака.

— То есть... — переспросил Анатолий.

— То есть, она вступила в брак с иностранным гражданином, предъявив фальшивое свидетельство о разводе. Следовательно, власти Швеции вправе усмотреть в этом корыстное желание получить гражданство, путем вступления в фиктивный брак. В таком случае Татьяне грозит депортация, это как минимум, а как максимум — тюремное заключение, — отчеканил Илья.

— Значит, — Катя заморгала ресницами, стряхивая слезинки. — Значит, это не ты у нее на крючке, а она у тебя... Вау! — издала она победный вопль.

— Илюха, колись, — заподозрил друга Анатолий. — Когда ты фабриковал фальшивое свидетельство, ты заранее все рассчитал?

— Что ж я Ленин, что ли?! — нахмурился Голубев. — Это он революцию замыслил и заманил в Россию призрак коммунизма, чтобы отомстить за смерть старшего брата. А я молодой был, зеленый, ревновал Таньку, как Отелло Дездемону. И на шантаж пошел, движимый не столько корыстью, сколько желанием досадить ей, развалить ее брак и вернуть назад. Так что по поводу Таньки вы не переживайте, я же говорил, что держу руку на пульсе. Теперь бы еще Каррераса отыскать! С Танькиной помощью мы бы легко завлекли его в капкан.

— Не уверена, — засомневалась Катя, вспомнив свое дефиле в вечернем платье по залам аэропорта. — Мне кажется, что Каррерас хитрее и коварнее, чем ты предполагаешь.

— Когда кажется, креститься надо, — Голубев уморительно надул щеки, передразнивая нахохлившуюся Катю. — Еще не родился на свете такой мужик, который бы смог устоять перед Танькиными чарами!

— Вот гад! — Катя швырнула в мужа сумочкой. — Ну и беги к ней, ползи на брюхе, лижи ей ноги, а я... А я... — не найдя слов, Катя снова зарыдала. — А я, — всхлипывала она, — умру от обиды и одиночества, развяжу тебе руки, ты будешь свободным и найдешь себе другую дурочку.

— А мне другой не надо! — Голубев вернул сумочку жене и заботливо вытер слезы с ее бледного лица. — Я уже люблю одну ревнивую глупышку, которая сама не знает, чего хочет и злится без причины.

— Уходи, — капризничала Катя, пытаясь отвернуться от Ильи. — Твоя королева уже небось заждалась.

— Эй вы, итальянская семейка, — прикрикнул Анатолий, обращая внимание на себя. — Прекратите немедленно ругаться, обниматься, целоваться. Илья, ты можешь, хоть иногда, быть серьезным! Когда приехала Татьяна? Откуда она звонила? Где вы встречаетесь? — допытывался он у легкомысленного друга.

— Докладываю по порядку, — Голубев вскочил и вытянулся перед Анатолием по струночке. — Татьяна уже приехала. Звонила она из гостиницы, так как не желала стеснять своим присутствием молодую семью. А встретиться мы договорились в ресторане гостиницы минут через сорок. Поэтому мне нужно торопиться, джентльменам не пристало опаздывать. Что вас еще интересует? Если вопросов больше нет, разрешите отбыть на спецзадание?

— Не терпится? — язвительно подколола его Катя.

— Разрешаю, — санкционировал отбытие Анатолий. — Но предупреждаю: алкоголь желательно исключить, на комплименты и обольщение не поддаваться, вести строго деловые переговоры. Да... Чуть не забыл самое главное! Как только больничные часы пробьют полночь, ты обязан вернуться за своей суженой и отчитаться перед общественностью о проделанной рабо-

те. Иначе мы исключим тебя из наших рядов и предадим поруганию твое имя.

— Жди меня, и я вернусь, — Илья попрощался с женой, запахнул на животе полы халата и как солидный жук, сложивший жесткие надкрылья, переваливаясь, удалился из кабинета.

Ровно через три секунды запел Катин мобильник. Звонил Голубев:

— Котенок! — шептал он в трубку. — Верь мне, я тебя люблю!

— И я тоже, — от приступа нахлынувшей нежности Катины глаза заблестели от слез.

— Хватит сырость разводить! — Анатолий налил ей в стакан водички. — Выпей, у меня к тебе серьезный разговор.

Напуганная его официальным тоном Катя чуть не захлебнулась. Она закашлялась, ободранное горло саднило.

— Что-то с Ангелиной?! — прохрипела Катя. — Какие-то осложнения?

— С Ангелиной все в порядке, и даже лучше, чем я предполагал, — приободрил ее Анатолий. — У Ангелины великолепный иммунитет и высокая степень регенерации организма. Речь не о ней. Я про Илюху поговорить хотел.

— И про Таньку? — вскинулась Катя.

— Далась тебе эта Танька! — рявкнул на нее Анатолий. — Ты в курсе, что Илюха вендетту против отравительницы затевает?!

— Нет! — выдавила из себя трепещущая от неприятного предчувствия Катя. — Я-ик, ничего-ик не знаю-ик, — от страха за мужа Катин кашель сублимировался в икание.

Анатолий налил ей второй стакан воды. Катя отпила, икая и булькая.

— Он подстрекает сержанта Николая Егоровича заявиться к старухе под видом покупателя, чтобы взять ее с поличным на месте преступления...

— Я-ик его-ик никуда-ик не пушу-ик! — Катя подскочила, одернула свитерок и забегала по комнате. — Он еще с Каррерасом не разобрался, а уже в новую авантюру встречается! О Боже, ну и муженек же мне достался! Сушее наказание!

— Значит, договорились, Катюша, — Анатолий порадовался ее смекалке. — Ты будешь глядеть за ним в оба. И если что, сразу высвистывать меня. А уж я ему такую клизму вставлю, по самое не балуйся...

— Меня тетя Лиза предупреждала, — причитала Катя, — чтобы я не спешила с замужеством. Она подозревала, что у Голубева в голове одни тараканы. Если уж мужика за столько лет никто не подобрал, значит он был никому не нужен. А я, как всегда со своей патологической везучестью, вытащила именно этот лотерейный билетик.

— Катюха, не стони! У меня сердце разрывается от сострадания, — Анатолий вытащил из стола бутылочку корвалола, плеснул в стакан водички, накапал тридцать капель, подал Кате, но потом вспомнил, что на нее и лекарства не все действуют, и выпил сам. — Илюха хороший, добрый, но шалопай. Зато он не скандалит, не жадничает и... — задумался Анатолий, — не предает любимых и друзей. Пожалуй, это самое главное его достоинство...

— Ага! — возмутилась Катя. — Друзей он, может, и не предает, но в отношении женщин я бы поставила большущий знак вопроса. Вы все мужики друг за дружку горой стоите!

— Понеслась душа в рай! — отмахнулся от нее Анатолий. — Зато вы — женщины — все ревнивы, как самки пауков каракуртов, которые пожирают самцов по-

сле спаривания, за что и получили прозвище «черная вдова».

— А вы... — открыла рот Катя, но в этот момент в кабинет кто-то постучался.

— Войдите, — усмехнулся Анатолий, глядя, как красневшая юная фурия проглотила рвущиеся на волю обидные слова.

— Анатолий Дмитриевич, — старшая медсестра Ирочка удивленно приподняла бровки, увидев на столе врача пузырек с корвалолом и застывшую посреди комнаты пунцовую заплаканную пациентку. — Вас просили подойти в родильное отделение. Там у роженицы подозревают перелом кисти. Ее прямо с улицы на скорой доставили: она поскользнулась, упала и спровоцировала преждевременные роды. У нее уже схватки начались, поэтому они не могут рентген сделать. Очень просили вас не задерживаться. А то у женщины вот-вот плод покажется, а рука синее и пухнет на глазах.

— Я готов, — Анатолий выпил на дорожку полстакана воды, чтобы перебить вкус корвалола.

— Возьмите жвачку, — Ирочка вынула из кармашка «Орбит без сахара», ароматизированный корицей. — Пожуйте, а то все равно пахнет.

— Я бегу вперед, — Анатолий захватил с собой шину, бинт и саквояж с инструментами, — а ты приготовь гипс и беги за мной. По всем признакам у нее перелом, но если даже это сильный вывих или ушиб, гипс лишним не будет. Зафиксированная рука быстрее заживает. Да, чуть не забыл, предупреди Карповну, что мы на родовом отделении и можем там надолго застрять.

Дисциплинированная Ирочка метнулась выполнять приказание врача.

— Кать! Давай не будем ссориться, — с порога обернулся к супруге Голубева Анатолий. — Ты видишь, какой сегодня сумасшедший день! Чего ж нам друг друж-

ке нервы трепать? Ты без меня никуда не отлучайся, карауль телефон. Я жду звонка от бывшего пациента, который взялся разузнать по своим каналам, в какой гостинице мог остановиться Виктор Каррерас.

— А можно я к Ангелине... — попросилась Катя.

— Можно, но позже, когда я вернусь, тем более что сейчас у нее сержант. Все. Мне некогда. Я убежал... — Анатолий захлопнул дверь, и Катя осталась одна в его кабинете.

Сначала она просто походила туда-сюда, чтобы успокоиться. Потом присела за стол Анатолия полистать журналы. Но журналы были все сплошь о медицине, об уникальных операциях, исправлении врожденных физических дефектов, пластической хирургии и последствиях просчета врачей. От фотографий уродцев, разрезанных тел, человеческих органов и крови Катю снова затошнило. Она отодвинула журналы подальше и заметила на углу стола аудиоплеер с вставленной внутрь кассетой. Неплохо бы послушать музыку для поднятия тонуса и настроения. Катя нацепила на голову поролоновые наушники и нажала кнопку воспроизведения. Кассета закрутилась, сквозь шипение меломанка расслышала металлическое позвякивание.

— Надо же! Никогда бы не подумала, что Анатолий на металл западает, — изумилась Катя.

У нее четко сработало стереотипное восприятие: раз врач, значит должен слушать серьезную классическую музыку, как доктор Ватсон у Конан Дойля или профессор Преображенский у Булгакова.

— Время — двенадцать тридцать, — донесся из наушников сосредоточенный голос Анатолия. — Мы приступаем к плановой операции по извлечению титанового штифта из позвоночника пациента. Пациент — Оленин Геннадий Павлович, шестидесяти пяти лет, в состоянии алкогольного опьянения травмировал четвертый и пя-

тый шейные позвонки. Двадцать девятого октября сего года была произведена первая операция, на которой пострадавшему была оказана экстренная помощь и...

— Фу, гадость какая, — поморщилась Катя и перемотала кассету наполовину, надеясь, что там окажется хоть какая-то музыка.

— Разрез ровный, розовый, — докладывал голос Анатолия, — кровяные выделения в норме, толщина жировой прослойки два с половиной сантиметра...

— Тьфу, тьфу, тьфу, — отплевывалась впечатлительная Катя. — Вот наслушаешься таких сказочек на ночь, а потом кошмарами изведешься.

Маясь от безделья, Катя попыталась загипнотизировать телефон, чтобы друг Анатолия, наконец-то, позвонил и сообщил, где спрятался шоколадный заяц. Но телефон как предмет неодушевленный без труда выдержал Катино внушение. Потом в девичьем воображении одна за другой замелькали живописные картинки, на которых ее любящий муженек, позабыв о супружеской верности, соблазнял бывшую жену. В горячечных видениях Татьяна благосклонно уступала натиску Ильи. Но Катя прервала акт самомазохизма в момент окончательного грехопадения разведенных супругов, когда полураздетая Татьяна уже возлежала на широченном гостиничном сексодроме, а распаленный Илья срывал с себя одежду.

— Тьфу, тьфу, тьфу, — трижды через левое плечо переплюнула Катя. — Если он мне изменит, назло ему отправлюсь, чтобы его до конца дней совесть мучила. А я буду с того света наблюдать за ним и радоваться. Хотя нет, я перед кончиной тоже ему отомщу. Вызову себе из службы знакомств двух мускулистых стриптизеров, заплачу им, а всю эту оргию запишу на видеокассету и оставлю ее Илюше.

Катя захихикала, представляя набычившегося Голубева перед экраном телевизора. Ей стало весело, она

вылезла из-за стола, напевая и пританцовывая, вышла на середину комнаты, вообразила себя роковой женщиной и медленно, словно на сцене стрип-клуба, начала расстегивать молнию на брюках, поочередно оголяя то левое, то правое бедро. Распалившись, Катя скинула с себя теплый свитер, под которым кроме белого кружевного бюстгальтера не было ничего.

— И вовсе я не худая, — расхваливала себя нудистка, подпрыгивая перед высоко висящим зеркалом. — А с загаром смотрюсь, как девушка из рекламы шоколадки Баунти. — Катя приподняла грудь повыше, соблазнительно облизнула губы и проговорила томным голосом: — Попробуйте меня, я просто райское наслаждение. А попка у меня, как сердечко! Точно такая же, как у Ким Бессенджер, когда она с Мики Рурком снималась в фильме «Девять с половиной недель». — Катя спустила брюки до колен: в белых стрингах ее упругая попка, покрытая золотистым загаром, была неотразима. — Да я просто сногшибательная штучка! — Катя пела себе дифирамбы, пританцовывая ламбаду, со спущенными брюками. — Кто скажет, что я не аппетитна, как спелый персик или наливное яблочко, тот тупой и слепой болван!

— Я, — в распахнувшуюся дверь без стука, влетел сержант Николай Егорович. — Я... — осекся он, узрев пациентку, оголившуюся до нижнего белья. — Извините, — круто развернулся он, чуть не разворотив плечом дверной косяк.

— Стучаться надо! — завопила Катя, натягивая брюки и лихорадочно отыскивая закинутый в угол свитер.

— Я не знал, что здесь проводится медосмотр, — оправдывался смущенный сержант. — Я вернулся, чтобы доложить Анатолию Дмитриевичу, что заявление потерпевшей Громовой Ангелины Станиславовны составлено и подписано.

— Анатолий Дмитриевич на вызове в родильном отделении, — сообщила Катя. — Я здесь одна. А моя одежда пропахла больницей, — изощрялась она, выдумывая правдоподобную причину неожиданного стриптиза. — Вот я ее таким образом проветривала — нашлась Катя.

— А я именно так и подумал, — проявил находчивость сержант. — С чего бы вдруг вы стали раздеваться при незакрытых дверях в кабинете врача в отсутствии супруга. — По лицу Николая Егоровича растекались красные пятна. — Тогда я оставляю для Анатолия Дмитриевича копию, а сам, извините, вас покину. Служба.

— Я все ему передам, в точности передам, — бормотала Катя, прикрывая грудь скомканным свитером. — Было очень приятно с вами познакомиться.

— И мне тоже, — подмигнул ей сержант. — Было очень приятно с вами познакомиться. Надеюсь, что еще увидимся!

— Вау! — пискнула Катя, просовывая голову в горловину свитера. — Что он теперь обо мне будет думать?! Скажет: не девка, а маньячка сексуальная... Хотя, по-моему, я ему понравилась! Однозначно, он на меня глаз положил! А вдруг, он Илюхе доложит... Ну и пускай! Нечего бросать на произвол судьбы хорошеньких молодых женщин. — Катя поправила одежду, причесалась, подкрасила губы, и до того ей стало смешно, что она минут пять хохотала до слез, глядя на свое отражение в зеркале. — Пойду-ка я к Ангелине, ей тоже нужно поднять настроение. Пусть и она повеселится. Не могу я больше здесь сидеть, у меня от одиночества крыша едет.

Катя высунула голову в коридор. На этаже остановился лифт, загрохотали металлические двери. Опасаясь, что кто-нибудь может наложить вето на посещение больной подруги, Катя проворно, как мышка, прошмыгнула в палату Ангелины.

Анатолий вернулся через полчаса. Он подтвердил диагноз роженицы — перелом и наложил миниатюрную шину, чтобы женщине сподручней было ухаживать за новорожденным, а Ирочка задержалась, чтобы подсушить еще влажный гипс. Анатолий буквально с ног валился от усталости, сказала акклиматизация после перелета из жары в холод. Он мечтал о чашке крепкого, горячего кофе и устремился к обещавшей нечто подобное Карповне.

Но возле дверей в комнату для персонала, аккуратно припаркованная вдоль стены белела, покрытая простынею, каталка с покойником.

— Где эта Ирочка?! — рыча, как разъяренный лев, Анатолий ворвался к Карповне.

— Какая Ирочка, ваша или моя? — опешила Карповна, чуть не выронив банку с растворимым кофе.

— Твоя! Твоя, — сверкая глазами, рокотал Анатолий. — Где моя, я знаю!

— Она придет попозже, вы же сами ей назначили... А зачем она вам так срочно понадобилась? — от волнения Карповна перешла на «вы». — Присаживайтесь, Анатолий Дмитриевич. Чай, кофе, потанцуем? — робко пошутила она, не понимая, за что второй раз за день Дмитрич срывает на ней свой гнев.

— Карповна! А ты вообще русский язык понимаешь? — снова атаковал ее Анатолий.

— Да уж знамо дело — не басурманка, — суетилась Карповна, споласкивая для него чашку побольше. — Может, бутербродик скушаете? С сырком, с ветчинкой? Мы как раз с Наташенькой стол накрыли. Как чувствовали, что вы пожалуете... А еще сушечки есть, прянички, конфетки «Коровка» и коробочка йогурта «Данон»...

— Карповна, ты мне зубы не заговаривай! — Анатолия буквально трясло от гнева. — Отвечай, откуда в ко-

ридоре каталка с покойником? Куда ты спрятала свою Ирочку? Найду, накажу обеих!

— Какой покойник, Дмитрич?! — ошалела Карповна. — Ты, часом, не заболел? Дай-ка лоб пощупаю, пригнись, а то мне не достать.

— Карповна! Лучше добровольно признайся, не то я взорвусь! А в гневе я страшнее цунами, — грозился Анатолий.

— Да в чем я должна признаться?! — взвизгнула напуганная Карповна. — Ты, Дмитрич, меня не стражай! Вы, наверное, в родилке хлебнули спиртику, вот тебе покойники и мерещатся.

— Выйди вон! — как оглашенный заорал Анатолий. — Выйди немедленно!

Карповна, как ошпаренная, выскочила в коридор, доктор, будто хищник, ринулся за ней.

— Видишь покойника?! — тыкал он Карповну, словно напакостившего котенка.

— Вижу, — пискнула Карповна.

— Ну и где эта вредительница Ирочка? Что она тебе на этот раз завезла: йогурт или бутерброды? Мать вашу за ногу! — ругался Анатолий.

— Клянусь, здоровьем моей внучки, — крестясь, божилась Карповна. — Ирочки здесь нет, и ничего она мне не привозила!

— А покойника кто приволок?! — бушевал Анатолий. — Не Пушкин же Александр Сергеевич?

Карповна молчала.

— Я в последний раз спрашиваю, чей покойник? — kloкоча от ярости, прохрипел Анатолий.

— Мой, — еле слышно ответила вторая товарка Карповны.

— У вас что же, дамочки, на моем отделении перевалочная база по дороге в морг? Что вы себе позволяете? То Ирочка свои трупы к нам завозит, то Наташенька, а

после будут Дашенька, Машенька и Оленька, да? — отчитывал санитарку Анатолий.

— П-п-понимаете, — зазаикалась с перепугу Наташенька. — Н-на н-нашем отделении д-двери л-лифта з-заклинивает. К-когда я вхожу в лифт, я их сама захлопываю, а к-когда выхожу, приходится из лифта кричать, чтобы кто-нибудь меня выпустил. Санитар сегодня отгул взял, больной умер, я повезла его в морг, а там дежурный где-то загулял. Я ему записку оставила, чтобы он разыскал меня на вашем отделении у Карповны. На вашем этаже у лифта двери нормально открываются. А Карповна в коридор не выходила, поэтому и каталку не видела.

— Идемте со мной, — вежливо попросил ее Анатолий.

Он сам взялся за ручки каталки, загнал ее в лифт, вместе в Наташенькой спустился в морг. Приказал вахтерше разыскать санитару, отчитал его и строго-настрого запретил отлучаться с поста. Потом стрелой взлетел на свой этаж, взял у Карповны самый толстый маркер, красными печатными буквами написал на листе объявление: «Вход с покойниками на отделение строго воспрещен!!!» и повесил его с внутренней стороны дверей лифта.

Глава 14

Как Голубеву ни хотелось прибыть вовремя, чтобы соответствовать личному джентльменскому кодексу, но вечные пробки в центре города задержали-таки его такси. Илья даже пожалел, что не поехал на встречу с Татьяной на метро.

В ресторане гостиницы он сразу выделил белолицую красавицу-блондинку, сверкающую как первая

звезда в пасмурном вечернем небе. Голубев издалека любовался знакомым изгибом шеи и профилем, будто выточенным на старинной камее. Илья и раньше сравнивал теперь уже бывшую жену с Натальей Гончаровой на набросках Пушкина. Татьяна красота была вне веков, такие женщины блистали всегда и скрашивали своим присутствием и дни одинокого Петрарки, воспевавшего божественную Лауру, и долгие годы эксцентричного Дали, провозгласившего культ загадочной Галы. За годы развода и нового замужества Татьяна не постарела и не подурнела, а, наоборот, расцвела, точно оранжерейная орхидея под присмотром заботливого садовника.

И в Питере, в их старой квартире, когда порой они стреляли денег у друзей до получки или аванса, когда в холодильнике на полках водились только плавленые сырки и кефир, когда на выход и будни у Таньки были одни-единственные туфли, она все равно держала марку и по праву носила титул королевы двора. И тогда, и сейчас Илья готов был руку дать на отсечение за то, что в жилах этой женщины текла голубая кровь. Врожденное благородство и величие заставляло всех мужчин мечтать о должности бессменного пажа близ прекрасной королевы. Илья очень долго страдал по потерянной любви и надеялся, что выработал стойкий иммунитет к чарам Татьяны, однако сердце его все же заколотилось о ребра, когда красавица заметила бывшего мужа и приветливо помахала ему. Илья тоже махнул в ответ, вызывая зависть всех сидящих в зале мужчин.

Под пристальными оценивающими взглядами Илья шел навстречу вставшей из-за стола Татьяне и осознавал, что жить рядом с яркой женщиной, все равно, что ходить прилюдно голышом. Сами красавицы быстро привыкают к повышенному вниманию. Для них вос-

торженный вскрик или замороженный взор, как допинг, без которого жизнь превращается в существование.

Царственным жестом Татьяна подала ему руку для поцелуя. Голубев склонил голову и обнаружил, что рядом с бывшей женой, за ее столиком, вжавшись в обитый бархатом стул, сидит пропавший Виктор Каррерас.

— Ну, здравствуй, моя ненаглядная иностранка, — после церемониального лобзания Илья притянул Татьяну к себе и поцеловал в пахнущую свежестью щечку.

— Пожалуйста, без лишних сантиментов, — строго отчитала его Татьяна. — У нас с тобой сугубо деловые отношения. Ты — женатый мужчина, я — замужняя женщина и не приемлю адюльтера, поэтому наше общение должно быть предельно четким и конструктивным.

— Как скажешь, куколка, — улыбнулся Илья. — Только для начала, познакомь меня со своим спутником.

— Виктор, это Илья. Илья, это Виктор, — она лаконично представила мужчин друг другу.

— То-то я смотрю и гадаю, не наш ли это Виктор Каррерас, — Илья расцвел в улыбке и похлопал ошеломленного шоколадного зайца по плечу. — Татьяна, дорогая, не успела ты приехать, а мне уже улыбнулась удача. Разреши, и я представлю тебе Виктора Каррераса, главного претендента на половину моего имущества. А вас, Виктор, я хочу познакомить с моей бывшей женой — законной претенденткой на вторую половину имущества.

Пока Каррерас силился осмыслить сказанное Голубевым и старательно выпучивал карие глаза, Илья бесцеремонно налил себе бокал дорогого шампанского и выпил.

— Так это он... — первой догадалась Татьяна и рассмеялась, будто звенящая апрельская капля. — Ты ему продул квартиру и ресторан...

— Ага, — кивнул Илья, рассматривая этикетку на бутылке. — Это он. И я продул ему наш ресторан и нашу квартиру. — Илья расставил акценты на словах «наш» и «наши». — По закону половина имущества принадлежит тебе, так как оно приобреталось, пока мы состояли в браке.

— Виктор, вам не кажется, что в нашей случайной встрече угадывается направляющий перст судьбы, — обратилась Татьяна к притихшему Каррерасу. — Мы познакомились для того, чтобы предрешить будущее этого неудачника...

Теперь замолчал и Голубев, вспомнив Катины слова о том, что Танька явилась лишь затем, чтобы отомстить бывшему мужу и обобрать его до нитки. Поигрывая желваками, Илья осушил второй бокал шампанского.

— Что-то вы, мужчины, приумолкли и приуныли, — разочарованно протянула Татьяна. — Неужели даже рядом со мной вас ни на минуту не покидают мысли о деньгах...

— Вернее, об их отсутствии, — поправил ее Голубев. — На все мое имущество наложен арест.

— А меня деньги совсем не интересуют, — манерно заявила красавица. — Это в молодости казалось, что без денег нет в жизни счастья. А в зрелом возрасте я начала ценить совсем иные вещи.

Голубев слушал ее болтовню, не понимая, с чего это вдруг она сменила гнев на милость и кокетничала, напрашиваясь на комплименты. Нет, определенно, он никогда не мог разобраться в Танькиных экзерсисах, а их брак, даже в годы бурной страсти, трещал по швам, как тесное платье на растущем дитяти. Что на нее нашло? Неужели перед Каррерасом выкаблучивается? Вот змея, а поначалу говорила, что она замужняя женщина и все такое прочее.

«Гляди, Илюха, в оба, — подхлестывал себя Голубев, мысленно настраиваясь на смертельную схватку. — Как бы эти пупсики не спелись, уж больно слаженный у них дуэт получился...»

— Почему вы мне сразу не сообщили о том, что на половину вашего имущества претендует бывшая супруга? — Каррерас очнулся и вышел из ступора.

— Да просто хотел преподнести тебе сюрприз, согласно традициям истинно русского гостеприимства, — съязвил Голубев. — У вас принято всяким Вудам-шмудам поклоняться, и мы без этикета шагу ступить не можем.

— Вы неприлично себя ведете, господин Голубев, — высокопарным тоном обвинил Илью Виктор. — Нужно уметь проигрывать с достоинством!

— Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала! — накинулся на него Голубев. — Если я расскажу Татьяне про все твои балийские штучки-дрючки, у нее уши завянут, и она тебе больше руки не подаст.

— К сожалению, Татьяна, я вынужден вас покинуть, у меня важный междугородний разговор заказан, — Виктор галантно поцеловал даме ручку. — Но я хочу вас предупредить: какие бы гадости этот человек про меня не наплел, знайте, что все это грязные инсинуации. В отместку за то, что его юная жена во время их медового месяца на Бали влюбилась в меня без памяти. А о последствиях его ревности вы и сами прекрасно осведомлены. А с вами, господин Голубев, я бы с превеликим удовольствием распрощался навсегда, но, увы, видимо, и вправду перст судьбы направил меня в Россию, чтобы я мог поквитаться за всех, кого вы обидели. — И довольный собой шоколадный заяц покинул ресторан.

— Я ему ноги вырву, глаз на задницу натяну и скажу, что так и было! — прорычал Голубев, порываясь

броситься ему вслед. — Ну, гаденыш! А ты, тоже мне, уши развесила... Ах, Виктор! Ах, Виктор! — перекинулся он на Татьяну. — Неужели ты не видишь, он профессиональный мошенник, интриган и ловелас. Он на Бали престарелых миллионерш охмурял и выпотрашивал до последнего цента. И ты оглянуться не успеешь, как он и тебя облапошит, а потом оклеветает перед твоим мужем!

— А тебе это ничего не напоминает? — Татьяна намекнула ему на его авантюру с поддельным свидетельством о разводе.

— Да я... Я... — запнулся покрасневший Илья. — Я ж любил тебя, дура! Мне ж от ревности моча в голову ударила! Но я же осознал ошибки молодости и покался во всех грехах. А этот павлин Виктор, кроме себя, никого не любит.

— А ты нисколько не изменился, Илья, — Татьяна улыбнулась и провела рукой, приглаживая его взъерошенные волосы. — Зря ты ушел из адвокатуры, ты же прирожденный защитник. У тебя даже с возрастом пыл не убавился, ты все такой же, как тогда — вспыльчивый и горячий.

И Илья растаял от ее слов и нежного прикосновения, «аки воск от лица огня». Он напрочь забыл о предостережениях Анатолия про опасные последствия влияния женской ласки на неокрепший мужской организм. Но Татьяна, почуяв, что ее безвинный флирт вот-вот обернется для бывшего мужа семейной катастрофой, тут же нанесла молниеносный удар и полоснула по его самолюбию лезвием ногтей, спрятанных в бархатной лапке.

— А может, мне, действительно, забрать часть твоего капитала, чтобы навсегда поставить крест на твоём ресторанном бизнесе? — ее улыбка искривилась, а глаза хищно блеснули, как у охотящейся львицы. — Все от

этого только выиграют: я верну свои деньги, ты вернешься к своему призванию, а заодно и фигуру поправишь. Мужчины же, как арбузы, когда они растут, животики разбухают, а хвостики высыхают, — ядовито пошутила Татьяна. — А твоя жена пройдет курс молодого бойца, как я когда-то, и проверит, насколько крепки ее чувства к тебе. Если она вышла за тебя по расчету, то ты высвободишься из оков меркантильной особы и уж с третьей попытки непременно отыщешь свою вторую половину. И Каррерас подвернулся так кстати. Я найду способ его облапошить и отнять у него бумаги на оставшуюся часть твоего капитала. Я могу стать единоличной владелицей ресторана и квартиры. А что, нынче модно инвестировать деньги в России, а я всегда следила за модой... Давай выпьем за это шампанского? — предложила она.

— Смотри зубы об Каррераса не обломай. Он мужик беспринципный, ему плевать и на твою красоту, и на то, что ты дама. Схлестнешься с ним, ожидай удара в поддых, — Илья попытался урезонить красавицу, впрочем, не выдавая своих козырей.

— Посмотри на меня внимательно, милый, — Татьяна приблизила к Илье свое холеное лицо. — И честно ответь, осталась ли во мне хоть капля от той наивной девочки, которая верила каждому слову любимого мужчины?

На Голубева пахнуло антарктическим холодом. Из Танькиных глаз на него надвигалась ледяная глыба айсберга, много круче той, что протаранила днище легендарного «Титаника». Илья вздрогнул от пробившего его озноба, допил шампанское и прогнал из сердца лоскутки облаков последних мальчишеских иллюзий.

— Знаешь, сколько стоит это шампанское? — проверяла его компетентность Татьяна.

— Я заплачу, — Голубев полез в пиджак за портмоне.

— Уже заплачено, — остановила его дама. — Мы пили за счет Виктора Каррераса.

— Тогда я пас, — шутливо развел руками Илья, прорабатывая несколько вариантов отъема своего имущества у иностранных интервентов.

У Голубева было три схемы обороны и ответной атаки на позиции противника. В первом варианте, он мог сразу подать встречные иски на Татьяну и Каррераса, и не мытьем, так катаньем растянул бы дело на долгий-предолгий период, основываясь на принципе Ходжи Насреддина, что за это время сдохнет либо ишак, либо падишах. По второму варианту, он мог добровольно отдать Татьяне ее половину и тут же шантажировать бывшую супругу тем, что заявит на нее властям Швеции. Таким образом Голубев рассчитывал не только покрыть убытки, но и получить весомую прибыль. А с Каррерасом он бы действовал по первому варианту, беря шоколадного зайца на измор. В третьем варианте, Голубев собирался подождать, пока Татьяна обдерет Каррераса как липку — теперь было ясно, что это у нее получится. Потом следовало отнять у хитроумной красавицы все, да еще и пригрозить разоблачением перед шведскими властями. Все три варианта были беспроигрышными. Однако третий вариант, хоть и был самым рискованным, более всего импонировал неумной азартной натуре неисправимого экстремала Голубева. Воистину, кто не рискует, тот не пьет шампанского!

— Эй, человек! — Голубев лихо щелкнул пальцами, будто подгулявший купчик. — Принесите-ка нам еще такую же бутылку шампанского и черной икры на закуску.

— Шикуюшь, Илюха? — поинтересовалась Татьяна. — А деньги-то у тебя есть?

— Обижаешь, красавица, — напыжился Голубев. — Или ты разлюбила черную икру?

— Нет, — у Татьяны удивленно приподнялись брови.

— Тогда расслабься и наслаждайся, — посоветовал Илья, густо намазывая икру на тонкий ломтик белого хлеба. — Открывайте шампанское, — скомандовал он официанту. — Угощайся, дорогая. Я много лет мечтал о том, как мы сядем с тобой за один столик, нальем по бокалу шампанского и я предложу тост за тебя. За тебя! — повторил Илья.

Он высоко поднял свой бокал, чокнулся им о край ее бокала, пробуждая в хрустале протяжный мелодичный звон. Татьяна смотрела на него, прищурив глаза, словно загадочный египетский сфинкс. А Голубев втайне надеялся на то, что она одумается, и как джентльмен пил за даму, которой предоставил последний шанс.

Тем временем, пока Голубев баловался шампанским в компании Татьяны, а Анатолий — кофейком в компании Карповны, Катя изливала наболевшее Ангелине. Она ничего не утаила от подруги и подробно рассказала: о планах Голубева и сержанта Николая Егоровича по поимке на живца отравительницы Ольги Ивановны, о своих сомнениях относительно порядочности Татьяны, об Илюхиной мести в том случае, если Татьяна поведет двойную игру, и даже о своем позорном стриптизе перед сержантом.

Замученная процедурами, уколами и лекарствами Ангелина немного повеселела. Ее лицо порозовело от смеха, а воодушевленная Катя продемонстрировала ей несколько па из своего стрип-канкана.

— Ох, ох! — кряхтела Ангелина, держась за живот. — Не могу больше смеяться на пустой желудок. У меня от голода и промываний кишки слиплись. Как засмеюсь, они внутри трутся друг о друга, и мне сразу есть хочется до головокружения. А куда это Анатолий запропастился? — спохватилась она.

— Его срочно вызвали в родильное отделение, — пояснила Катя. — У них роженица руку сломала.

— Скорее бы он вернулся, — не терпелось Ангелине. — Я бы сейчас за чашку хорошего кофе и горячий бутерброд душу дьяволу заложила!

— Тебе нужно поголодать. Так доктор велел. После тяжелого отравления можно только минеральную воду пить или крепко заваренный чай, — наставляла подругу на путь истинный Катя.

— Кать, у тебя трубка с собой? — у Ангелины в глазах заплясали лукавые бесенята.

— Ага, — кивнула Катя и подала подруге трубку. — Позвонить кому-то надумала? А не поздно?

— Доставка пиццы работает круглосуточно, — усмехнулась Ангелина, заказывая на адрес больницы три большие пиццы с морепродуктами, грибами и салями и три кофе-латте. — Доставьте заказ на вахту, оттуда позвоните по этому же телефону, спустится дежурная медсестра, — Ангелина подмигнула Кате, — и заберет заказ. Как скоро вы прибудете? Через сорок минут... Я умру от голода! Если ваш курьер приедет через пятнадцать минут, я заплачу ему чаевые в размере пятидесяти процентов от заказа. О'кей?! Жду!

Вот теперь Катя воочию убедилась, что ее подруга пришла в себя и ее здоровье вне опасности. Только Ангелина Громова — дерзкая и безрассудная, могла ослушаться приказа Анатолия и заказать пиццу в больницу. Катя сбегала вниз, забрала у курьера пакет с заказом, расплатилась и мышкой прошмыгнула в палату.

Какой они устроили пир! Дымящиеся пиццы источали божественный аромат. Катя распечатала пиццу с морепродуктами для Ангелины и с салями для себя. А пиццу с грибочками они приберегли для Анатолия. Нужно же чем-то подкормить спасателя несчастной роженицы.

Ниточки расплавленного сыра тянулись от большого куска и разрывались, перекушенные острыми зубками голодных женщин. Капельки соуса стекали по пальцам, но Ангелина и Катя, забыв об этикете, слизывали их, причмокивая от удовольствия. Ангелина откусывала от пиццы кусочек за кусочком, а Катя сначала съедала ломтики колбасы, помидоры, оливки и все, что покрошил туда повар, потом облизывала верх пиццы и откладывала пустую хрустящую лепешку в сторону. Всю эту вкуснятину они запивали кофе-латте из высоких стаканчиков с трубочками в крышках.

Пустой Ангелинин живот надулся под больничным халатом, румянец запылал на щеках розовым цветом, и тогда она откинулась на подушку с выражением безграничного блаженства на лице. А счастливая Катя на пустой соседней койке дожевывала свои хрустящие корочки.

— Фу! — пыхтела сытая Ангелина. — Как хорошо! Теперь я могу нормально думать, не раздражаясь и не отвлекаясь. Как ни крути, Катерина, все же бытие определяет сознание. Теперь-то уж я в этом убедилась!

— А меня это сейчас не волнует, — у Кати, уставшей от бурных переживаний тяжелого и длинного дня, слипались глаза, а голова сама клонилась к подушке.

— Э-э-э! — заворчала на нее Ангелина. — Ну-ка не спи! На, возьми еще кофе.

— Это же для Анатолия, — отказывалась Катя.

— Пей, пока горячий, — настаивала подруга. — Пока моего эскулапа дождешься, и кофе, и пицца будут холодными.

— Мне одной целый стакан не осилить, — Катя сняла крышечку и вынула соломинку. — Давай, поделим кофе напополам.

— С удовольствием, — Ангелина протянула ей свой стаканчик. — Только не пролей!

Катя поделила кофе, убрала в пакет опустошенные коробки из-под пиццы, немного походила, чтобы не заснуть, но кровать манила и тянула ее, как магнит.

— Можно я посплю, — заскулила она писклявым голоском.

— Можно, — разрешила Ангелина, — только чуть позже. Садись-ка ко мне поближе, я хочу тебе изложить свой стратегический план.

— А когда ты успела... — удивилась Катя.

— Когда ела, — Ангелина облизнула белый ободок от молока, отпила кофе, хлюпнув соломинкой, и отставила стакан на тумбочку возле кровати. — Самые лучшие идеи, Катюша, приходят в мою голову во время еды. А тебе когда?

— Наверное, когда я принимаю ванну, — пробубнила заплетающимся языком Катя.

— О ванна! — мечтательно промолвила Ангелина. — Жаль, что нет службы «доставка ванны», я бы тоже не отказалась смыть с себя больничный запах. Катюш, не засыпай, — она потрясла подругу за плечо. — Я же сказала, у меня созрел стратегический план по спасению твоей семьи и капитала. Разве тебе не интересно?

— Нет, нет, — заморгала Катя, прогоняя сон и тараща глаза. — Мне очень интересно.

— Тогда слушай, — начала Ангелина. — В таких делах нельзя упускать инициативу из своих рук. Мужчины наделены грубой физической силой, а мы — женщины — мозгами и интуицией.

— Ой! — напугалась Катя. — Так вы без них хотите?

— Вот ты и проснулась, — засмеялась Ангелина, глядя на округлившиеся от ужаса Катины глаза. — Но ты не бойся. На этот раз моя идея просчитана до мелочей. Уж поверь мне как бывшему психологу. Может, я не очень хорошо разбираюсь в финансах и законах, но человеческая психика — это моя стихия. Здесь я вне конкуренции.

— Да уж, да уж, — с сомнением проговорила Катя.

— Я придумала, как нам руками Татьяны избавиться от Виктора Каррераса... — выпалила Ангелина

— Вау! — восхитилась Катя грандиозностью ее замысла.

— Но это еще не все! — бесенята резвились в лукавых Ангелининых глазах. — Каррерас добровольно передаст Татьяне документы на имущество твоего мужа...

— Вау! — Катин восторг выплеснулся за грани рассудка.

— Но и это еще не все! — Ангелина притянула Катю за подбородок к своему лицу. — Осуществить мою идею поможет наша отравительница Ольга Ивановна.

Загипнотизированная бесенятами Катя потеряла дар речи. Потом она вскочила с кровати, зачем-то расправила складки на одеяле, отошла к дверям, смущенно потупила глаза и пробормотала:

— Ангелина, я, пожалуй, пойду в кабинет Анатолия. А ты лежи, отдохни, поспи. Анатолий говорил, что тебе нужно время, чтобы окончательно поправиться. Я не буду надоедать.

— Катька, дуреха, ты решила, что у меня опять галлюцинации, — догадалась Ангелина. — Но я не брежу, после промывания желудка у меня удивительное просветление в голове, будто и мозги прополоскали. Иди сюда, не бойся. У меня и вправду великолепная идея.

Катя вернулась, и подруга, наконец, поделилась с ней блестящим стратегическим планом.

Ангелинин расчет основывался на том, что жадные и алчные люди озабочены лишь тем, чтобы приумножить свои капиталы — любым путем. Их хватательный рефлекс несовместим с порядочностью и добротой, а скупость порой принимает фобийные формы. Например, миллионер Поль Гетти в прихожей своего дома установил платный телефон для гостей. Аристо-

тель Онасис летает только на самолетах собственных авиалиний. А Ставрос Ниаркос ночует на своем корабле, чтобы не тратиться на гостиницы. Поэтому Ангелина вычислила, что лучшим способом заполучить обратно голубевское имущество будет бартерная сделка с предложением несоизмеримо большего куша.

Работая агентом недвижимости, она, как никто другой, знала, что самым выгодным вложением капитала считались жилье и земля. Доллар замедлил темпы роста, а квартиры за последние два года баснословно подорожали. Вслед за квартирами начала дорожать и земля. Следовательно, нужно было найти весомый аргумент, чтобы Татьяна и Виктор обменяли свои доли на землю в Елкино. А чтобы убедить их в выгодности сделки, Ангелина готовила легенду о том, что в Елкино обнаружили запасы нефти. Баба-яга сама рассказывала, что поверхность озера смердит — вот и доказательство. Нефтяные месторождения всегда сопровождаются выбросами природных горючих газов. бабу-ягу Ангелина припрет к стенке статьей из уголовного кодекса, а землю заберет в качестве компенсации за ущерб здоровью. Пусть эта красотка к сыночку проваливается, хватит людей травить тушеными поганками.

План был не просто гениальный, но и справедливый. А это обстоятельство Ангелина оценивала гораздо выше материальной выгоды. Ее обостренное чувство социальной справедливости восставало против алчности и лжи. Но отвечать обманом на обман она посчитала ниже своего достоинства.

— А как же мы без мужчин? — второй раз соваться в логово бабы-яги Кате не хотелось.

— А зачем они нам? — упорствовала Ангелина. — Я ж тебе не размножаться без них предлагаю. В твоей трубке есть номер Татьяны, мы позвоним ей, догово-

римся о встрече. Подкинем информацию о нефтяных залежах в Елкино, познакомим Таньку с Виктором Каррерасом. Она донесет дезинформацию до нашего шоколадного зайца. Думаю, что он заглотит крючок, закинутый богатой заморской пташкой и к тому же бывшей женой его противника. Каррерас не глуп, зачем ему возня с бесконечными бумагами и судами. Татьяна в его глазах — акула капитализма, идеал, к которому он сам рвется изо всех сил. Дурной пример заразителен, если Татьяна поверит нам, то Виктор поверит ей — правило цепной реакции.

— А если не поверит? — засомневалась Катя. — Может, все же с мужиками посоветуемся, а? Мне так бо-язно...

— Ты бы лучше за свое будущее так переживала, — осерчала на нее Ангелина. — Давно ли была голью перекатной и сэкономила на каждой копейке. Опять к нищете, как собаку помоечную, тянет.

— Нет, не тянет, — надула губки Катя, обиженная напоминанием о сиротстве и бедности.

— Или Голубева разлюбила? — продолжила экзекуцию Ангелина.

— Нет, не разлюбила, — со слезами в голосе пробурчала Катя.

— Эх, ты, плакса-вакса, — обняла подругу Ангелина. — Сама же просила: «Помогите спасти мужа! А то у него все отняли!» Катюша, пора взрослеть. Ты уже не маленькая девочка, живущая в волшебном мире. А во взрослую жизнь сказочные принцы не заглядывают. Здешние дяденьки могут и обидеть, если ты не научишься защищать свои интересы.

В подтверждение Ангелининых слов в палату зашел Анатолий и рассвирепел, увидев остатки роскошного праздника желудка.

— Откуда пицца? Откуда кофе? — загремел он, выходясь над постелью Ангелины.

— Не кричи, — лениво отмахнулась пациентка. — Мне так хорошо! Не порть настроение...

— Ты безответственная, ты непокорная... — доктор завел было свою любимую пластинку.

— Вредная и противная, — подсказала Ангелина, выковыривая ногтем из зуба частичку хвостика креветки. — А мы тебе тоже пиццу заказали... С грибами...

— С грибами? — переспросил Анатолий и рефлексивно облизнулся.

— Но тебя так долго не было, что мы не утерпели и все слопали, — как бы между прочим сообщила Ангелина.

— Как?! — у доктора было такое обиженное лицо, что Катя не удержалась и прыснула со смеху. — Очень смешно, — Анатолий укоризненно покачал головой.

— Да она же пошутила! — призналась Катя.

— Ну и шуточки у вас. Где моя пицца? — рявкнул он.

— А волшебное слово? — настаивала Ангелина.

— Быстро!!! — приказал Анатолий.

— Вот это другое дело. Я слышу речь не мальчика, но мужа. Катюша, отдай ему пиццу! — разрешила Ангелина. — Пусть лопает, а то он от голода злющий, как волк.

— Я не злой, я справедливый, — Анатолий разорвал коробку. — Еще тепленькая, — обрадовался он, вгрызаясь в хрустящую лепешку.

— Смотри, Катюша, и делай выводы о благодарности мужчин. Сначала они на нас кричат, потом объедают. И после всего этого ты доверишь им наши сокровенные женские тайны? — коварно нашептывала искушительница.

— О чем это вы? — не понял Анатолий.

— Да так, о нашем, о девичьем, — уклонила от ответа Ангелина.

— Не слушай ее, Катюха, — советовал Анатолий. — Она из-за собственной строптивости в девках засиделась, а я, как на грех, влюбился в эту воинственную амазонку. Учись у природы, детка. Природа мудра. Возьмем, к примеру, львиное семейство. У львов охотятся только самки, а на самцов возложена обязанность охранять границы прайда и совокупляться со всеми львицами по их желанию для продолжения рода.

— Я ему посовокупляюсь! — пригрозила посмурневшая Катя.

— Кому? — не дошло до Анатолия.

— Как это кому? Муженьку моему — вашему другу. Умчался на свидание к своей хищнице, а про меня и не вспоминает, — Катя посмотрела на часы. — Уже половина одиннадцатого, я домой хочу, в ванну хочу... А он?

— Значит, милый, ты за то, чтобы самки сами добывали еду и для себя, и для своих самцов? — вернулась к зоологической теме Ангелина.

— В принципе, я не против, — подобревший Анатолий утратил бдительность.

— Катюха, не реви! — командовала Ангелина. — Наши самцы отпускают нас на охоту. Давай докажем им, на что способны глупые самочки.

— Угу, угу, — шмыгала носом Катя. — Мы докажем! Докажем...

— Докажем, докажем, — передразнил их Анатолий. — Да вы без нас!..

— Это не мы без них, а они без нас, — Ангелина ласково, как старшая сестра поглаживала Катю по волосам. — Научкой доказано, что женщины в среднем живут на двенадцать лет больше мужчин. А все потому, что мужчины только на словах называются «сильным полом», а на деле это они «слабый пол», а не мы. Американские ученые провели исследования и

выяснили, что мужчины хуже, чем женщины защищены от инфекций, бактерий, вирусов, блох, глистов и клещей.

Катя хихикнула, представляя закусанного блохами и клещами Голубева, а Анатолий заикался от сухомытки и глубоких познаний своей невесты.

— На, запей. У меня осталось немного кофе, — Ангелина передала ему свой стакан и продолжила клеймить позором мужское племя: — Виной тому мужской гормон тестостерон, который склоняет их к агрессии, насилию и пренебрежению опасностями. А на какие только уловки они не идут, ради того, чтобы обзавестись подружкой. Есть такая птичка — шалашник. У них самцы вьют гнездо из блестящих пластиковых оберток, пробок, разного цветного мусора и заманивают этим евроремонтом свою избранницу. После того, как самочка поселяется в домике, она навсегда теряет свободу и обрекает себя на одиночество, потому что растить и выкармливать птенчиков ей придется самой. А муж, без выплаты алиментов, упорхнет от нее и начнет строить новый завлекательный домик для очередной дурехи. Только самки хищных птиц умеют управлять своими избранниками. Выйдя замуж, они прекращают охотиться и одаривают самцов своими ласками лишь тогда, когда они приносят добычу в клюве. Вот у кого учиться надо, Катюха!

— Девчонки, давайте не будем ссориться. Пусть себе птички и зверушки живут, как им вздумается, они — твари неразумные, а мы все же «гомосапиенсы», то есть существа мыслящие, — Анатолий пытался урезонить темпераментную невесту.

— Нет, Катя, не поддавайся на уговоры мужчин, — Ангелину понесло, как Остапа Бендера на встрече с шахматистами клуба «Четырех коней» в деревне Васюки. — Сначала они овладевают нашей свободой, потом

провозглашают себя царями и королями, а потом требуют безграничной власти и тотального повиновения.

— Ну, ты загнула! — присвистнул Анатолий. — Начала с птичек, а дошла до царей и королей.

— Султан Брунея Муда Хасанал Болкиа Муиззаддин Ваддаула сам провозгласил себя премьер-министром, а также министром финансов и внутренних дел. Вследствие чего, он теперь самый богатый мужчина на планете, а его состояние в 1997 году составляло тридцать миллиардов долларов, — аргументировала свою правоту Ангелина. — А несчастные брунейские женщины, в случае развода, уходят в том, что на них надето. Поэтому они, бедняжки, вынуждены увешивать себя золотыми украшениями с ног до головы и таскать на себе тонны презренного металла, будто вьючные верблюдицы.

— Ах, несчастные! — ерничал Анатолий. — Как им не повезло...

Но его ехидные высказывания прервала мелодия из «Бумера» в исполнении Катиного мобильного телефона.

— Кто это? — Катя посмотрела на высветившийся номер.

— Султан Брунея, — пошутил Анатолий. — Позволил вам, чтобы сообщить про вакантные должности в своем гареме.

— Это же Татьяна! — Ангелина забрала трубку из трясущейся Катиной руки. — Здравствуйте. Да... Да... Да... — Ангелина во всем была солидарна с собеседницей. — Ну что ж поделаешь... Такова жизнь... Если вас не затруднит, привезите его прямо в больницу, а тут уж мы разберемся. Записывайте адрес. Анатолий встретит вас в приемном покое.

— Что случилось?! — хором выкрикнули Анатолий и Катя.

— Голубев накушался шампанского и отказывается ехать домой. Ты ж ему наказал, чтобы до полуночи он вернулся, — напомнила Анатолию Ангелина. — Вот он и уперся. Хорошо, что Татьяна согласилась доставить его в больницу.

— Она все врет! — занервничала Катя. — Она сама напоила Илью, чтобы выпытать у него наши семейные тайны. А в больницу она решила нагряться, чтобы со мной познакомиться. Я же говорила, она — хищница, и ей нельзя доверять ни в коем случае!

— На ловца и зверь бежит! — подумала Ангелина, а вслух повторила специально для Кати: — А ты еще сомневалась, что мужчины — «слабый пол»!

Красавица Татьяна в шубке из голубой норки смотрелась в приемном покое больницы как жена какого-нибудь спонсора или мецената, вознамерившегося в филантропическом порыве кинуть нищим горстку монет. Брезгливо прижав к носику надушенный платочек, она, не отпуская такси, ждала тех, кто освободит ее от бывшего супруга.

Ангелина накинула поверх убогого больничного халата белый, врачебный, и спустилась в вестибюль вместе с Анатолием. Трусика Катя идти с ними не согласилась.

— О! Какие люди и без охраны, — поприветствовал бывшую соотечественницу Анатолий. — Ну, как там ваш загнивающий капитализм, пахнет?

— Да уж с вашим ни в какое сравнение не идет, — красавица наморщила носик и помахала возле лица лайковой перчаткой. — Здравствуй, Анатолий.

— Привет, красавица, — они обнялись и поцеловались как старые добрые друзья. — Познакомься, это моя невеста — Ангелина.

— А мы уже познакомились. По телефону. Когда я из Швеции звонила, — улыбнулась Ангелине Татьяна. — Знаете, я вас себе представляла именно такой.

— А где доставленное тело моего лучшего друга? — Анатолий окинул взглядом полупустой вестибюль.

— В такси. Иди забирай. В ресторане его швейцар загрузил, а здесь — твоя очередь. Мне этого кабака не поднять. — Татьяна распахнула заднюю дверцу машины.

— Шутишь, да? — Анатолий сунулся в салон, но Голубева там не было.

— Где он? — спросила Татьяна у задремавшего водителя.

— А он вслед за вами пополз, — процедил водитель.

— В больницу? — уточнила Татьяна.

— Да, в ту же дверь.

— Ну, Илья! Ну, обалдуй! — переживала Татьяна. — Не дай Бог, накуролесит где-нибудь.

— Не волнуйся, поезжай, а то уже поздно. Мы его отыщем, — отпустил ее Анатолий.

— Тогда, до встречи! — попрощалась Татьяна.

— Я провожу вас до такси, — Ангелина вцепилась в рукав норковой шубки.

— Милая, — Анатолий окликнул ее уже у дверей. — Найдешь одна дорогу на отделение?

— Иди, иди, — разрешила ему Ангелина. — Ищи своего друга.

Пока дамы обговаривали план совместных действий по спасению Голубева из лап коварного шоколадного зайца, Анатолий бегал по коридорам больницы, отыскивая пропавшего друга. Разозлившись на Илью и на вечный бардак, он растолкал спящую вахтершу и накинудся на нее с упреками:

— Пока вы здесь дрыхнете на посту, в больницу на танке въехать можно!

— Да хватит на меня орать! — не выдержала вахтерша. — Я сплю так чутко, что мимо меня муха не пролетит!

Она вылезла из-за ограждения, доковыляла до электрического щитка и врубилла иллюминацию на полную катушку. В самом дальнем углу вестибюля, на каталке под простыней, свернувшись калачиком, как растущий эмбрион, безмятежно спал Илья Голубев.

Глава 15

— Илюха! Шайтан! — Анатолий свирепо ткнул друга кулаком. — Вставай, чего разлегся!

Но Голубев лишь отмахнулся, промычал что-то нечленораздельное и перевернулся на другой бок.

— Забирай его! — приказала доктору вахтерша. — У меня тут должен быть образцовый порядок.

— Да как я его заберу?! Вон он боров какой! — Анатолий похлопал Голубева по округлой ягодице. — Мне его одному не дотащить.

— А ты его вместе с каталкой тащи, а то устроили здесь парковку, захламили весь вестибюль, — рассерженная вахтерша разошлась не на шутку.

— А это мысли! — Анатолий прикрыл друга простыней и под видом покойника повез по коридору.

Задев каталкой обо все углы, потряхивая Голубева на поворотах, Анатолий добрался до лифта. Невзирая на собственноручно написанное объявление о том, что вход с покойниками на отделение строго воспрещен, он втащил каталку на свой этаж.

— Здравсьте вам! — услышав грохотание дверей лифта, из комнаты для персонала вышли неразлучные подружки Карповна и Ирочка.

Застигнутый врасплох врач одернул простынку, прикрывая торчащий ботинок Ильи.

— Доктор, а у нас, вроде как, все живы, — ухмыльнулась Карповна. — Или вы этого покойника одолжили для перевыполнения плана?

— Нет! — отрезал Анатолий. — Для опытов. Разве ты не слышала о приказе главврача, обязывающем весь персонал больницы отрабатывать приемы оказания первой помощи на подсобном материале. В морге есть несколько отказных трупов, их распределили по отделениям. С завтрашнего утра начнем упражняться, пока он еще свеженький. Я обучу вас искусственному дыханию рот в рот, внутривенным и внутримышечным инъекциям, прямому массажу сердца...

— Дыханию рот в рот? — Карповна и Ирочка испуганно переглянулись. — На покойнике?

— А мы его формальдегидом и антисептиком обрабатываем, чтобы инфекцию ненароком не подцепить, — успокоил их доктор.

— Что-то у меня самой сердце пошаливает, — схватилась за левую грудь Карповна. — Давно хотела взять больничный. Завтра прямо с утра на кардиологию бегаю.

— А вы уж мое колено осмотрите, Анатолий Дмитриевич, — сразу захромала Ирочка. — А-то оно у меня распухло и похрустывает при ходьбе.

— Идите ко мне, девочки, я сам выпишу вам больничный! — откинув простыню, загробным голосом предложил оживший покойник.

— А-а-а! — завопили благим матом Карповна и Ирочка и, отталкивая друг друга от двери, кинулись в комнату для персонала.

— Ха-ха-ха! — Илья хохотал, подражая зомби из фильмов ужасов.

— Болван ты, Илюха! — Анатолий поднял с пола простыню. — А вы не орите, — остановил он вопящих подружек. — Неужели так и не научились живого от

мертвого отличать? Тоже мне медперсонал. Вот отправлю вас в морг на стажировку...

— Да пошел ты, Дмитрич, знаешь куда! — огрызнулась Карповна. — И покойника своего туда же прихвати!

— Ну, Толян, какие у тебя темпераментные старушки! — веселился Голубев. — Даже уходить из больницы не хочется.

— А и не уходи! — осмелела санитарка Ирочка. — У нас на отделении много свободных мест. Я шутников уважаю, положу тебя в лучшую палату, к лучшему врачу.

— Согласен, согласен, — скоморошничал Илья. — Если к лучшему врачу, то согласен.

— Ага, ага, — закивала гренадерша Ирочка с двухметровой высоты. — Он — лучший проктолог на нашем отделении, и у него есть волшебная клизма на восемь литров, вылечивающая тех, у кого детство в ж... играет!

— Я его, голубчика, сама вылечу! — услышав голос вернувшегося мужа, Катя, точно взбешенная фурия, вылетела в коридор. — Ну-ка марш домой, гуляка!

— Кать, ты чего, белены объелась? — опешил Голубев.

— Нет, грибочков галлюциногенных, — напомнила ему Катя. — Пока ты там шампанским опивался со своей иностранной кралей, я... — Катя вспомнила про пиццу с салями. — Чуть с голоду не померла! Спасибо, люди добрые не дали угаснуть во цвете лет.

— А я что... Я ж вернулся до двенадцати, как наказывал Анатолий. Я и не пьяный вовсе! Это я перед Татьяной спектакль разыграл, чтобы она не заподозрила во мне сильного противника, — оправдывался перед женой Голубев.

— Домой! — повторила команду Катя. — И без разговорчиков!

Карповна и Ирочка наслаждались очередной серией Санта-Барбары и улыбками поощряли Катю на дальнейшие подвиги.

— Дай хоть с Толяном попрощаться, — вырывался Голубев.

— Домой, я сказала! Ты уже тут всем надоел хуже горькой редьки. Завтра увидитесь, — ругалась Катя.

— Прощай, Толян! — молвил Илья слезным голосом. — Если птице отрезать крылья, если ноги отрезать тоже, эта птица умрет от скуки, потому что летать не сможет... — декламировал он, шествуя по длинному больничному коридору под Катиным присмотром, будто каторжник под конвоем.

— Тебе не крылья и не ноги, тебе другое место нужно ампутировать и желательно без наркоза, — уже на лестнице высказала свое мнение Катя.

— За что? — Голубев шутливо сложил ладони на причинном месте, словно футболист, ожидающий одиннадцатиметровый удар. — Сама же потом страдать будешь...

— А-а-а, — укоризненно покачала головой Катя. — Блудливой куме одно на уме. А я, всего на всего, имела в виду твой чересчур болтливый язык.

— Ой, е-мое, — опомнился Голубев. — Я же самое главное Толяну не сказал! Угадай, кого я встретил в ресторане за Татьяниным столиком?

— Виктора Каррераса! — наобум выпалила Катя, вспоминая про Ангелинин план, одним из пунктов которого значилось знакомство Татьяны с шоколадным зайцем.

— Как ты догадалась?! — Илья аж остолбенел от прозорливости жены.

— Догадалась и все! — отмахнулась Катя.

— Ну как? Как? — Голубева распырало от любопытства.

— Да у тебя же все на лице написано, — растолковывала она мужу. — Ты плохо владеешь своими эмоциями. Ты как дитя, увидел конфетку, и глазенки заблестели. Нельзя тебе, милый, садиться за карточный стол. Блефовать ты не умеешь. Если уж я разгадала твою военную хитрость, то что говорить о профессиональных игроках. Они тебя в два счета раскусят и с потрохами сожрут!

— Да... — задумался Илья над Катиными словами. — Видно, прошли мои времена... Нынче джентльменство не в моде. Теперь, кто подлее, тот и в шоколаде.

— А ты с такими не водись, — как маленького поучала его Катя. — Ты с честными водись. Лучше иметь одного, но верного друга, чем десяток, но фальшивых.

— Котенок, а ты, оказывается, такая умная, — восхитился Илья. — А все глупенькой прикидывалась...

— Ничего я не прикидывалась, — ворчала польщенная Катя. — Просто рядом с таким экстремалом как ты, любая повзрослела бы и быстро набралась ума-разума.

— Прости, малыш, — Голубев чмокнул ее в щечку. — Но можно я на пять минуточек сбегаю обратно, чтобы рассказать Анатолию о встрече с Каррерасом?

— Я те сбегаю! А ну марш домой! — рывкнула Катя, как разъяренная львица.

— Ангелина, дорогая! — Голубев кинулся за защитой к невесте лучшего друга, с которой они столкнулись на пороге вестибюля. — Передай Анатолию, что я разыскал Каррераса.

— Тоже мне новость! — небрежно отозвалась Ангелина. — Я уже все знаю и со всеми подробностями.

— Откуда?! — растерялся Илья. — Ах, да! Конечно! Танька рассказала... Ах, женщины, женщины, во всем-то вы нас мужчин обскакали...

— Домой! — шлепнула его по загривку Катя. — Ишь, неугомонный!

Семейка Голубевых покинула больницу. Ангелина еще долго, пока поднималась по лестнице, сквозь подмороженные стекла видела Илью и Катю. Чинно, под ручку, шли они к проспекту, чтобы поймать машину.

— Поговорила? — Анатолий сразу же набросился на невесту с расспросами.

— Поговорила, — ответила она.

— И что? — Анатолия не удовлетворила ее предельная лаконичность.

— Все нормально, — равнодушно произнесла Ангелина.

— А Танька? Какое она на тебя произвела впечатление? Как ты думаешь, ей можно доверять? — засыпал ее вопросами Анатолий.

— Танька? — у Ангелины слипались глаза. — Танька как Танька... А вот шуба ее на меня, действительно, произвела впечатление... Но все завтра! Я с ног валюсь, а ты ко мне как банный лист прицепился...

Ангелина дотащилась до своей палаты, упала в койку и мгновенно уснула. Ей было уже не до Таньки и не до Голубева, ее организм требовал отдыха, а Ангелина всегда стремилась следовать зову природы. Подобно Скарлетт из «Унесенных ветром», она всегда стремилась правильно расставлять приоритеты, а проблемы семейства Голубевых относились к тем, о которых можно было «подумать завтра». Много раз, сталкиваясь с неразрешимыми трудностями, Ангелина билась, стараясь преодолеть их как можно быстрее. Но не каждая задача решается в одно действие, и не каждую высоту удается взять одним прыжком.

Как-то раз поздней осенью Ангелина выехала на загородный объект. У ее старенькой «девятки», на которой она каталась до «ауди», не работали дворники. Ангелина остановилась на обочине, чтобы протереть ветровое стекло и залюбовалась ельником, подступившим

к самой дороге. Вдруг с макушки елки сорвалось крупное красное яблоко. Ангелина даже испугалась: она никогда не видела, чтобы на елке росли яблоки. Когда Ангелина нагнулась за свалившимся на ее голову подарком, елка зацокала, будто живая. Внимательно осмотрев подозрительное дерево, Ангелина выяснила, что на ветке сидит разгневанная белочка: видимо, она волокла добычу в дупло, но недооценила свои скромные силы. Кожура яблока была истыкана крохотными дырочками — следами от зверушкиных коготков и зубов. Тогда Ангелина загадала: если белка сумеет втащить яблоко на елку, то ее собственная проблема с затянувшейся сделкой разрешится благополучно. Белка старалась вовсю, карабкалась и прыгала, рискуя сорваться, балансировала распушенным хвостом, но вновь упустила тяжелую добычу. Та грохнулась вниз и разбилась на куски. Белка спустилась на землю, села напротив Ангелины на задние лапки, сердито зацокала на нее, будто осуждая женщину за то, что та возложила на хрупкого зверька непосильную миссию. А потом легкими прыжками с зажатыми в зубах частями яблока за несколько восхождений справилась с трудной задачей. С тех пор Ангелина стала более терпеливой. Она навсегда усвоила белочкин урок: то, с чем нельзя справиться сразу, можно одолеть по частям. Простой, но эффективный метод действовал безотказно.

Наутро Анатолий разбудил крепко спящую невесту:

— Просыпайся, — шептал он в ее розовое ушко. — Мое дежурство закончилось. Звонили наши спонсоры: твоя «ауди» в полном порядке. Они ждут нас у ворот больницы, чтобы сдать машину с рук на руки.

— У-у-у, — потянулась Ангелина. — Странно, но я очень хорошо выспалась. А вот у тебя, милый, темные круги под глазами. Совсем не спал, да?

— Не положено, — улыбнулся Анатолий и поцеловал Ангелину в уголок губ.

Ангелина обняла его за шею и притянула к себе.

— И это не положено, — засмеялся он. — Вставай. Твою отдельную палату-люкс могут занять в любой момент. Нам и так повезло, что эта ночь была относительно спокойной.

— Бр-р-р, — поежилась Ангелина, вылезая из-под одеяла.

Она переоделась в свою одежду, ополоснула лицо холодной водой из-под крана и почувствовала себя бодрой и готовой к великим свершениям.

— Поехали скорее домой, — позвала он полусонного Анатолия.

На фоне сверкающих сугробов ее отполированная черная «ауди» смотрелась как конфетка. Мастера на сервисе не стали заморачиваться и просто заменили помятую сенбернаром крышку багажника и раздавленный в аварии бампер на новые.

— Вы в багажник загляните, — попросили Ангелину богатыри-охранники.

— Зачем? — удивилась она.

— Шеф велел, чтобы вы приняли работу по всем пунктам, — прозвучал интригующий ответ.

Ангелина подняла крышку. Внутри вычищенного багажника стояла подозрительно раздувшаяся сумка. Ангелина растегнула молнию: внутри вместо раздавленных упрямой псиной балийских сувениров лежали целые, точно такие же экзотические вещички.

— Ваш шеф волшебник? — поразилась она.

— Самый главный! — похвастались охранники. — Все, кроме кошки, восстановлено в точности как было.

— Какой кошки? — не поняла Ангелина.

— Среди черепков в сумке мы откопали вырезанную из черного камня фигурку кошки с глазами из искусственных изумрудов.

«Точно!» — вспомнила Ангелина. — «Эта кошка из шкафа Валерия Александровича, которую я прихвати- зировала для себя».

— Эта кошка не разбилась и даже не поцарапалась. Наш шеф, когда был в Сингапуре, тоже купил таких. Азиаты — хитрющие ребята, классно придумали, они внутрь статуэток пихают какие-то имитаторы кошачьих запахов. Поставил такой сувенирчик в офисе, на складе или в гараже, и крысы с мышами моментально исчезают, — просветили Ангелину охранники.

— Зря мы, значит, упрекали Дика в бестолковости, — шепнула Анатолию Ангелина. — Это он из-за кошачьего запаха атакował багажник.

— А это вам лично от нас, — охранники достали с заднего сиденья два роскошных букета из королевских лилий.

— Что, оба мне? — уточнила Ангелина.

— Нет, один для меня, — ухмыльнулся Анатолий.

— Второй букет для той малышки, кажется, ее имя Катя, которая проучила зарвавшегося зятя нашего шефа. Мы бы и сами могли ему бока намать, но субординация...

— Ну, ребята, спасибо за все, — Анатолий пожал им руки. — Нам пора.

— Счастливо, — попрощались охранники, усаживаясь в черный бронированный «мерседес».

После ремонта «ауди» летела по улицам, как ласточка на родину после зимовки в дальних странах. Наконец Ангелина добралась до своей квартиры. Она растолкала уснувшего Анатолия, всучила ему сумку с сувенирами и быстро-быстро погнала к лифту, опасаясь, что талантливый сыщик Дик выйдет на прогулку и с удвоенной силой начнет трамбовать багажник машины.

Дома Анатолий сразу же разделся и бухнулся на диван. Когда Ангелина подсунула ему под голову подуш-

ку, он уже спал. Набросив на Анатолия шерстяной плед и плотно задернув шторы, чтобы солнце не слепило глаза, Ангелина ушла на кухню. Там она, не опасаясь быть случайно подслушанной, позвонила Кате, чтобы договориться о дальнейшем плане совместных действий.

Катя долго не снимала трубку.

— Вот соня! — рассердилась Ангелина. — А вдруг она не выдержала и все Илюхе растрепала! А теперь ей стыдно, и она специально скрывается от меня...

В ответ на ее размышления в звонок кто-то коротенько дзинькнул и поскреб коготками в дверь.

— Легка на помине! — обрадовалась Ангелина и впустила подругу, которой не сиделось дома в ожидании приказа. — Кать, заходи, только тихо.

— Анатолий спит? — с порога спросила Катя.

— Угу, — прошептала Ангелина. — Дуй на кухню. А твой как? Я вам звонила, но к телефону никто не подошел.

— Спит, — успокоила ее Катя. — Я его перед сном чайком с валиумом напоила, а то он все порывался с самого утра бить во все колокола и поднимать народ на борьбу с Виктором Каррерасом.

— Ну что ж, может, это и к лучшему, — одобрила ее действия Ангелина. — Пусть мужчины спят и видят нас в своих сладких снах. Без них как-то спокойнее. Кстати, телохранители плененного тобой хама отблагодарили тебя и меня букетами.

— Спасибо. А что с Татьяной? — Катя произнесла имя бывшей жены Голубева с плохо скрываемой неприязнью.

— Она обещала отзвониться до двенадцати часов... — Ангелина рассекретила время начала операции, — если Каррерас клюнет на ее удочку. После больницы Татьяна поехала на свидание к Виктору, они собирались раз-

влечься в ночном клубе. Под романтическую музыку в интимной обстановке Татьяна намеревалась предложить Виктору войти в долю и обменять пахнущие деньгами документы на пахнущую нефтью землю. Сейчас девять двадцать пять утра, времени у нас вагон, ты вари кофе, ставь цветы в вазу, а я приму ванну и переоденусь.

Напустив изрядное количество пены, Ангелина погрузилась в ароматную голубую воду и закрыла глаза от удовольствия. Через десять минут она сполоснулась под душем, вымыла волосы, нахлобучила на голову махровое полотенце, надела теплый халат и вышла на кухню. Катя сидела за столом и плакала перед двумя чашками со свежесваренным дымящимся кофе.

— Кать, что случилось? Что-то с Ильей?! — перепугалась Ангелина.

— Не-е-е, — хныкала Катя, размазывая по лицу слезы.

— Тогда чего же ты реवेशь? — Ангелина встряхнула ее за плечо, чтобы привести в чувство.

— Бабу-ягу жалко, — Катины слезы капали прямо в чашку с кофе.

— А с чего это ты вдруг ее оплакивать решила? — опешила Ангелина.

— Пока ты ванну принимала, я услышала, как в коридоре зазвонила чья-то трубка. Терпеть не могу шарить по карманам, но трубка трезвонила, не умолкая. Я боялась, что Анатолий проснется, вытащила мобильник из его куртки и ответила за него. Я думала, что он срочно понадобился в больнице. А это вовсе не из больницы звонили, это сержант Николай Егорович хотел сообщить Анатолию все, что разузнал про Ольгу Ивановну Покрышкину в связи с возбуждением против нее уголовного дела и обвинением в отравлении.

— Так, — Ангелина тоже присела и отпила кофе. — Продолжай!

— Она такая несчастливая-я-я, — завывала Катя. — Еще несчастнее меня!

— Но ты же при этом людей не травмишь, — констатировала Ангелина. — Давай-ка, дорогая, без эмоций! Выкладывай, что тебе рассказал этот желторотый сержант.

— Ольга Ивановна Покрышкина — сирота, выросла в детском доме. Сначала она похоронила мужа, потом у нее умер сын. Уже лет десять она одна растит двух внуков — мальчишек-близняшек, которым сейчас по пятнадцать лет. Их мать развелась с ее сыном, бросила детей и ушла, когда он начал спиваться. Ольга Ивановна когда-то была председателем совхоза, и в Елкино жизнь была ключом. Потом совхоз развалился, те, кто помоложе разбежались, те, кто постарше перебрались на другую сторону озера, где построили завод по производству комбикормов. Дома в Елкино опустели и обесценились. Вот тогда-то ее сыну, который работал водителем у директора завода, кто-то по секрету проболтался, что через Елкино планируют строить кольцевую дорогу вокруг Санкт-Петербурга, и всем, чьи дома попадут в зону сноса, предоставят в городе отдельные квартиры. Мама и сын втихаря принялись скупать брошенные дома. И дорогу, действительно, взялись строить, даже плиты уложили до самого Елкино. Но, видимо, у строителей изменились планы, они забросили начатый участок трассы и перебрались в сторону километров на десять. Сын Ольги Ивановны и раньше попивал, а после провала этой финансовой операции совсем опустился. Его выгнали с работы, и он тихо умер на печке в доме матери. Учитывая былые заслуги Ольги Ивановны, ее внуков определили в городскую школу-интернат, а недавно по личному распоряжению губернатора области ей выделили трехкомнатную квартиру со всеми удобствами в новом доме в соседнем поселке. Поэтому Ольга Ива-

новна выставила на продажу свою избушку в Елкино; тут же нашелся и покупатель — наш молодожен Платон Платонович.

— Так все ж замечательно сложилось! Продала бы дом, заработала деньги, так ведь нет, людей травить принялась, — удивилась Ангелина. — Не от внезапного же счастья у нее башню снесло.

— Вовсе нет! — заступилась за Ольгу Ивановну Катя. — С головой у нее все в порядке. Она бы продала дом Платону Платоновичу, но накануне в Елкино опять объявились строители. Что-то перемерили, меток на деревьях поставили. Она их спросила, не дорогу ли решили вернуть на старое место. А ей бригадир возьми, да и брякни, что да, действительно, строительство дороги возобновили. Дескать, ты бабка от жизни отстала, телевизор не смотришь, а то бы знала все областные новости. Вот она и решила, что губернатор квартиру ей выделил специально, а сам через подставных покупателей завладеет ее собственностью и выгодно обменяет избушки на квартиры в городе.

— Это правда? — нахмурилась Ангелина.

— Конечно, нет! Дорогу строят к разрастающемуся вдоль озера заводу. Это все сержант Николай Егорович разузнал. Он с утра ездил в областное управление, а на обратном пути заскочил в Елкино, чтобы лично пообщаться с бабой-ягой.

— Ну и пообщался? — у Ангелины в животе заурчало при упоминании Ольги Ивановны.

— Пообщался, — хлюпнула носом Катя. — Баба-яга во всем призналась, раскаялась и просит снисхождения к судьбе двух сирот, для которых она — единственная кормилица. Ангелина, милая, — Катькины слезы полились в чашку ручьем, — забери свое заявление. Она обещала выполнить все наши требования, лишь бы ее не разлучали с внуками.

— Ну вот тебе компот. Она народ травит, а я крайней оказываюсь! — Ангелина хоть и сердилась, но сердце ее также обливалось горячими слезами сострадания к нелегкой женской доле несчастной Ольги Ивановны. — Придется на ходу перестраивать наши планы...

— Ты же умная, Ангелина, — соленый ручеек грозил превратиться в бурную реку. — Придумай что-нибудь, — канючила Катя. — Я лично не хочу, чтобы на мою совесть камнем легли загубленные жизни двух сироток.

— Ладно, — смахнула с глаза непрошеную слезу Ангелина. — Я попробую сыграть экспромтом. Хотя жаль, конечно, что Каррерасу не доведется откусать экзотического блюда местной кухни — солянки из галлюциногенных грибов, собранных близ деревни Елкино.

— Ой! А ты мне вчера не говорила, что этот пункт входил в твой гениальный план. — Катькина феноменальная память сохраняла практически все, до мельчайших деталей.

— Это была моя маленькая военная хитрость, — создалась подруге Ангелина. — На тот случай, если ты расколешься перед своим мужем. Да и на Танькины чары я не так уж сильно надеюсь. Каррерас не мальчик, он и не таких красоток, как бывшая жена Голубева, видал. Так что подстраховка грибочками не помешала бы.

— А как же теперь? — запереживала Катя.

— Теперь, — начала было Ангелина, но ее рассуждения прервал полонез Огинского в исполнении мобильного телефона.

— Кто это? — пискнула Катя, выронив из рук чайную ложку.

— Наш агент Татьяна. Раньше времени позвонила, — отметила Ангелина, взглянув на часы. — Але, как дела?

— Через час мы с господином Каррерасом будем готовы для поездки за город и осмотра земельных уча-

стков, — официальным тоном доложила Татьяна, давая понять, что шоколадный заяц находится рядом с ней.

— Я буду возле вашей гостиницы через час, — подмигнула Ангелина перетрусившей Кате. — Запишите номер машины. Черная «ауди» С 380 УХ. До встречи.

— А я? — растерялась Катя. — Вы чего, меня с собой не берете?

— Не беру, — улыбнулась Ангелина, хватаясь за косметичку и разматывая с полусухой головы полотенце. — Такие люди, как ты, Катенька, нам в тылу нужны. Ты будешь обеспечивать мое алиби на тот случай, если Анатолий проснется, и держать связь на случай, если что-то сорвется и срочно потребуется грубая мужская сила.

— Но... — попыталась возразить Катя.

— Никаких но! — упредила ее Ангелина. — Мне спокойнее, когда за моей спиной надежная поддержка. Это крайне важно, Катюша. Как только я позвоню тебе из Елкино и скажу, что пора срочно готовить документы, удостоверяющие сделку, ты схватишь такси, домчишься до агентства и вместе с Леночкой и будешь поджидать нас там. Но ни в коем разе не показывайся Каррерасу!

— Я все уразумела, — заважничала Катя. — Можешь на меня положиться. Я не подведу!

— Тогда аривидерчи, малышка, — Ангелина накрасилась, чмокнула подругу на прощанье, быстро оделась и вышла в коридор.

— А шапочку? — переживала за нее Катя. — Простудишься. У тебя же еще волосы не просохли.

— Некогда, — уже с лестницы отозвалась Ангелина. — В машине печку врублю и досушу. Пока.

— Удачи! — пожелала Катя, закрывая за подругой дверь.

На крыльце гостиницы Ангелину ждали Татьяна и Виктор. Вместе они смотрелись потрясающе, будто на рекламном плакате туристического агентства. Статная

блондинка в роскошной шубе и плечистый негр в длинном пальто песочного цвета олицетворяли собой неуклонный рост имущественного благосостояния граждан капиталистических стран.

— Здравствуйте, господин Каррерас, — поприветствовала его Ангелина, когда парочка начинающих нефтяных магнатов уселась на заднее сиденье ее машины.

— Вы?! — оторопел Виктор. — Что все это значит?

— А вы сами не догадываетесь? — в глазах Ангелины прыгали озорные бесенята. — Вы зарабатываете деньги своим ремеслом, а я своим. Мы с вами деловые люди. Честно говоря, мне абсолютно все равно, кому достанется земля, но я напрямую заинтересована в наибольшем проценте от сделки.

— Стало быть, Ангелина Станиславовна, вы предаете друга своего мужа — господина Голубева? — уточнил Каррерас.

— Не предаю, а продаю, — поправила его Ангелина. — И за весьма солидную сумму. Я же говорила вам еще на Бали, что я умею торговаться.

— Вы, оказывается, опасная женщина, — Виктора устроило ее объяснение.

— Я расцениваю это как комплимент, — принялась кокетничать Ангелина.

— Давайте обсудим наши дела, — одернула их Татьяна. — Вчера ночью я созванивалась с мужем, он подтвердил высокую вероятность наличия нефтяных запасов в данном регионе.

— Ваш муж разбирается в этом бизнесе? — живо отреагировал Каррерас.

— Еще бы! — гордо изрекла Татьяна. — Он владелец нескольких нефтяных платформ в Балтийском море.

Ангелина чуть руль не выронила. Со слов Голубева, Танькин муж был скромным шведским предпринимателем и занимался сыроварением.

— Ого-го-го, — Виктор поцеловал руку миссис Нефтяная Вышка.

— Но, ради Бога, — Татьяна приблизила лицо вплотную к лицу Каррераса. — Не выдайте меня ни моему бывшему, ни моему нынешнему мужу. Я надумала вложить деньги без их ведома. Мало ли что в жизни может приключиться, альтернативный вариант не помешает. Как гласит умная пословица: «Никогда не клади все яйца в одну корзину».

— До чего же приятно иметь дело с умными женщинами, — успокоенный Каррерас заметно повеселел.

— У нас с вами образовался плодотворный альянс. Не правда ли, Виктор? — воркующим голоском спросила Татьяна и как бы ненароком положила руку ему на колено.

— О да! Ночью мы выиграли в казино, — засвидетельствовал он.

— Я имею в виду не этот конкретный эпизод, — туманно намекнула красавица на нечто большее. — Если проследить все нюансы нашего случайного знакомства, то можно смело усмотреть в нем знак судьбы. Я, как и вы, приехала издалека, чтобы вернуть причитающееся мне имущество. Я, как и вы, не удовлетворена тем, что имею, и готова рискнуть ради прибыли, перспективы и свободы. И вас, как и меня, кредитует один и тот же человек, наш общий должник — Голубев Илья.

Ангелина наблюдала за Татьяной в зеркало и не понимала, искренна ли она с Каррерасом или так великолепно вжилась в роль богатой расчетливой капиталистки. Впервые опыт и навыки профессионального психолога были бесполезными. Ангелина поставила капкан на шоколадного зайца, в качестве приманки подкинула Татьяну, но внутреннее чутье подсказывало, что пока капкан пуст, и добычей может стать каждый из здесь присутствующих.

Чтобы немного развеять печальные мысли, Ангелина включила автомагнитоу. По ретроканалу группа «Земляне» исполняла старую патриотическую песню:

«Земля в иллюминаторе, земля в иллюминаторе, земля в иллюминаторе видна. Как сын грустит о матери, как сын грустит о матери, грустим мы о земле — она одна»...

Чувствуя, что грусть-печаль только усиливается, Ангелина переключила на другой канал. После бодрого вступления Пьер Нарцисс запел с жутким акцентом:

— Я шоколадный заяц, я ласковый мерзавец, я сладкий на все сто! О-о-о!

Опасаясь международного скандала со стороны темпераментного кубинца, Ангелина снова пощелкала кнопками автомагнитолы. Но Виктор Каррерас, увлеченный намечающимся романом с русской красавицей, не обратил внимания на обидные слова. Тем временем из динамиков понеслось задушевное:

— Бессаме, бессаме мучо...

Стрелой долетев до Елкино, Ангелина попросила Татьяну и Виктора минуту обождать в машине, чтобы предупредить хозяйку о приезде покупателей. Ольга Ивановна, увидев Ангелину, бухнулась ей в ноги и протянула исписанный корявым почерком клетчатый лист из школьной тетради.

— Что это? — Ангелина повертела мятый листок.

— Чистосердечное признание, — покаялась баба-яга.

— Ольга Ивановна, я заберу свое заявление и отзову заявление Платона Платоновича, если вы подпишете купчую на продажу земли. Я приехала за вами, со мной покупатели. Они сейчас осмотрят участки, и мы поедem в агентство, — строго диктовала свои условия Ангелина.

— Спасибо, касатка, спасибо, — Ольга Ивановна смотрела на нее, как на икону. — Ты мне сразу понравилась, даже жалко было тебя травить.

— В присутствии покупателей вы должны молчать как рыба, — приказала ей Ангелина.

— Не беспокойся, касатка. Дай Бог тебе за твою доброту хорошего мужа! — пожелала старуха.

Вот хитрая бестия! Откуда ей было известно, что Ангелина не замужем. Наверное, Платон Платонович разболтал, кто же еще. Но баба-яга лукаво прищурила глаза, словно читая ее потаенные мысли, и просипела:

— Не тяни с замужеством, а то уведут твоего доктора у тебя из-под носа. Век в девках куковать будешь!

— Откуда у вас обо мне такие подробные сведения? — разволновалась Ангелина.

— Оттуда, — старуха подняла к небу указательный палец и рассмеялась.

У Ангелины кожа покрылась мурашками. Она выскочила на крыльцо и замахала руками, зазывая Татьяну и Виктора. Когда все троица вернулась в избу, Ольга Ивановна открыла печную заслонку, а Ангелину вытолкала обратно на улицу:

— Постой здесь, касатка, воздухом подыши, пока твои гости дом осматривают.

— Только не кормите их грибами, — взмолилась Ангелина, тщетно пытаясь проникнуть в запертую изнутри дверь.

Вскоре хохочущие гости в сопровождении Ольги Ивановны вышли к машине. По их лицам Ангелина поняла, что они готовы подписать любую ахинею, даже собственный смертный приговор. Когда «ауди» поскакала в город по недостроенной дороге, Ангелина не выдержала:

— Чем вы их одурманили? — шепнула она устроившейся на переднем сиденье Ольге Ивановне.

— Есть у меня одна травка, — хихикнула довольная старуха. — Интересуешься, касатка?

Ангелина промолчала. Если баба-яга и вправду умела читать чужие мысли, врать было бесполезно. Соблазн завладеть такими знаниями и впрямь будоражил Ангелину. Но ее собственный кодекс порядочности давил на самосознание как могильная плита. Собрав волю в кулак, Ангелина отказалась от предложенного подарка.

— Молодец! — похвалила ее Ольга Ивановна. — Гордая! Я уважаю гордых. Но если что, забегай по старой памяти. Ты ведь теперь навроде моей крестницы...

В агентстве недвижимости сделка по продаже полузаброшенной деревни Елкино была самой быстрой за всю историю фирмы. К взаимному удовольствию всех сторон договор символично обмыли бутылкой шампанского. Татьяна и Виктор, забрав свои ценные бумаги, поехали обедать в ресторан. Катька, вылезшая из засады, прыгала до потолка, размахивая полученными документами на ресторан и квартиру. Сержант Николай Егорович по телефону заверил Ольгу Ивановну в том, что дело против нее возбуждено не будет. А Ангелине не верилось, что все завершилось, как в сказке со счастливым концом.

— Вас подвезти? — спросила Ангелина Ольгу Ивановну, внешность которой уже не казалась ей такой безобразной.

— Нет, — баба-яга вынула из немодного ридикюля губную помаду и подкрасила тонкие губы. — Раз уж я в кои века выбралась в город, загляну на огонек к своему старинному приятелю.

«Поистине, к уродству привыкают также как к красоте», — мысленно перефразировала известное высказывание Ангелина.

Ольга Ивановна усмехнулась, вогнав Ангелину в краску.

— Прощайте, — пискнула Катя.

— До встречи, — отозвалась Ольга Ивановна.

Не успели Ангелина и Катя отъехать от агентства, как снова затрезвонил мобильный телефон.

— Ты куда это запропастилась? — тревожился Анатолий.

— Уже домой еду. Заскакивала на работу.

— А Катя где? Голубев ее разыскивает, заявился к нам, меня разбудил...

— Катя со мной. Будем через полчаса, — пообещала жениху Ангелина. — Сколько таблеток ты скормила Илюхе? — любопытствовала она у Кати.

— Три штуки, — потупила глаза Катя. — А что? Мало?

— Да для твоего Илюшеньки три таблетки, как для слона дробинка, — хихикнула Ангелина. — Ладно, мы хоть успели с Каррерасом разобраться!

— Что бы я без тебя делала! — воскликнула Катя, обнимая подругу.

По дороге домой они заскочили на рынок, купили зелени и помидоров для салата, парного мяса на шашлыки и разных острых солений. В винном магазине Ангелина выбрала две бутылки чрезвычайно уважаемого Анатолием «Мерло». Мужчины встретили их радостными воплями.

— Угадай, какой у меня для тебя подарок? — пританцовывая вокруг Ильи, визжала счастливая Катя.

— Нет, сначала ты угадай! — сгреб ее в объятия Голубев.

Катя побледнела.

— Ах ты моя трусишка! — Илья задрал свитер и вынул отремонтированную игрушку Мистера Икса.

Катя машинально нажала на живот волосатого зверя, и он запел голосом Голубева:

Ты для меня лишь одна желанная,
Солнышко мое долгожданное.
И не нужна мне весна нарядная,
Только ты, моя ненаглядная...

Оглавление

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	47
Глава 4	67
Глава 5	88
Глава 6	108
Глава 7	128
Глава 8	149
Глава 9	169
Глава 10	190
Глава 11	210
Глава 12	231
Глава 13	251
Глава 14	270
Глава 15	291

Светлана Богданова
КАПКАН ДЛЯ ШОКОЛАДНОГО ЗАЙЦА.

Ведущий редактор *Е. Ю. Сатаева*
Художественный редактор *О. М. Бегак*

Лицензия ИД № 06295 от 16 ноября 2001 г.

Подписано в печать 11.08.2004. Гарнитура Школьная.
Формат 84×108 $\frac{1}{32}$. Объем 10 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 5000 экз. Заказ № 200.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2 — 953000

Издательство «Крылов».
Адрес для писем: 190068, СПб., а/я 625.

Отдел сбыта: тел. (812) **975-10-97**, 235-61-37;
тел./факс (812) **114-68-46**, 235-70-87.

E-mail:
mp@npr.sp.ru
sales@nprospect.sp.ru
sf@nprospect.sp.ru
kv@npr.sp.ru

<http://www.vkrylov.ru>

Отпечатано с диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

ОТДЕЛ СБЫТА:

тел. (812) 975-10-97, 235-61-37
тел./факс: (812) 114-68-46, 235-70-87
E-mail: mp@npr.sp.ru; sales@nprospect.sp.ru
<http://www.vkrylov.ru>

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ МАГАЗИН «Книжный дом „Невский проспект“»
С.-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 105 (ДК им. Крупской), павильон № 37

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

Санкт-Петербург	«Дом книги» (812) 318-62-24
Москва	«Арбалет» (095) 261-93-05, 267-37-58 «Лабиринт» (095) 733-91-74, 231-46-79, 723-72-95; «Технопрогресс» (095) 998-5972 (только опт); www.bookspb.narod.ru «Триэрс» (095) 157-4395 «РИПОЛ Классик» (095) 513-5777, 513-5785, 513-5471; infosklad@ripol.ru ; www.ripol.ru «Столица-сервис» (095) 375-2118, 375-3673
Екатеринбург	«Валео-книга» (343) 242-07-75, 242-56-00
Казань	«Таис» (8432) 72-3455; 72-2782
Киев	ЧП «Петров» (1038044) 452-1161; E-mail: petrov_kiev@svitonline.com
Новосибирск	«Топ-Книга» (3832) 36-1026, 36-1027
Ростов-на-Дону	ЧП «Остроменский» (8632) 32-1820 «Эмис» (8632) 328-771
Уфа	«Азия» (3472) 50-3900
Челябинск	«Интерсервис» (3512) 21-3374, 21-3453
Хабаровск	«Мирс» (4212) 29-25-65, 29-25-67; svetlana@bookmirs.khv.ru
Продажа книг в Европе	www.atlant-shop.com ; atlant.book@t-online.de тел. +49 (0) 721-1831212
Израиль	«Спутник» Тель-Авив, ул. Хель-Аширион, 79; тел. 03-6872261, 056-479931; факс 03-6872279; e-mail: sputnic@zahav.net.il
Книга-почтой наложенным платежом	Книжный дом «Невский проспект» 192029, Санкт-Петербург, а/я 25; тел. (812) 56-771-56; http://www.post.spbbook.ru ; E-mail: post@spbbook.ru 192236, Санкт-Петербург, а/я 300, 000 «Ареал»; тел. (812) 268-9093, 268-2297; e-mail: postbook@areal.com.ru

В О У Т И Q U E

ИРОНИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ВЕСНА—ЛЕТО 2004

Светлана Богданова

КАРАОКЕ НА ОСТРОВЕ БАЛИ

Отдых на Бали!.. Ангелина Громова, сотрудница агентства по недвижимости, так давно о нем мечтала! И вот мечта сбылась: Ангелина отправляется на Бали — да не просто так, а в свадебное путешествие с любимым. На престижном курорте — все к услугам молодоженов! Но даже среди местной экзотики экстравагантная Ангелина ищет приключений на свою голову. А кто ищет — тот всегда найдет...

Приглашаем на наш сайт
<http://www.vkrylov.ru>

В О У Т И Q U E

ИРОНИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ВЕСНА—ЛЕТО 2004

Светлана Богданова

РЫБА ФУГУ ПО-РУССКИ

Ангелина остроумна,
независима и хороша собой.
К тому же неплохо зарабаты-
вает в агентстве по недви-
жимости, где ей поручают
самые сложные сделки.
А недавно она познакоми-
лась с очень перспективным
молодым человеком.
Все шло просто замечатель-
но, пока одна молоденькая
дурочка не втянула Ангели-
ну в подозрительную историю.

Приглашаем на наш сайт

<http://www.vkrylov.ru>

В О У Т И Q U E

ИРОНИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ВЕСНА—ЛЕТО 2004

Василиса Островская

НАДЕЛА Я НОВУЮ ШЛЯПУ

Очаровательная Мария Лопухина, которую близкие называют Мухой, едет в Анапу. Муха мечтает о теплом песке, нежно-зеленоватом море и новых интересных знакомствах. Девушке и в голову не приходит, что вместо этих курортных радостей ей придется заняться расследованием убийства! А к разгадке Муху приведут собственные сны...

Приглашаем на наш сайт

<http://www.vkrylov.ru>

В О У Т И Q U E

ИРОНИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ВЕСНА—ЛЕТО 2004

Галина Полонская **ДЕВУШКА НЕЛЕГКОГО ПОВЕДЕНИЯ**

В жизни всегда есть место загадкам. И любителям их разгадывать. Чем заняться молодой женщине, если ее муж постоянно в отъезде — то в Китае, то на Тибете? Ника Лосовская — не тот человек, чтобы скучать. Она находит себе увлекательнейшее занятие — раскрывать преступления. Правда, иногда это увлечение оказывается небезопасным...

*Темные делишки,
тайные страстишки,
женское любопытство.*

Приглашаем на наш сайт
<http://www.vkrylov.ru>

В О У Т I Q U E

КРИМИНАЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ВЕСНА—ЛЕТО 2004

ЮЛИЯ ВОЛКОВА

Пока не было Интернета, частного сыска, пиара и пейнт-бола, не было и таких преступлений, которые описывает Юлия Волкова!

Юлия Волкова училась в Театральной Академии, работала на телевидении и на киностудии «Ленфильм». В свободное время прочла огромное количество детективов. Обнаружив, что сюжеты в них слишком часто повторяются, начала сочинять сама.

Таких сюжетов, как у Юлии Волковой, нет ни у кого!

Юлия Волкова

«АГАТА КРИСТИ» ВЫХОДИТ В МОРЕ

Телеканал «Невские берега»

снимает новое реалити-шоу на теплоходе «Агата Кристи».

Телеведущая Саша Барсукова не участвует в съемках, она просто плывет на «Агате» в Гамбург, где ее ждет... жених? друг? — в этом еще предстоит разобраться. От лирических раздумий девушку отрывают странные события, которые начинают происходить на «Агате». Кому же взяться за расследование, если не ей — ведущей телепередачи «Криминальные хроники»?

Приглашаем на наш сайт

<http://www.vkrylov.ru>

В О У Т И Q U E

КРИМИНАЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ВЕСНА—ЛЕТО 2004

Юлия Волкова

АЛИБИ НА ОДНУ НОЧЬ

Дочь «ювелирного короля» Ирина Султанова наконец-то встречает свою любовь. Отец дарит ей на свадьбу бесценный рубин «Кровь инфанты», обладающий волшебными свойствами.

Но счастье молодоженов оказывается недолгим — неизвестный преступник покушается на жизнь Ирины.

За дело берутся ведущая телепередачи «Криминальные хроники» Александра Барсукова и ее друзья — майор милиции Андрей Мелешко и частный сыщик Игорь Пирогов...

Приглашаем на наш сайт

<http://www.vkrylov.ru>

